

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ЭКОНОМИКА ДОИСТОРИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО
- ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОЙ ДОЧЕРИ
- НЛО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
- ВЕСЕЛИЕ РУСИ ЕСТЬ ПИТИ
- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ
- ПЕНСИЯ ДЛЯ ЗОЩЕНКО
- В ГАЛОШАХ — К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ
- ИРОНИЯ И СМЫСЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ
- ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ
- ПИСЬМО НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ
- ФРАНКФУРТСКАЯ ОСЕНЬ
- ПОЛУ-ИСАЙЯ, ПОЛУ-ИОВ
- СПОКОЙНОЙ НОЧИ, АБРАМ ДОНАТОВИЧ
- ВСТРЕЧА С ИННОЙ ЧУРИКОВОЙ

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 нем. марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок (25 ам.долларов). Журнал доставляется подписчикам обычной почтой бесплатно; доставка авиапочтой – за дополнительную плату (10 долл. в США, Канаде и Израиле, 20 долл. в Австралии и Новой Зеландии). Подписная плата принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 5 нем.марок). Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
Вести из СССР	14
<i>Р.Шапиро.</i> Экономика разбитого корыта	19
<i>С.М.</i> Не хлебом единым	32
Архив. "Аппарат борьбы с самогоном"	34
<i>Дж.Оберг.</i> Тайна Плесеца	36
Из газет: 50 лет назад	44
<i>Дж.Биллингтон.</i> Ирония русской истории	45
<i>В.Войнович.</i> Если враг не сдастся	52
<i>Р.Орлова.</i> Вызволяя себя из прошлого	64
Литературный архив. Паноптикум	71
Франкфурт, октябрь 1984	75
<i>О.Пас.</i> Диалог открывает врата мира. — Полу-Исайя, полу-Иов	77
<i>И.Чурикова.</i> Язык кино объединяет всех	90
<i>С.Максудов.</i> Спокойной ночи, с добрым утром	93

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Когда пройдут выборы американского президента — результаты их легко предсказать, — вновь, как и в начале 80-х годов, встанет вопрос: каково происхождение "феномена Рейгана" в Соединенных Штатах? Самое простое объяснение: Рейган оказался в Белом Доме четыре года тому назад, так как он был единственным достойным преемником сошедшего со сцены Джимми Картера. В то время американские граждане еще находились под впечатлением унижения, пережитого в Иране, где сторонники имама Хомейни захватили в качестве заложников американских дипломатов. Вдобавок, операция, предпринятая с целью освобождения пленников, потерпела скандальную неудачу, выявив несостоятельность администрации Картера или, во всяком случае, недостаточную мобилизованность военных руководителей, которые подготавливали это мероприятие. На исходе 1980 года американцы спрашивали себя: способна ли их армия справиться с задачами, которые могут перед ней возникнуть?

Если бы операция по спасению заложников удалась, Картер, возможно, был бы переизбран. Но история с заложниками была лишь завершением целой полосы неудач, начавшейся еще до президентства Картера. Америка потерпела первое военное поражение (во Вьетнаме), впервые президент был вынужден подать в отставку в результате общественного скандала (Уотергейт). Картер попытался оздоровить обстановку, но, в конечном счете, и его правление дало малоутешительные результаты.

В случае с Рейганом замечателен не столько самый факт того, что он одержал победу в ноябре 1980 года, сколько выгоды, которые ему удалось извлечь из этого успеха. Похоже, что он как личность не обладает чертами, какие, казалось бы, должны характеризовать выдающегося президента. Его речи не отличаются особой оригинальностью и блеском. Нельзя сказать, чтобы и внешне он отличался особой привлекательностью. Кажется, что он не пропускает ни одного случая, чтобы оставить Вашингтон, предпочтя ему свое ранчо в Калифорнии. Но все это, тем не менее, никак не отражается на его личной популярности. Президенту, кажется, нисколько не вредят даже его очевидные промахи и ошибки — к нему ничто не пристает. Недаром он получил прозвище "тефлонового президента".

Президент Рейган — сторонник экономического либерализма и готов свести на-нет те системы социального обеспечения, которые были созданы его предшественниками демократами. Его собственная программа не лишена противоречий. В самом деле, не обещал ли он одновременно увеличить военные кредиты, снизить налогообложение и уменьшить дефицит бюджета? Следствием было то, что военные расходы возросли, а выполнить третье обещание не удалось. Тем не менее, экономический итог его политики скорее положителен, ибо в то время как весь мир по-прежнему находится в ситуации экономического кризиса, из которого не видно выхода, американская экономика идет в гору. Доллар стал более твердой ва-

лютой, чем когда-либо, и курс его продолжает расти.

Правда, финансисты опасаются, что это процветание может оказаться недолгим. Почему? Обстановку, в которой растет доллар, нельзя назвать здоровой. Чтобы справиться с возрастающими расходами, не повышая налогов, нужно делать займы, а это влечет за собой необходимость значительного повышения процентных ставок. Те, у кого есть капитал для вложения куда бы то ни было, естественным образом хватаются за доллары. Но что произойдет, когда ажиотаж уляжется? Не рискует ли американская валюта упасть в цене еще быстрее, чем она росла?

Внешняя политика Рейгана оправдала ожидания его соотечественников. Он восстановил в правах национальную гордость. Не только благодаря энергичным решениям, вроде высадки американцев на Гренаде, но, главным образом, тем, что ему удалось изменить общее умонастроение. Это значит, что общий баланс внешней политики следует считать позитивным, даже с американской точки зрения. Заметим, что твердость по отношению к "империи зла" — Советскому Союзу — была предложена еще до Рейгана демократом Картером. Рейган принял в этом смысле его эстафету. Но теперь, через четыре года, те, кто рекомендовал и приветствовал политику твердости, приходят к мысли, что настало время внести в нее определенные коррективы. Две сверхдержавы не могут игнорировать друг друга до бесконечности. Обе заинтересованы в том, чтобы так или иначе умерить дорогостоящую гонку вооружения. Эта проблема в глазах американской общественности становится настолько серьезной, что негибкий Рейган перед выборами постарался предать широкой гласности свою первую встречу с Громько. Ему хотелось показать, что он не такой уж воинственный политик, каким его рисуют противники.

На Ближнем Востоке дела не блестящи. Каковы были позиции Вашингтона в этом районе мира четыре года назад? Существовала более или менее надежная точка опоры — Израиль. Крупнейшее арабское государство, Египет, решилось перейти к политике мира, опираясь на США. Существовала надежда, что Ливан справится с гражданской войной и останется прозападным государством.

Теперь политический ландшафт изрядно изменился. Соглашения, достигнутые в Кэмп-Дэвиде, в большой мере обесценились. Израиль увяз в Ливане, что вызывает беспокойство у многих его друзей. Вдобавок, расходы Израиля бесконечно превосходят его доходы, инфляция достигла 1000% в год. Новое правительство национального единства решило нанести психологический удар и ввело на шесть месяцев запрет на ввоз предметов роскоши в страну. Окажется ли эта мера эффективной, сказать трудно. Соединенные Штаты по-прежнему готовы помогать Израилю латать дыры в его бюджете, что было подтверждено во время визита Шимона Переса в США в октябре. И все же самый надежный союзник Штатов в этом регионе в настоящее время весьма слаб.

В Египте очевидным образом разочарованы соглашениями в Кэмп-Дэвиде, которые не принесли ожидаемых выгод. Ведь пойдя на эти соглашения, Египет рисковал многим: соглашения восстановили против египтян другие арабские страны. За мир с Израилем Садат поплатился жизнью. С другой стороны, политика Иерусалима, прежде всего вторжение в Ливан и еврейские поселения на оккупированных территориях, побуждают Египет снова пересмотреть свою позицию. Сейчас он старается помириться с остальными арабами, отчего его отношения с Израилем, само собой разумеется, стали намного прохладней.

Что можно сказать о Ливане? Усилия спасти эту страну, сохранить ее единство и самостоятельность мало к чему привели. Американские силы, направленные туда, чтобы помочь законному правительству, не сумели ничего сделать. Они понесли потери, которые ничем не были компенсированы. Снова унижение для Соединенных Штатов.

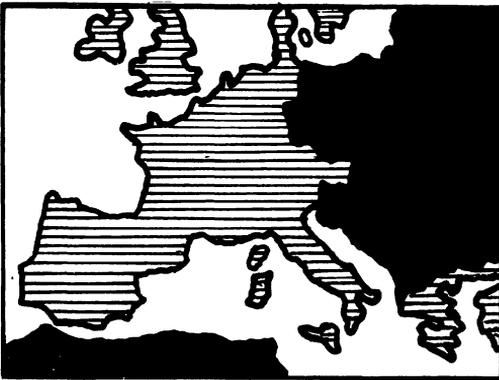
Такая же неопределенность существует и в Центральной Америке. На Гренаде решительность оправдала себя, а здесь? Противники сандинистского режима в Никарагуа, несмотря на финансовую помощь Соединенных Штатов и поставляемое ими оружие, до сих пор не сумели пошатнуть позиции правительства. Многие спрашивают себя, не совершили ли Штаты ту же ошибку, какая двадцать лет тому назад была допущена в отношении Кубы, когда Фиделя Кастро сочли коммунистом еще до того, как он им стал в действительности, и тем самым

оттолкнули его от себя. Конечно, марксистско-ленинское движение в Никарагуа организовано намного лучше, оно утвердилось у власти, расставляет повсюду своих людей и все менее скрывает свою природу. Остался ли еще какой-нибудь шанс, что революционный режим избежит иное направление? Как бы то ни было, из американских неудач можно извлечь полезный урок. В Сальвадоре, казалось, повторяется тот же, ставший уже классическим, сценарий. На одной стороне — регулярная армия численностью в 15 тыс. человек, подчиняющаяся правительству, которое до марта этого года выступало в качестве правительства правых. На другой стороне — десять тысяч "герильерос" (партизан), контролирующих две пятых страны. Шесть лет длится гражданская война, которая унесла 50 тыс. человек — более 1% населения.

Вначале Рейган проводил в Центральной Америке политику активной поддержки правых,

включая самых крайних, с целью сломить сопротивление "красных". Но скоро американское правительство поняло, что общественное мнение не желает рисковать новым Вьетнамом. Разгромить повстанцев путем молниеносных военных действий не представлялось возможным и пришлось искать политическое решение. Правительство США сделало ставку на президентские выборы в Сальвадоре, которые и состоялись в марте 1984 года. К счастью, победил христианский демократ Наполеон Дуарте, который выразил готовность начать переговоры с партизанами, чтобы положить конец кровопролитию. Повстанцы приняли его приглашение вступить в переговоры. Конечно, нельзя считать случайностью то, что процесс умиротворения начался перед ноябрьскими выборами в США. ●

Г. Ферон

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Французский журналист Жак Абушар, находившийся среди афганских партизан, в конце сентября попал в засаду и был взят в плен советскими частями. "Взломщик с кинокамерой", как назвала его советская пресса, был приговорен афганским судом к 18 годам тюремного заключения. Об аресте журналиста и жестоком приговоре мир узнал из сообщений советских телеграфных агентств, которые затем были подтверждены афганскими правительственными источниками.

Поначалу случай казался довольно заурядным. Очевидное нарушение (незаконный переход границы), и для острастки — суровое нака-

зание. Впрочем, журналист знал на что идет. Затем можно было ожидать дипломатического торга и освобождения в обмен на некоторые уступки. Сам факт переговоров между афганским и французским правительствами укрепил бы международный престиж первого, демонстрируя, что именно афганские власти ответственны за события в стране.

Однако неожиданно для советского руководства история Абушара вышла за рамки незначительного инцидента. Она взволновала всю Францию. Отчасти этого можно было ожидать. В наше время отношения между Западом и Востоком нередко воспринимаются рядовым человеком прежде всего через судьбы отдельных людей, будь то пассажиры корейского авиалайнера, Андрей Дмитриевич Сахаров или французский врач Ж.Огайяр, попавший в афганскую тюрьму за оказание медицинской помощи партизанам и пострадавшему от советских бомбардировок населению. Именно в отношении к живым людям наиболее отчетливо просупает сущность советского режима.

Но в случае Абушара важную роль сыграло не только это. Абушар не просто известный журналист. Он тележурналист. Миллионы французов знают его в лицо, привыкли по вечерам слышать его голос, видеть его улыбку. Его несчастье оказалось для жителей Франции делом личным, трагедией хорошего знакомого.

Закон для французов – понятие вполне реальное, они привыкли его уважать. Но восемнадцатилетний срок заключения – это 18 лет жизни. За что же? Ведь для рядового европейца государственная граница – линия условная, миллионы иностранцев приезжают ежемесячно во Францию без всякого разрешения и миллионы французов без виз колятся по снегу.

Не меньше рядового французского населения оказалось задетым правительство страны. Программа, в которой выступает Абушар, самая популярная во Франции и, к тому же, "левая". Это важно, ибо сейчас лишь немногие средства массовой информации поддерживают Миттерана. Лишиться этой опоры было бы для социалистического правительства серьезным ударом.

В результате, фантастический приговор всколыхнул всю страну. Возник комитет защиты Абушара, начались демонстрации у советского посольства, посыпались письма и телеграммы протеста. Мэры французских городов (многие из которых коммунисты) приняли совместную резолюцию, осуждающую поведение СССР. Французская компартия вынуждена была присоединить свой голос к хору протестов, осуждая, правда, правительство Афганистана, а не Советский Союз.

Наконец, парламентская делегация, прибывшая в Москву для празднования юбилея шестидесятилетия установления дипломатических отношений между СССР и Францией, предъявила ультиматум: если в течение 48 часов дело Абушара не будет пересмотрено, парламентарии уезжают обратно.

Растерявшись перед этой неожиданной волной политического давления на всех уровнях, советские власти, забыв впопыхах о столь бережно отстаиваемом ими афганском суверенитете, срочно дали обратный ход. Успокаивать парламентариев пришлось лично кандидату в члены Политбюро, секретарю ЦК КПСС Борису Пономареву. За Абушаром в Кабул вылетели два члена французского Национального собрания. Чтобы хоть в чем-то отыграться, советские власти запретили французскому правительственному самолету пролет над своей территорией. К ним присоединилось правительство Ирана, что вынудило самолет с Абушаром лететь по довольно хитроумной трассе, отражающей отчасти политическую расстановку сил в современном мире. ●

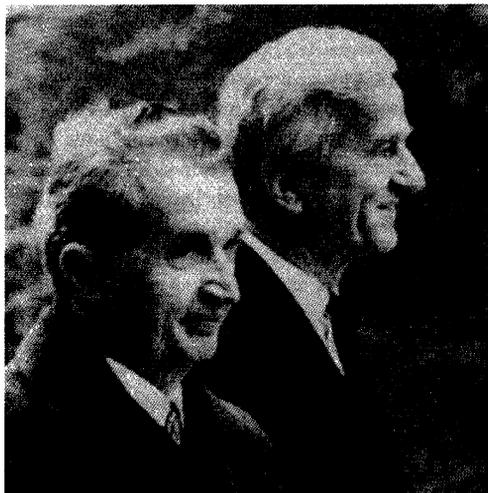
ЧАУШЕСКУ В БОННЕ

15 октября начался визит румынского президента и партийного лидера Николае Чаушеску в Бонн. После того, как под давлением СССР были отсрочены визиты в ФРГ Э.Хонеккера и Т.Живкова, западногерманское правительство приложило все усилия для того, чтобы не дать ни малейшего повода для отказа с румынской стороны. Даже требование Чаушеску, чтобы канцлер Хельмут Коль встретил его на аэродроме – что никак не соответствует принятому в ФРГ протоколу – частично было удовлетворено: на аэродроме его ожидал Ф.Геншер, заместитель канцлера.

Таким образом, визиту Чаушеску было придано гораздо больше значения, чем он того заслуживает. Создалось впечатление, что заинтересована в этом визите была в первую очередь ФРГ, а не Румыния. Что касается Н.Чаушеску, то ему отсрочки визитов Хонеккера и Живкова пошли на пользу: в очередной раз он смог продемонстрировать миру свою относительную независимость от СССР в области внешней политики.

Первым шагом к этой независимости было (вопреки воле Москвы) установление дипломатических отношений между Румынией и ФРГ в 1967 г. В том же году Румыния стала единственным государством Восточного блока, не порвавшим дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны. В 1968 году Румыния не только не участвовала в интервенции в Чехословакию, но даже объявила о мобилизации своих войск на границе с Чехословакией, когда туда вошли советские танки. В последнее время Румыния не допускает маневров Варшавского пакта на своей территории и не участвует активно в таких маневрах на территории других стран. Москва смирилась с своим нравственным поведением Румынии, тем паче, что это никак не затрагивает внутреннюю политику Румынии: здесь Чаушеску держит, пожалуй, еще более жесткий курс, чем какой-либо из последних советских руководителей.

Главными темами переговоров во время трехдневного пребывания Чаушеску в Бонне были углубление и расширение экономических отношений между Румынией и ФРГ и проблемы румынских немцев, как желающих остаться в Румынии, так и тех, которые стремятся пере-

Н. Чаушеску с Президентом ФРГ
Р. фон Вейцекером

селиться в Западную Германию. В этом вопросе официального соглашения достичь не удалось, и Чаушеску пришлось покинуть Бонн без общего заключительного коммюнике, в котором он лично был очень заинтересован. Правда, это еще не означает, что не состоялось неофициального соглашения и что Чаушеску в этом вопросе не пойдет все же на кое-какие уступки.

Канцлер Коль дал этому визиту положительную оценку, что, однако, надо рассматривать в связи с внутривнутриполитическими интересами западногерманского правительства: для Коля важен просто сам факт состоявшегося визита, подтверждающий, что, несмотря на размещение американских ракет на территории ФРГ, диалог с Востоком не оборвался. ●

Е. Фишер

20 ЛЕТ БЕЗ ТОЛЬЯТТИ, НО ПО ЕГО ПУТИ

Новый генеральный секретарь Итальянской компартии Алессандро Натта, избранный недавно на место скончавшегося Энрико Берлингуэра (см. "Страна и мир", № 6), выступил с одной из первых важных политических деклараций. Лидер самой крупной в свободном мире компартии коснулся наследия отца-основателя партии Пальмиро Тольятти, скончавшегося 20 лет назад в Ялте. Как известно, в своем предсмертном письме, которое "Правда" опубликовала под огромным нажимом итальянских товари-

щей, Тольятти отмечал, что в СССР и после XX съезда сохранились условия для возвращения "культы личности". Напомним, что тогда, в 1964 г., он мог бы уже сказать не только об условиях для возвращения культа, но и о новом культе Хрущева. Однако Тольятти по словам Натта, "никогда не высказывал сомнений в советской внешней политике" и "всегда считал ее фактором равновесия и мира". Живи Тольятти дольше, добавил Натта, он критиковал бы и вторжение в Чехословакию и Афганистан и отношение Советского Союза к польской "Солидарности".

Натта провозгласил, что критика действий Советского Союза со стороны итальянской компартии — естественное развитие наследия Тольятти. Это первый залп нового руководителя по просоветскому крылу в партийном руководстве (впрочем, крайне малочисленному). Это и напоминание советским оппонентам, которые, замалчивая предсмертное письмо Тольятти, противопоставляют "старика" его продолжателям — Лонго, Берлингуэру, а теперь и самому Натта: Тольятти в официальной советской истории — или легенде — выдают за просоветского рыцаря без страха и упрека. "Вспоминая великих людей прошлого, легко впасть в иллюзию, что ими открыто все, и их наследникам ничего уже не осталось делать, — сказал Натта. — Это не так. Итальянская коммунистическая партия развила догадки Тольятти. Лонго и Берлингуэр открыли новые рубежи".

Итак, смена руководства ИКП едва ли приведет к потеплению отношений этой партии с КПСС.

●

Швеция заявила Советскому Союзу протест — редкий в практике шведской дипломатии, всего четвертый после войны. Даже многочисленные вторжения советских подводных лодок в шведские воды протестов практически не вызывали.

Шведский протест связан со вторжением в воздушное пространство Швеции советского истребителя. Истребитель СУ-15, того же типа, что и истребитель, сбивший в прошлом году корейский авиалайнер, вторгся 9 августа на 27 км в шведское воздушное пространство в районе к юго-востоку от о. Готланд, в 200 км от Стокгольма. Истребитель преследовал шведский авиалайнер компании Сканэйр с 276 пас-

сажирами на борту. Он находился в чужом воздушном пространстве в течение 5 минут.

Шведские радарные установки следили за советским самолетом-нарушителем на всем протяжении полета. Разумеется, открывать огонь никому и в голову не пришло. ●

БОМБЫ В БОЛГАРИИ

Проводимое итальянскими властями расследование причастности болгарских секретных служб к покушению на Папу Римского привлекло внимание всего мира к Болгарии, как одному из центров международного терроризма. Однако, похоже, что сейчас проблема терроризма оборачивается для болгарских властей и другой, отнюдь не желательной для них стороной.

Из Болгарии поступают сообщения о том, что 30 августа неизвестные лица взорвали две бомбы. Одна бомба взорвалась на железнодорожном вокзале в Пловдиве, убив, по меньшей мере, шесть человек. Другой взрыв произошел в тот же день в аэропорту Варны. Любопытно, что в этот день болгарский вождь Тодор Живков возвращался из летнего отпуска из Варны в Софию и должен был посетить Пловдив, чтобы проинспектировать расположенный поблизости показательный колхоз. Этот колхоз должны были продемонстрировать ожидавшемуся в Болгарии через 10 дней М.Горбачеву.

В Болгарии не думают, что взрывы представляют собой неудавшиеся покушения на Т.Живкова. Но ни у кого нет сомнения, что это — демонстрация серьезного общественного недовольства. В стране, где такое недовольство не имеет открытого и законного выхода, проявления

его могут принять уродливые, а подчас и преступные формы.

По другим непроверенным сообщениям, взрывы произошли также в г. Рузе на Дунае и в порту Бургас. Власти хранят молчание. Лишь 21 сентября официальное агентство БТА сообщило об "акте преступного характера" на пловдивском вокзале, не входя при этом ни в какие детали. Явно желая отвести внимание общественного мнения от этих событий, болгарские власти сообщили 9 октября о казни Пламена Антонова Пенчева — человека, пославшего в апреле по почте бомбу, которая, взорвавшись, убила трех человек. Этот эпизод, видимо, не имел какого-либо политического характера.

ПРОБЛЕМЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

В одной из сентябрьских передовых газеты "Руде право" было выражено глубокое беспокойство в связи с энергетическим кризисом в стране. Было дано понять, что, по крайней мере до конца года, энергия будет ратционирована.

Причина кризиса — в явных провалах программы развития чехословацкой ядерной энергетики. Чехословацкие плановые органы полагали, что в сравнительно скором будущем ядерные реакторы станут главным источником энергии в стране. В прошлом году единственная пока действующая ядерная электростанция в Ясловске Богунице давала 8% всей электроэнергии. Планировалось, что к 1990 г. вклад ядерных электростанций составит 35%, а к 2000 г. — более 50%. Использование ядерной энергетики стало необходимым, т.к. запасы высококачественного угля близки к исчерпанию, а импорт советской нефти обходится все дороже.

Чехословакия является также важным участником ядерноэнергетической программы СЭВ. Ежегодно она посылает для обогащения в Советский Союз 2—3 тысячи тонн урановой руды. Она — единственная восточноевропейская страна, производящая по советской лицензии водородные реакторы под давлением.

Похоже, однако, что обширные планы развития ядерной энергетики придется сильно "скорректировать" и отсрочить. Первая из чехословацких ядерных электростанций строилась 16 лет и после ряда аварий от ввода ее в строй

пришлось отказаться. Один из двух реакторов мощностью 440 Мвт на другой электростанции – в Ясловске Богуннице – должен был достигнуть проектной мощности в этом месяце, но сейчас уже ясно, что запоздание составит не менее года. Второй такой же реактор должен был быть пущен в строй в 1983 г., сейчас срок отодвинут до сентября 1985 г., но похоже, что и это слишком оптимистическая дата.

Не в лучшем положении и проекты других ядерных электростанций. В сентябре министр топлива и энергетики Властимил Эренбергер признал, что сооружение первой очереди электростанции в Дукованах, которое должно быть закончено в августе, запаздывает на 7 месяцев. Плановые сроки для остальных трех очередей отодвинуты еще более. Еще хуже дело обстоит со строительством электростанции в Моховце.

УБИЙСТВО СВЯЩЕННИКА ПОПЕЛЮШКО

Самым громким событием в Польше за последние недели стало похищение известного католического священника Ежи Попелюшко – 37-летнего vicария церкви св. Станислава Костки в Варшаве. На его богослужения всегда собирались тысячи верующих, а проповеди, в которых Попелюшко выражал горячую поддержку "Солидарности", осуждал насилие и произвол, производили глубочайшее впечатление и находили широкий отклик среди поляков по всей стране.

На протяжении последних месяцев официальная пресса неоднократно выступала с нападениями на Попелюшко. Служба безопасности установила за ним слежку, его часто вызывали на допросы, а затем обвинили в хранении оружия и взрывчатых веществ, якобы обнаруженных в его квартире. На протяжении сорока лет работники СБ довольно часто "обнаруживали" в домах своих жертв даже пулеметы. Позже часто оказывалось, что оружие подложили они же сами.

Следствие по делу Попелюшко было прекращено в связи с амнистией, но официальная пресса продолжала травлю священника.

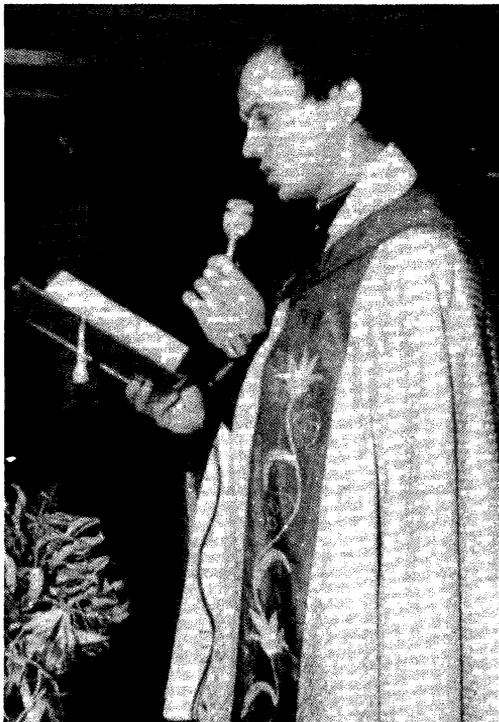
19 октября после богослужения в одном из костелов в Быдгоще Попелюшко вместе с водителем Вальдемаром Хростовским на автомобиле отправились в Варшаву. Около десяти часов вечера возле Торуня их машину задержала группа из трех человек, в том числе один – в форме дорожной милиции. Водителя попросили пересесть в другую машину якобы для проверки наличия алкоголя в крови... После

Работы по сооружению электростанции в Темелине, которая должна стать крупнейшей в стране (4 реактора по 1000 Мвт), были задержаны на 9 месяцев, т.к. центральная проектная организация, Энергопроект в Праге, задержала поставку чертежей.

Несмотря на все это, Чехословакия объявила о планах строительства еще одной электростанции – в Восточной Словакии, между Прешовом и Кошице.

Строительство ядерных электростанций, разумеется, дело нелегкое. Беда Чехословакии состоит в том, что все напряженные планы страны в области промышленного производства сильно зависят от выполнения энергетической программы: резервов почти нет. Более того, выясняется, что промышленность в этом году поглотила даже на 3% больше энергии, чем это было запланировано. ●

того как Хростовский вышел из автомобиля, ему мгновенно надели наручники и кляпом заткнули рот. Попелюшко несколько раз ударили, он упал и, видимо, потерял сознание. Потом его бросили в багажник машины, в которой уже сидел Хростовский. Автомобиль сразу же рванулся с места. После нескольких минут езды Хростовский, воспользовавшись невнимательностью похитителей, выскочил из мчавшегося автомобиля. Похитители не остановились. Возможно, водителю специально позволили бежать, чтобы он потом, как свидетель, обо всем рассказал. Похитители явно добивались широкой огласки.

Сутки спустя Варшавское телевидение в очередном выпуске новостей сообщило о похищении Попелюшко неизвестными лицами. Было сказано, что один из похитителей был в милицейской форме и что номер машины фальшивый. Диктор сообщил также, что власти начали следствие и поиски священника.

23 октября представитель правительства Ежи Урбан заявил: "Я считаю, что это событие нанесло удар по многим положительным процессам в нынешней Польше, в первую очередь, по

восстановлению отношений с некоторыми западными государствами. Это происшествие рассчитано на то, чтобы остановить процесс обновления, ухудшить отношения государства с церковью. Короче говоря, это было покушение на все то, в чем жизненно заинтересовано польское правительство.

Я решительно осуждаю бандитские методы, такие как похищение людей, — продолжал Ежи Урбан. — В Польше такого еще не случалось. Это событие вызывает чрезвычайную тревогу, тревогу государственных властей, так как удар направлен против правительства Польши".

24 октября стало известно, что милиция разыскала и допросила важных свидетелей. Власти сообщили об аресте работника Министерства внутренних дел, который в день похищения не явился на работу, не сумел предъявить алиби и подделал маршрутный лист своего автомобиля. Позже было установлено, что в день похищения он находился в Торунь. В багажнике его автомобиля обнаружены волосы, по цвету напоминавшие волосы Попелюшко.

25 октября в Варшаве было опубликовано заявление примаса Польской католической церкви кардинала Глемпа, в котором Глемп выразил опасение, что похитители убили Попелюшко. Из этого заявления можно было сделать вывод, что примас, возможно, знает о трагическом событии больше, чем другие, и хочет подготовить народ к худшему. Это предположение было тем более вероятным, что в деле о похищении священника церковь и правительство, встревоженные возможностью взрыва неконтролируемого возмущения, начали сотрудничать между собой.

Чтобы яснее понять происшедшее, стоит хотя бы кратко напомнить о расстановке сил в правительственном лагере накануне похищения Попелюшко. Лагерь этот разделен на несколько групп разной ориентации — положение, немислимое ни в каком другом "социалистическом" государстве. Страной управляет группа Ярузельского. Многие ключевые государственные посты занимают военные. Партия до сих пор не может оправиться после крупного поражения во времена деятельности "Солидарности": ряды ПОРП продолжают редеть. Ежегодно количество выбывающих членов партии примерно на 50 тысяч превышает количество принятых. Такая деградация партии вызывает

недовольство среди многих аппаратчиков высшего ранга. В создавшемся положении они обвиняют Ярузельского. Партийная администрация, напуганная и униженная всенародной поддержкой "Солидарности", а также служба безопасности и милиция ненавидят оппозицию и католическую церковь.

Слухи о фракционной борьбе в высших партийных кругах содержат немало правды. Против Ярузельского действует коалиция сил, жаждущих "кровавого возмездия" за август 1980 г. Она упрекает Ярузельского в мягкости по отношению к католической церкви и оппозиции, выступает даже против ограниченных реформ, которые предлагает Ярузельский. Группа сторонников реформ очень слаба. К ней можно отнести прежде всего интеллектуалов, поддерживающих правительство или составляющих умеренную оппозицию ему и объединенных вокруг "Патриотического движения защиты нации" (ПРОН), которое, однако, не пользуется поддержкой народа.

Существование различных фракций в правительственном лагере подтверждается заметными расхождениями и неоднородностью официальной прессы, начиная с фашиствующих коммунистических газет типа антисемитского еженедельника "Жечьвистосць" ("Действительность") и кончая газетой либерально-коммунистического толка "Политика". В прессе продолжается острая полемика, и по остроте ее можно судить о степени враждебности между отдельными группировками внутри партии. Польская коммунистическая "черная сотня" горит желанием отомстить своим неверным сотоварищам и, разумеется, обществу.

Похищение Попелюшко (а виновников наверняка следует искать среди правительственных кругов) — проявление этой жажды мести. Преступление это ни в коем случае не было недобдуманной выходкой каких-то психопатов из службы безопасности. Оно безусловно было заранее подготовленной провокацией, за которой кроются коварные планы, возможно, направленные против самого Ярузельского.

Похищение Попелюшко продемонстрировало также, что генерал Ярузельский теряет контроль над карательным аппаратом, и это в немалой степени явилось следствием снисходительного отношения к преступлениям милиции на протяжении последних трех лет. Со дня введения

в стране военного положения и доньше имело место много случаев зверского обхождения властей с арестованными и заключенными, случались даже убийства, за которые виновники не понесли никакого наказания. "Длинные вожжи", которые служба безопасности получила в ходе "борьбы за сохранение социалистического строя", привели, может быть, к тому, что внутри этого мрачного учреждения могла образоваться тайная организация наподобие "эскадрона смерти". Кстати, в Варшаве уже ходят слухи о существовании такой тайной организации под названием ОАС (Организация анти-Солидарность). Эти слухи подтверждаются сообщением Варшавского радио о том, что в Гданьске арестованы два работника службы безопасности по обвинению в причастности к пока нераскрытой подпольной организации.

В.Кучинский

Комментарий В.Кучинского был написан накануне обнаружения тела священника Попелюшко. 30 октября мир потрясла весть о том, что самые худшие опасения примаса Польской католической церкви и других поляков сбылись. Тело священника, похищенного 19 октября, было обнаружено на дне водоема вблизи города Влоцлавек. На теле были следы пыток. ●

ИНДИРА ГАНДИ

31 октября два личных охранника премьер-министра Индии Индиры Ганди выстрелом в упор убили человека, охранять которого они были поставлены. Преступление всколыхнуло всю Индию: страна оказалась свергнутой в

И.Ганди с Л.Брежневым

кризис, которого она не переживала со времен провозглашения независимости.

Убийцы и их мотивы известны. Выстрелы в Индиру Ганди — месть со стороны сикхов, религиозной секты, возникшей в XV в. из слияния индуизма и ислама. К ней принадлежит сейчас 2% населения страны. С середины 70-х гг. сикхи добиваются автономии (они сосредоточены преимущественно в Пенджабе), а в последнее время наиболее радикальные лидеры сикхов требуют даже независимости. Они захватили и превратили в вооруженную крепость святилище сикхов в Амритсаре — Золотой храм. В июне по приказу И.Ганди храм был взят штурмом, около 600 человек было убито. Актом мести за это и явились выстрелы в Дели.

Конечно, не подоплека убийства, не сикхская проблема, как бы серьезна она ни была, — причина грандиозного кризиса. Трагедией для 700-миллионного народа стала сама гибель выдающегося лидера страны. Сразу стало ясно, каким огромным авторитетом она пользовалась.

Индира Ганди была сложной и противоречивой личностью. Многое зависит от того, кто смотрит на нее, кто ее оценивает. Жителям Советского Союза трудно, конечно, забыть, что И.Ганди тесно связала внешнюю политику своей страны с политикой Советского Союза. Почти по всем важнейшим мировым вопросам Индия при И.Ганди занимала позицию, совпадающую или близкую с позицией СССР. У И.Ганди не нашлось слов для осуждения действий Советского Союза в отношении Че-

хословакии, Польши, даже интервенцию в Афганистан она критиковала сдержанно и явно неохотно. Голос Индии никогда не раздавался в поддержку преследуемых в Советском Союзе.

Для индийца все это выглядело по-иному. Внешнеполитический курс Индии определился конфронтацией с Китаем, с одной стороны, и с Пакистаном — с другой. Учитывая враждебные отношения СССР с первым и более чем прохладные — со вторым, для Индии естественно было искать союза с СССР, в том числе и военного. Экономически этот союз для Индии был тоже важен — не столько потому, что нищий Советский Союз мог много дать этой гигантской стране, сколько потому, что опасение установления еще более тесных индо-советских связей побуждало и западные страны увеличивать помощь.

Так что едва ли теплые личные чувства к Брежневу, Андропову и Черненко или идейная приверженность к советскому социализму побуждали суровую и сдержанную Индиру Ганди расточать лучезарные улыбки советским вождям и подписывать с ними договоры. Ее союз с Москвой был курсом решительного, циничного и жесткого политика. Политиком прежде всего была она и во всем другом, и, возможно, именно ее жесткость позволила ей в течение столь долгого времени цементировать своим духом этот раздираемый противоречиями субконтинент. Но она не была политиком беспринципным: ее принципом была служба Индии, такая, как она ее понимала, но служба искренняя и страстная. История покажет, что из сделанного Индирой пошло ее стране на пользу, а что во вред: было и то, и другое. Но ее целеустремленность и уверенность в своем предназначении создали ей харизматический ореол, ясно ощущавшийся всеми индийцами. "Индира — это Индия, Индия — это Индира", — для индийцев это было не только предвыборным лозунгом.

Индира, единственная дочь Джавахарлала Неру, родилась в 1919 г. Детство ее было одиноким и очень недетским. Родители часто попадали в тюрьму. Дом их был одним из центров борьбы за независимость, и сама девочка, получившая довольно беспорядочное образование, рано оказалась вовлеченной во всю эту деятельность — то как участник демонстраций, то как письменный носитель. Отца она знала, в основном, по письмам из тюрьмы, которые потом были изданы и получили всемирную известность.

Индира Ганди с Махатмой Ганди

После четырехлетнего обучения в Англии, в Оксфорде, Индира в 1941 г. вернулась в Индию, где вышла замуж за журналиста Фероза Ганди (вопреки распространенному заблуждению, он не находился в родстве с великим Махатмой Ганди), а вскоре она вместе с мужем попала ненадолго в тюрьму. Единственный спокойный период семейной жизни был у Индиры в 1943–1946 гг. Тогда родились два ее сына: Раджив и Санджай.

В 1946 г. Неру стал премьером переходного правительства, а в 1947 — первым премьер-министром независимой Индии. Индира стала официальной хозяйкой его дома (мать к тому времени скончалась).

В политику Индира впервые вступила в 1955 г., когда ее избрали в рабочий комитет партии Индийский национальный конгресс (ИНК). Через четыре года, очевидно, как дочь Неру, ее избрали председателем партии. Когда в 1964 г. Неру умер, новый премьер, Лал Бахадур Шастри, предложил ей скромный пост министра информации, но уже через два года, после скоропостижной кончины Шастри в Ташкенте, лидеры ИНК избрали Индиру Ганди премьер-министром.

Уже первый года премьерства Индиры был отмечен такими решительными шагами, как разделение провинции Пенджаб на части и предложение о национализации коммерческих банков (что и было потом сделано). После выборов 1967 г. И.Ганди объявила свою программу из 10 пунктов, с целью построения "индийского социализма" со стабильной экономикой. Эта программа расколола ИНК: более консервативная часть сгруппировалась вокруг Морарджи Десая, более радикальная — вокруг И.Ганди. На выборах избиратели поддержали радикалов — и их победа была сокрушительной.

Кризис начался в 1975 г., когда суд в Аллахабаде, родном городе И.Ганди, постановил, что И.Ганди виновна в предвыборной коррупции и объявил ее избрание в парламент недействительным. Оппозиция, естественно, потребовала ее отставки.

Индира, однако, решила по-иному. Она объявила чрезвычайное положение в стране, арестовала лидеров оппозиции, включая М.Десая, а за ними еще несколько тысяч человек. Конституционные гарантии прав были приостановлены. Введена цензура печати. Демонстрации протеста И.Ганди попросту игнорировала. "В Индии, — сказала она, — демократия дает народу слишком много вольности". Люди горько шутили: будь Неру жив, не миновать бы ему снова тюрьмы, и пришлось бы ему опять писать письма дочери на волю, на этот раз в ведомство премьер-министра.

Парламент, где И.Ганди имела подавляющее большинство, быстро изменил избирательный закон, попросту устранив отсюда нарушенные Индирой пункты. После этого Верховному Суду не оставалось уже ничего, как снять с нее все обвинения.

Уверенная в себе И.Ганди объявила в 1977 г. внеочередные выборы и, кажется, единственный раз серьезно просчиталась. Ее партия с треском провалилась (опыт диктатуры все же не был еще забыт), и премьером стал посаженный ранее Индирой в тюрьму М.Десай.

В 1978 г. И.Ганди и ее сторонники откололись от партии ИНК, организовав свою собственную: ИНК(И), где И в скобках означает Индира. А через несколько месяцев ее арестовали по

Индира с отцом Джавахарлалом Неру

Индира Ганди с сыном Радживом незадолго до убийства

обвинению в коррупции и незаконных махинациях, связанных с автомобильной компанией, руководимой ее сыном Санджаем. И этот арест неожиданно выявил силу харизмы И.Ганди, показал, как велик ее авторитет как общественного деятеля, несмотря на события недавнего прошлого и очевидные злоупотребления властью. Начались многотысячные демонстрации, которые принудили правительство отступить и освободить Индиру. "Я хорошо отдохнула", — сказала она по выходе.

В 1979 г. М.Десаи подал в отставку, и на очередных выборах избиратели вернули Индиру и ее ИНК (И) к власти, обеспечив ей две трети мест в парламенте.

Чувствуя свою власть крепкой, Индира заранее готовила себе преемника — сына Санджая, но тот неожиданно погиб в 1980 г. в авиакатастрофе. Новым "кронпринцем" стал старший сын Раджив, до того стоявший совершенно вне политики. После гибели матери Раджив Ганди уже через несколько часов был избран новым премьером. Главой правительства стал человек с минимальным опытом как во внутренней, так и во внешней политике. Характер и воля его неизвестны. За ним, правда, ореол имени Ганди.

Тем самым произошло нечто беспрецедентное в демократической стране: устанавливается династия премьер-министров. Раджив — третий член семейства Неру-Ганди на этом

посту. Пока неясно, какие это будет иметь последствия для молодой индийской демократии.

Индира Ганди не удалось осуществить свою социалистическую программу из 10 пунктов. После себя она оставила страну, по-прежнему страдающую от недоедания и даже голода, с огромным ростом населения, неграмотностью, с лишь слегка поколебленной властью земельных магнатов, с расовыми и религиозными конфликтами, сепаратизмом. И при всем том — великую страну.

Тяжелый груз этого наследства предстоит нести Радживу Ганди. ●

ТАИЛАНД: КОММУНИСТЫ МЕНЯЮТ ТАКТИКУ

3 июля полиция Таиланда арестовала 22 тайландских коммуниста, в том числе многих видных представителей руководства ТКП. При арестах было захвачено большое количество документов, указывающих на то, что партия намерена в ближайшем времени изменить свою тактику.

ТКП начала вооруженную борьбу против правительства в середине 60-х гг. Боевые отряды тайландских коммунистов проходили военное обучение в Северном Вьетнаме, оружие поступало из Китая. ТКП получала также помощь от Патет-Лао в Лаосе, а позднее — от "красных кхмеров".

Одно время казалось, что коммунистические "повстанцы" имеют успех, но уже в конце 70-х гг. успехи эти пошли на убыль. Китай прекратил поставки оружия. Правительство развернуло массированные противопартизанские операции. Кроме того, была объявлена амнистия, коммунистов призвали сложить оружие. Многие этому призыву последовали, порой правительство сдалось целые партизанские соединения. Сейчас в Таиланде действуют коммунистические отряды численностью всего 1200 чел.

Неудачи заставили руководство тайландских коммунистов искать новую тактику. От традиционной маоистской крестьянской войны они перешли к "городской" партизанской борьбе. Документы, захваченные во время июльских арестов, показывают, что тайландские коммунисты в апреле-мае имели встречи с представите-

лями ряда стран Восточной Европы и коммунистических стран Индокитая. Во время встреч обсуждались вопросы организации партизанской борьбы в городах. Целью ее является дестабилизация существующего строя.

Таиландские коммунисты установили также контакт с Ирландской Республиканской Армией (ИРА), имеющей большой опыт городского терроризма. ИРА обещала ТКП техническую помощь в организации подпольного радиовещания.

По мнению главы таиландской контрразведки ген.-майора Касема Саенгмита, все указывает на то, что ТКП начинает переориентироваться — с прокитайской на просоветскую. До недавнего времени ее контакты с Советским Союзом были минимальными.

ТКП приобрела также один из ведущих таиландских журналов — разумеется, не объявляя об этом. Журнал должен был, избегая прямой поддержки ТКП, "организовывать" общественное мнение в ее пользу.

ТКП вложила капитал в ряд промышленных и торговых компаний, чтобы улучшить свою финансовую базу. Транспортные компании, тайно приобретенные ТКП, занимались организацией поставок повстанцам, скрывающимся в горах и джунглях. ●

ТРЕТИЙ КАНДИДАТ

Предвыборная кампания в США для всего мира — это прежде всего дуэль республиканцев и демократов, Р.Рейгана и У.Мондейла. Средства массовой информации как на Западе, так и в социалистических странах замалчивают тот факт, что в борьбу за президентское кресло вступил и передовой отряд аме-

риканского пролетариата — Коммунистическая партия США.

А между тем, вот уже в четвертый раз, начиная с 1972 г., лидер американских коммунистов Гэс Холл бросил вызов ставленникам капитала. Он колесит по всей стране и уже истратил на свою предвыборную кампанию около полутора миллиона долларов. Коммунистический кандидат будет баллотироваться в 23 штатах и в столичном округе Колумбия. В КП США в настоящее время 20 тысяч членов, но, по словам Гэса Холла, ее поддерживает почти 500 тысяч американцев (что-то около четверти процента населения).

Гэс Холл, в далеком прошлом рабочий-металлист со Среднего Запада США, возглавляет компартию вот уже почти 58 лет. Сейчас ему 74, он на несколько месяцев старше Р.Рейгана. Поэтому он никогда не касается в своих речах "возрастного фактора". "Проблема не в возрасте Рейгана, — говорит Г.Холл. — Рейган сам по себе проблема".

Буржуазная пресса, поднявшая невероятный шум вокруг того, что, якобы, впервые на пост вице-президента баллотируется женщина — Джеральдин Ферраро, замалчивает тот факт, что партнером Г.Холла по предвыборной кампании тоже является женщина — Анджела Дэвис, та самая знаменитая в Советском Союзе Анджела Дэвис, в защиту которой полтора десятилетия назад писали письма все советские пионеры и пенсионеры. Кампания ее защиты как-то тихо утасла после того как буржуазная Фемида взяла да оправдала Анджелу, а нынешней политической активности отважной коммунистки в СССР почему-то уделяется мало внимания.

Визиты кандидатской пары Холл—Дэвис в американские города не привлекают шумных толп. На встречи с коммунистическими кандидатами, проходящие в прокуренных залах местных профорганизаций, собираются несколько десятков человек, да иногда забредет папочка репортеров.

Один из таких скучающих репортеров в городе Балтиморе спросил Гэса Холла, надеется ли он еще при своей жизни увидеть в Америке социализм. Седой Гэс Холл тяжело вздохнул, поднял глаза к темному потолку и ответил: "Не помню, кто это однажды сказал: никогда не говори никогда!". ●

ВАЛЕРИЙ МАРЧЕНКО И ЮРИЙ ЛИТВИН ПОГИБЛИ В ЛАГЕРЕ

В № 3 нашего журнала мы писали о суде над украинским журналистом Валерием Марченко, рассказывали о его жизни. Там же было опубликовано его "Письмо деду" — человеческий документ пронзительной силы, исповедание веры страстного патриота Украины.

И вот теперь Валерия Марченко нет в живых. Он скончался 7 октября в ленинградской больнице для заключенных им. Гааза, отбыв из назначенного ему нового, теперь десятилетнего каторжного срока лишь один год. Валерий Марченко навсегда освободился от издевательств, мучений, бесчеловечности.

Напомним еще раз основные вехи его недолгой жизни. Родился в 1947 году. Блестящая карьера журналиста после окончания университета. Несколько написанных для самиздата статей о судьбе национальных культур нерусских народов, которым грозит гибелью насильственная русификация. Первый арест, обвинение в "украинском и азербайджанском национализме", приговор: 6 лет лагерей и 2 года ссылки.

Срок В.Марченко отбыл полностью, но через два с лишним года был арестован вновь — почти по такому же обвинению, что и в первый раз. На этот раз 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

С детских лет страдал В.Марченко хроническим нефритом — неизлечимым заболеванием почек. Уже первое заключение едва не убило его. Вернулся домой В.Марченко инвалидом. В том, что нового срока он не вынесет, сомнения у него не было.

"В моей смерти в условиях лагеря будете

виновны вы, гражданин судья", — сказал Валерий в своем последнем слове на суде.

55 дней везли Марченко этапом в Пермский лагерь. Для тех, кто в Советском Союзе еще не знает, что такое этап в "стольпинском" вагоне, набитом сотнями заключенных, в несколько раз выше "нормы", поясним: конвоиры выводят заключенных "на оправку" раз в сутки. Это мучительно и для здорового, а для человека с тяжелым заболеванием почек — гибельно. "Месяца не хватит рассказывать о том, как они издевались надо мной на этапе. Они отомстили мне за все", — сказал потом на последнем свидании с матерью В.Марченко.

В пермском лагере В.Марченко смертельно больного погнали на работу, и вскоре он в коматозном состоянии попал в больницу. Его еще можно было спасти. Мать умоляла о переводе в клинику, где есть аппарат "искусственная

Валерий Марченко

почка”, просила она и о пересадке сыну ее собственной почки. Ответа она не получила. Да, необходимая аппаратура есть, но в больнице для вольных, а Валерий Марченко — политзаключенный. Спасать его вовсе не нужно.

Лишь 13 сентября, когда практически было уже поздно, его самолетом отправили в Ленинград, в больницу им. Газа. Но “искусственной почки” не было и там. На этот раз сами врачи ходатайствовали о срочном переводе в “вольную больницу”, но перевод не разрешил КГБ. Через несколько дней В.Марченко скончался.

Точнее — был убит.

Одно лишь снисхождение было сделано матери: ей выдали тело сына (такого великодушия не дожались родные других погибших в лагерях). Сейчас Валерий Марченко покоится рядом с дедом, профессором истории Михаилом Марченко на кладбище в с. Гатное, на его родной Киевщине.

А когда тело Валерия Марченко уже приняла земля, мир узнал еще об одной лагерной смерти, происшедшей за месяц до этого: о гибели в 50-летнем возрасте другого украинского политзаключенного — Юрия Тимоновича Литвина.

Ю.Литвин — тоже журналист. Его лагерная биография еще богаче, чем у В.Марченко. В 1951 г. его арестовали в первый раз, предъявив уголовное обвинение, но потом дело было пересмотрено и Ю.Литвина освободили. Вто-

Юрий Литвин

рой раз Ю.Литвин оказался за колочей проволокой в 1955 г. — на этот раз по знаменитой 58-й статье — и свой 10-летний срок отбыл полностью. В 1974 г. Ю.Литвину опять предъявили политическое обвинение: в “распространении клеветнических измышлений”. Он получил трехлетний срок и во время отбывания его чуть не погиб. У Ю.Литвина произошло прободение язвы, начался перитонит. Выжил он чудом.

По освобождении Ю.Литвин не прекратил своей общественной деятельности — он вступил в Украинскую Хельсинкскую группу. Этого оказалось достаточно для нового ареста. Однако обвинение Ю.Литвину было предъявлено уголовное, наспех сфабрикованное, и получил он по нему очередные три года. Когда же они истекли, по отношению к Ю.Литвину сделали то же, что в последние годы стало в Советском Союзе системой: за несколько дней до ожидавшегося освобождения его арестовали.

Теперь уже обвинение было предъявлено в открытую: “антисоветская агитация и пропаганда”. Суд признал Ю.Литвина “особо опасным рецидивистом” и направил его в лагерь особого режима — тот же пермский лагерь № 36, в который позднее прибыл и В.Марченко.

Там Ю.Литвин и скончался 5 сентября. Что именно произошло — мы достоверно не знаем. Поступали туманные сообщения о самоубийстве, но их не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть. Возможно, вновь дала о себе знать застарелая язва — в условиях каторжного лагеря и она могла оказаться смертельной, как это случилось уже с политзаключенным Ю.Галансковым.

Одно несомненно — не будь Ю.Литвин политзаключенным, он бы еще жил и жил.

Ю.Литвину и после смерти не привелось вернуться на Украину. Похоронили его на лагерном кладбище.

Лагерные смерти политзаключенных в последнее время стали удивительно часты. В том же гибельном 36-м лагере недавно скончался Олекса Тихий (“Страна и мир” № 5). Погиб в лагере эстонский патриот химик Юри Кукк, погиб московский правозащитник Виктор Томачинский, накануне смерти был выпущен из тюремной психбольницы защитник прав шахтеров Алексей Никитин (“Страна и мир” № 4). Список этот можно длить и длить. ●

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЕТЛАНЫ

2 ноября 1984 г. Московское радио передало следующее сообщение ТАСС: "В Президиуме Верховного Совета СССР. В соответствии со статьями 19-й и 21-й "Закона о гражданстве СССР" Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел и удовлетворил просьбу возвратившейся в Москву Аллилуевой о восстановлении ее в гражданстве СССР, а также о предоставлении советского гражданства дочери Аллилуевой – Ольге". Круг, начавшийся 17 лет назад, замкнулся.

Как известно, 6 марта 1967 г. Аллилуева обратилась в американское посольство в Индии с просьбой предоставить ей политическое убежище в США. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 декабря 1969 г. Светлана Иосифовна Аллилуева была лишена советского гражданства "за поступки, порочащие звание гражданина СССР". В ноябре 1978 г. она стала гражданкой США и сменила имя. В течение последних шести лет она была известна своим знакомым в качестве Ланы Петерс. Ее дочь Ольга не говорит ни слова по-русски, в отличие от обыкновенных русских эмигрантов, Светлана хотела, чтобы девочка выросла "100-процентной американкой", не чувствующей никакой связи с родиной своих предков.

Комментируя предшествующие официальному сообщению ТАСС слухи о возвращении в Москву Светланы Аллилуевой, консервативная британская газета "Дейли Телеграф" писала: "Если госпожа Петерс действительно вернулась домой, для русских это будет величайшей пропагандистской победой".

Это замечание справедливо лишь отчасти. Следует обратить внимание не только на то, кто вернулся, но и как вернулся.

Напомним, что статья 13 Всеобщей Декларации Прав Человека говорит не только о праве на свободную эмиграцию, но еще и о праве каждого человека возвращаться в свою страну.

Известно, что в течение 1970–1983 гг. из Советского Союза эмигрировало около 300 тысяч человек: 85% из них евреи, 10% – армяне, остальные – русские, украинцы, немцы и др. Неизвестно, сколько из них хотели бы вернуться на родину. Единственные цифры, которые удалось найти, относятся к апрелю 1977 г. Тогда группа евреев, эмигрировавших из Совет-

ского Союза в Израиль, образовала так называемый "Инициативный комитет советских евреев", от имени которого в Вене была проведена пресс-конференция. В ходе этой пресс-конференции представитель Комитета сказал, что эта организация представляет интересы семисот евреев, которым советские власти отказали в выдаче разрешения на возвращение на родину. Правда, по сведениям австрийского правительства, в тот момент в Вене находилось только 300 человек, которые подали заявление с просьбой позволить им вернуться в СССР.

Однако сколь бы малой ни была доля желающих вернуться среди общего числа эмигрантов из Советского Союза, трагическая судьба этих несчастных людей составляет постоянную тему советской пропаганды. Вряд ли был такой месяц, когда бы в советской печати не промелькнула статья, подобная следующей: "В том же Андижане нет-нет да и вспомнят горьким словом семью Чербаковых. Глава ее – Владимир Ильич Чербаков... Выехал с семьей в Израиль... но не прошло и двух лет – подал ходатайство о возвращении в Советский Союз – пресытился фирменными тряпками. Но нет возврата людям, предавшим Родину..." ("Правда Востока", 10 октября 1984 г.).

Сопоставляя судьбу этого не известного нам Чербакова с судьбой Светланы Аллилуевой, невольно задаешься вопросом: почему же на этого человека не распространяются положения статьи 13 Всеобщей Декларации прав Человека ООН? Или – тем более – статьи 12, ч. 4 Международного Пакта о гражданских и политических правах – договора, ратифицированного Советским Союзом и теоретически ставшего законом этой страны, начиная с 23 марта 1976 года: "Никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну".

Не потому ли, что для осуществления этого, вполне законного, человеческого понятия права необходимо иметь отцом одного из величайших тиранов в истории человечества, на совести которого – смерть десятков миллионов ни в чем не повинных его соотечественников?

В течение своей жизни Светлана-Лана Джугашвили-Сталина-Аллилуева-Морозова-Жданова-Сингх-Петерс уже не один раз переживала истине революционного характера перемены в своих взглядах на мир. Неоднократно эти перемены роковым образом переворачивали

ход ее жизни, по-своему нелегкой и даже трагической. Причины, толкнувшие ее на последний шаг, представляют, конечно, интерес, но скорее психологический, чем общественно-политический.

Что действительно интересно — это то, как реагировали на ее шаг советские власти. Проклятая ими за якобы совершенное предательство, Светлана все же сохранила на себе отблеск имени, внушающего им благоговейный ужас.

Домой вернулась не просто дочь Сталина. Вернулся символ. Возврат символа часто бывает предвестником возвращения реальности. ●

УНИЧТОЖЕНИЕ МУЗЕЕВ

В конце октября в подмосковном писательском поселке Переделкино прекратили свою работу два литературно-мемориальных музея: Б.Л.Пастернака и К.И.Чуковского. Согласно решению руководства Союза Писателей дачи, занимаемые этими музеями, должны отойти к более достойным и активно работающим на благо родины авторам.

Родственники Пастернака уже покинули дом, вывезли незамысловатый скарб великого поэта. Родные Чуковского пытались сопротивляться и даже обратились в суд. Районный суд признал справедливость их требований и постановил сохранить музей, который ежегодно посещают тысячи людей. Однако более высокие юридические инстанции поспешили отменить это решение. Вопрос теперь заключается в том, куда вывезти огромную библиотеку и уникальный литературный архив.

По-своему руководители ССП, конечно, правы. Ни Борис Леонидович, ни Корней Иванович не являлись, с их точки зрения, настоящими советскими писателями, и поэтому не заслуживают уважения. Иначе отнеслись к их памяти читатели. Узнав о закрытии музеев, тысячи москвичей бросились в Переделкино. Экскурсии шли одна за другой, пока, наконец, чиновники не захлопнули перед ними ворота. Ходят слухи, что новые владельцы собираются перестроить дом Пастернака в соответствии с современными требованиями моды и удобства. Но что бы они ни сотворили, когда-нибудь мемориальная доска "Здесь жил Борис Пастернак" появится на этом месте. ●

АЛМАЗНЫЙ ХЛЕБ

В текущем году Советский Союз уже выбросил на мировой рынок на 160 миллионов долларов ограненных алмазов. Это более чем в два раза превышает количество алмазов, которые обычно за такой же период продает Советский Союз. Продажи проводились, по крайней мере, до июля. Цены на советские алмазы устанавливались на 5–10% ниже рыночных, и неожиданный приток на алмазный рынок больших количеств "дешевого товара" привел к резкому падению цен на алмазы во всем мире. В торговле это называется демпингом и рассматривается как нарушение этики рынка. От демпинга страдают прежде всего страны с развитой гранильной промышленностью: Бельгия, США, Израиль, Индия.

Это уже третий советский алмазный демпинг за последние годы. После предыдущего демпинга ряд европейских стран, включая Бельгию, наложил временное ограничение на количество ввозимых в эти страны советских алмазов. Ограничение было снято в конце 1983 г., чем немедленно воспользовался Советский Союз. На проходившем недавно в Антверпене Всемирном конгрессе производителей алмазов и алмазных бирж был поднят вопрос о том, чтобы вновь ввести такие ограничения.

Хотя Советский Союз открыто предал анафеме политику апартеида в ЮАР и поддерживает всевозможные бойкоты этой страны, на алмазный бизнес это не распространяется. Продажу алмазов (в первую очередь необработанных) Советский Союз производит через Центральную торговую организацию в Лондоне, руководимую южноафриканским алмазным концерном де Беерс.

В настоящее время цены на алмазы на мировом рынке стоят не очень высоко, так что продавать их, да еще в огромных количествах, сейчас совсем невыгодно. В чем же причина нынешнего советского демпинга?

Она проста. Советский Союз испытывает большой недостаток твердой валюты, необходимой для закупок за рубежом сельскохозяйственных товаров, прежде всего хлеба. Как и два предыдущих алмазных демпинга, нынешний осуществляется тогда, когда виды на урожай в СССР крайне плохи. Планировалось собрать 240 миллионов тонн зерна, но сейчас уже ясно, что вряд ли сбор зерновых превысит 170 миллио-

нов. Недостача составит, таким образом, более четверти. Это будет пятый подряд плохой урожай в стране.

На нефть и золото — традиционные товары советского экспорта — цены сейчас низки, а деньги нужны срочно. ●

ЗАТО МЫ ДЕЛАЕМ РАКЕТЫ...

В нарушение существующих договоров о контроле над вооружениями Советский Союз разработал и устанавливает межконтинентальные баллистические ракеты трех новых типов с ядерными боеголовками. Когда эта программа будет завершена, СССР окажется намного впереди США по оснащенности стратегическими ракетными системами.

СССР приступил к ускоренной программе размещения 460 ракет типа SS-X-25 с ядерными боеголовками. Испытания ракет этого нового типа завершены, и сейчас они устанавливаются на ракетных комплексах близ Йошкар-Олы и г. Юрья (Кировская обл.). До недавнего времени в Йошкар-Оле были установлены ракеты SS-13 с одной боеголовкой, а в Юрье — ракеты SS-20. Сейчас в шахтах для ракет SS-13 будут установлены ракеты SS-X-25 с тремя боеголовками (всего 60 ракет). Кроме того, в каждом из названных комплексов будет установлено по 200 подвижных ракет того же типа. Таким образом, к 1985 г. советский ядерный арсенал увеличится на 1380 боеголовок. Передвижные ракеты SS-X-25 будут размещаться также на старых ракетных комплексах, где находились ныне демонтированные ракеты SS-7. Такие комплексы расположены в Новосибирске, Омске, Тюмени и в Верхней Салде (Свердловская обл.).

На испытательном космодроме в Плесецке (см. статью Дж.Оберга в этом номере) сейчас находятся ракеты нового типа: SS-X-26. Испытания их ожидаются в начале 1985 г. Твердотопливные ракеты SS-X-26 придут на смену ракетам SS-18 на жидком топливе. Ракеты эти могут нести до 14 ядерных боеголовок. Размер новых ракет существенно больше размера их предшественниц, если судить по габаритам шахт, существенно превышающим пределы, установленные соглашением ОСВ-2. Соглашение это хотя и не ратифицировано, но обе стороны, США и СССР, обязались его соблюдать.

Новые ракеты третьего типа, SS-X-27, находятся в процессе разработки. Двигатели этих ракет, работающие на жидком топливе, были недавно опробованы на заводе в Днепропетровске. Испытательные шахты для ракет этого типа сооружены в Тюратаме (Байконур). Эти ракеты также существенно больше ракет SS-18.

Советские официальные лица в прошлом всегда утверждали, что все новые советские ракетные разработки представляют собой лишь модификации существующих систем. Дело в том, что ОСВ-2 разрешает установку только одного "нового типа" ракет. По советским заявлениям, этим одним "новым типом" явились ракеты SS-24, а все остальное — лишь модификации. Сейчас уже не остается сомнений, что эти заявления были ложью, и соглашение ОСВ-2 в этом важном пункте нарушено.

Между тем и количество ракет "старого типа" продолжает нарастать. Так, Советский Союз строит сейчас в западных областях СССР десять новых ракетных баз для ракет типа SS-20. Когда строительство будет завершено, количество этих ракет среднего радиуса действия с тремя ядерными боеголовками вырастет с 378 до, примерно, 500. Есть основания полагать, что новые ракетные установки, официально предназначенные для ракет SS-20, могут быть тайно использованы для ракет SS-X-25. Подозрение возникло в связи с тем, что сооружения и здания, строящиеся сейчас на нескольких новых базах ракет SS-20, значительно отличаются от тех, что строились ранее. Ракеты SS-X-25 — твердотопливные трехступенчатые ракеты длиной около 15 м — существенно больше ракет SS-20, длина которых — порядка 10 м.

В сентябре в ГДР и Чехословакию из западных районов СССР были переведены около 100 ракет SS-22 с ядерными боеголовками. Это ракеты на передвижных установках высокой мобильности с радиусом действия до 970 км, что позволяет им поражать цели в ФРГ, Франции и Великобритании. Ожидается, что количество этих ракет будет еще увеличено.

Наконец, 13 октября СССР объявил, что он начал установку крылатых ракет дальнего радиуса действия на наземных базах, подводных лодках и стратегических бомбардировщиках. Потенциальными целями этих ракет являются объекты на территории США. ●

Рафаил ШАПИРО (Иерусалим)

ЭКОНОМИКА РАЗБИТОГО КОРЫТА

Кажется парадоксальным, что первая в мире марксистская революция стала возможной лишь после революции в марксизме. Суть этого тихого (без криков "ура" и залпов "Авроры") переворота состояла в замене фундаментального тезиса об экономических предпосылках революции формулой "слабого звена". Совершенно очевидно, что с точки зрения классического марксизма ни до, ни после Февраля Россия не была готова к коммунистической революции. По таким важнейшим характеристикам, как уровень развития производительных сил, степень пролетаризации и проч. она явно уступала странам Запада, которые отнюдь не стояли на пороге социализма. "Преимущества" России лежали совсем в иной — и скорее надстроечной — плоскости: психологическая усталость от бесконечной войны, идейный разброд, слабость новой власти...

В этих условиях ленинский лозунг социалистической революции был не просто ревизией марксизма, но отказом от самих основ учения. То была попытка осуществить марксистскую программу иным путем, если угодно — в иной последовательности. Сначала взять власть (создать новую надстройку), а затем, используя ее как рычаг, ввести новые производственные отношения. Подвести, так сказать, под готовые этажи здания фундамент, — способ, получивший позднее некоторое распространение в строительной практике...

Как это ни удивительно, Ленин верил в эту умозрительную конструкцию. Короткую передышку, последовавшую за Брестским миром, он считал началом эры коммунизма. Деньги теряют свое значение, торговля заменена распределением, бесплатный транспорт. Остается сделать последний шаг — производить больше — и наступит коммунизм: все будут получать по потребностям (пусть для начала скромным) и трудиться по способностям, с полной отдачей сил.

Отрезвление наступило быстро. Рабочие покидали предприятия, не приносившие заработка, крестьяне не желали отдавать продукты в "долг". Не хватало хлеба, топлива, сырья. Заводы и фабрики закрывались. Начались волнения в деревне, наконец, вспыхнуло Кронштадтское восстание матросов и рабочих.

При всем своем фанатизме Ленин обладал здравым умом. "С попыткой перейти к коммунизму, — сказал он, — мы к весне 1921 года потерпели поражение, гораздо более серьезное, чем какие бы то ни было поражения, нанесенные нам Деникиным и Пилсудским..." (ПСС, т. 33, стр. 69). Из этой неудачи был сделан правильный практический вывод — введен НЭП. "Отсталый", отживший свой век капитализм за какие-нибудь два-три года вызволил страну из безвыходной ситуации абсурдного военного коммунизма. Но в более общем, философско-историческом плане проблема не рассматривалась.

1. Доисторическое будущее

Единственной реально существовавшей в прошлом моделью коммунистического общества была первобытная община — строй, для которого характерен крайне низкий уровень развития производительных сил. Этому уровню соответствовали столь же примитивные производственные отношения и элементарная надстройка: вождь и пле-

менной совет вместо государства, обычаи вместо права, суеверия и тотемы в качестве идеологии и религии. Тем важнее было оценить итоги первого практического эксперимента по созданию коммунистического общества, которое до этого существовало лишь в теории, в сочинениях Маркса и Энгельса. Эксперимент, поставленный Лениным в России, не удался, это было очевидно. Но почему? Потому ли, что исходный уровень производительных сил был ниже, чем ему надлежало быть по Марксу? Или, напротив, он был слишком высок по сравнению с первобытной общиной? В таком случае требовалось резко сократить уровень производительных сил — путь, по которому, видимо, решили идти красные кхмеры в Кампучии.

Ленин и его соратники такими вопросами не задавались. Движение к коммунизму они представляли себе как непрерывный рост производительных сил. Предполагалось, что на конечном этапе (впоследствии Хрущев пытался определить его точную дату) количество перейдет в качество и социализм — зрелый, развитый, полный — трансформируется в коммунизм.

Надо признать, что линию на развитие производства советские руководители проводили неумолимо и последовательно. Ленин, например, лично занимался не только планом ГОЭЛРО, но и множеством менее сенсационных технико-экономических нововведений. Сталин с трибуны съездов провозглашал: "Техника решает все", "Кадры решают все", "Кадры, овладевшие техникой, решают все". Выплавкой чугуна и стали, строительством электростанций, сначала обычных, затем атомных, производительностью труда, планированием постоянно были озабочены и их преемники.

Пожалуй, ни одна страна, ни одно правительство, ни один народ не уделяли столько внимания своей экономике. Все — от заключенных до писателей, от пионеров до пенсионеров, — казалось, были заняты лишь одним — развитием производительных сил, созданием материально-технической базы коммунизма. В неимоверно трудных условиях возводились гигантские комбинаты. Строились железные дороги и прокладывались каналы. Осваивались целинные земли.

Поначалу результаты были впечатляющими. Все или почти все показатели стремительно росли, из отсталой аграрной страны Россия превращалась в индустриальную державу. Правда, никто не давал себе труда подсчитать, во что это обходится: фирма не жалела затрат. Промышленный рост — при всей его стремительности — был преимущественно экстенсивным и количественным; качественные показатели оставались невысокими; в стране хронически не хватало продуктов питания и товаров широкого потребления.

И до поры до времени это как будто не имело особого значения: людей хватало, колоссальные природные ресурсы страны казались неисчерпаемыми. Но уже с середины 50-х годов, вначале осторожно, а затем все более открыто в СССР заговорили об опасности экстенсивных методов развития, о низкой эффективности существующей экономической системы, о недостатках действующего механизма хозяйствования. К концу правления Брежнева всем, включая партийную верхушку, стало ясно: надо что-то менять. Похоже, однако, что и Андропов плохо знал положение в экономике, а главное — не представлял себе, как его поправить. Об этом свидетельствуют не только его первое заявление ("у меня нет рецептов..."), но и быстрая радикализация предложенных им мер: от простого укрепления дисциплины до "совершенствования производственных отношений". В докладе Т.Заславской, очевидно, санкционированном свыше, впервые за многие десятилетия существования советской власти, прямо и недвусмысленно было сказано не о недостатках производственного механизма, а об отставании самой системы производственных отношений¹.

¹ Анализ доклада Т.И.Заславской "Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений и задачи экономической социологии" на всесоюзном семинаре экономистов, социологов, философов и других специалистов в Новосибирске (апрель 1983 г.) посвящены материалы, опубликованные в №1-2 журнала "Страна и мир".

У нас нет оснований думать, что академик Заславская не понимает разницы между механизмом и системой отношений. По Марксу, история знает пять типов производственных отношений, каждому из которых соответствует целая эпоха: первобытно-общинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм (социализм). Что же получается? За каких-нибудь пятьдесят лет социалистическая система производственных отношений, основу которых составляет общественная (фактически — государственная) собственность на орудия и средства производства, отстала и превратилась в тормоз.

Если Заславская права, говоря о том, что в тридцатые годы советская хозяйственная система хорошо соответствовала уровню развития производительных сил, то что же изменилось с тех пор? Ответ очевиден. За эти годы производительные силы выросли, поднялись до уровня капиталистических. И тогда произошло то, что можно было предвидеть: социалистические производственные отношения перестали им соответствовать. Проще говоря, строить каналы, железные дороги, шахты, металлургические комбинаты можно было и при такой системе отношений, какая существовала и давала возможность воздвигать пирамиды и прокладывать каналы в Древнем Египте. Но веку электроники, компьютеров, лазерной техники эта система никак не соответствует.

2. При коммунизме все будет просто

Советская система управления хозяйством поражает своей громоздкостью и сложностью. Внешне она напоминает геологическую структуру, где пласты разных эпох причудливо смещены и перемешаны: ленинские "идеалистические" слои (дань революции) соседствуют с "диктаторскими" сталинскими, "волюнтаристскими" хрущевскими, лишенными всякой окраски брежневскими. Бесчисленные отделы, управления, главки, комитеты (Советы Министров и при Совете Министров) громоздятся друг на друга, каким-то образом сочетаясь с системой управления "по горизонтали" — с исполкомами и партийными комитетами. Последние формально вообще ничем не руководят и ни за что не отвечают, но в любом вопросе именно им принадлежит последнее слово.

Еще сложнее внутренняя экономическая структура. Планы, которые официально имеют силу закона, свободно "корректируются" в любую сторону; цены, которым полагалось бы колебаться вокруг стоимости, безнадежно оторвались от нее, стали свободным элементом политики (так это и называется — "политика цен"); показатели, долженствующие отражать реальное положение дел, превратились в предмет хитроумных манипуляций, ведомственных и общегосударственных.

Советский хозяйственный механизм столько раз ремонтировался, в нем так много швов и заплат, что даже самим руководителям трудно понять, что к чему: "Если говорить откровенно, — с недоумением заметил Андропов, — то мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся" ("Правда", 16 июня 1983).

Сейчас уже плохо верится, что основоположники считали простоту управления одним из главных достоинств коммунизма. "В коммунистическом обществе легко будет учитывать как производство, так и распределение: так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто выяснить, сколько потребуется определенному числу лиц..." Эта замечательная фраза принадлежит Энгельсу. Вера в грядущую простоту, очевидно, подсказала и Ленину его сентенцию о кухарке, которая сможет управлять государством, а также ошеломляющую мысль о том, что знания четырех правил арифметики будет более чем достаточно для руководства страной.

Что ни одно из предсказаний "классиков" не сбылось, увы, ясно сейчас всем. Рабочие не руководят и не контролируют, а так же, как и при капитализме, стоят у

станков; золото не украшает "отхожие места на улицах", а хранится в тщательно охраняемых подвалах банков; деньги не только не отменены, но и играют в жизни граждан Советского Союза все более заметную роль. Может возникнуть впечатление, что советская экономика постепенно сближается с западной, что идет процесс той самой конвергенции, к которой призывал академик Сахаров. Но это иллюзия. Конечно, современная советская система внешне мало напоминает военный коммунизм. Однако различия главным образом количественные. При некотором внешнем сходстве с капиталистической системой советская отличается от нее по сути. Не как одна экономическая структура от другой, пусть далекой, а как неэкономическая структура от экономической.

3. Отходная плановому хозяйству

Узловым моментом советской системы хозяйствования принято считать ее плановый (или, вернее, планово-директивный) характер. Именно вокруг принципа плановости ведутся самые острые споры. Советская экономическая наука, идеология и пропаганда утверждают, что плановость (разумность, целенаправленность, согласованность всех звеньев) есть важнейшее преимущество социалистической экономики, а причина ее "частных" неудач — недостаточное совершенство существующей системы планирования. Критики советского строя, со своей стороны, доказывают, что именно с планированием связаны все беды экономики. Нелепо думать, что планирование — явление специфически советское. Это типичный миф советской пропаганды. В наши дни на Западе не только крупные корпорации, но и мелкие, так называемые "семейные" фирмы, изучают тенденции рынка, строят прогнозы, программируют свою деятельность, иначе говоря, занимаются планированием.

В то же время деятельность, которой в Советском Союзе руководит Госплан, может быть названа планированием лишь условно. Во-первых, плановые органы оперируют заведомо неверными исходными данными. Во-вторых, планируемые показатели определяются не естественной динамикой развития производства, а очередными директивами, пресловутыми "це-у", и сложными внутриведомственными соображениями. В-третьих, заранее известно, что планы в течение года будут меняться в любую сторону. При таких обстоятельствах планирование превращается в бюрократическую фикцию и самый спор о возможности планового учета всех обстоятельств становится беспредметным.

Один из руководителей Госплана заметил как-то в узком кругу журналистов: "Неужели вы не понимаете, что Госплан — это всего лишь псевдоним ЦК?" Плановая экономика есть псевдоним советской системы хозяйствования. Псевдоним чрезвычайно удобный, подменяющий суть — видимостью.

Вполне очевидно, что суть советской экономической системы составляет государственная собственность на орудия и средства производства. Вообще говоря, в наше время любому государству принадлежит значительная часть орудий и средств труда. Это верно и для Соединенных Штатов — классической страны "свободного" капитализма. Если же взять Францию или Израиль, то здесь государство владеет большинством крупных предприятий страны и выступает в роли одного из основных работодателей. Можно добавить, что влияние государства на экономическую жизнь не ограничивается сферой его собственности. Современное государство, особенно в экстремальных условиях (война, стихийные бедствия, кризис), нередко присваивает себе право распоряжаться частным имуществом, временно изымая его, ограничивая размеры производства, контролируя сделки, регулируя цены и пр.

Особенность советской системы в том, что государство выступает как единственный владелец орудий и средств труда, как абсолютный монополист во всем, что связано с производством и распределением материальных благ.

По традиции, идущей от Ленина и Каутского, советскую систему принято отождествлять с государственным или государственно-монополистическим капитализмом. Это типичное недоразумение. Подобное определение можно было бы применить к западным странам, где государство-собственник функционирует по законам капиталистического рынка, хотя и обладает монополией в той или иной области. Советская система управления хозяйством — и в этом ее сущность — построена на совсем иных принципах. Автор Новосибирского меморандума называет эти принципы административными. Ниже мы постараемся показать, что правильнее называть их административно-политическими. А пока рассмотрим, как проявляют себя социалистические производственные отношения в экономической жизни государства.

4. Товар — это не деньги, а деньги — не товар

Известно, что себестоимость изделия складывается из затрат на оплату труда, на возмещение износа орудий и на оплату предметов и услуг, используемых в процессе производства. Иначе говоря, себестоимость отражает как прошлый ("чужой") труд, так и собственный, затрачиваемый на выпуск данной продукции.

В условиях капиталистического производства все эти расходы одинаково реальны и в общем равнозначны, поскольку сырье, материалы, энергия, станки, инструменты и т.д. принадлежат (или, по крайней мере, принадлежали) не самому предприятию, а другим владельцам. Для капиталиста в принципе безразлично, на что потратить деньги — на приобретение нового станка или на зарплату, важны лишь размеры расходов и доходов.

В Советском Союзе все принадлежит одному владельцу — государству, и ему небезразлично, на что расходуются деньги. В этом легко убедиться, проанализировав структуру так называемых фондов. Фонд зарплаты, командировочный фонд, фонд канцелярских расходов, оборотные средства и т.д. — построены по принципу несообщающихся сосудов: деньги из одного фонда не могут свободно переливаться в другой. Расчеты, в которых участвуют предприятия, в сущности сводятся к перекладыванию из одного кармана в другой. Но не ценностей и не денег, а чисел. Нередко эти "безналичные" расчеты вообще лишены экономического смысла: сверхплановая прибыль предприятия изымается в бюджет, министерство свободно распоряжается фондами и оборотными средствами предприятий. Приобретение сырья, материалов и оборудования, расход энергии и воды в этом смысле носят условный характер. Единственной реальностью — тоже относительной, как мы увидим ниже, остается заработная плата, так как деньги, получаемые живыми лицами, действительно меняют владельца. Естественно, что для государства деньги, выплаченные в виде зарплаты, отнюдь не равноценны той же сумме, потраченной, скажем, на приобретение сырья. И хотя государство, стремящееся контролировать все, ограничивает предприятие в любых расходах, фонд зарплаты оно контролирует особенно жестко. Как-то на совещании руководителей объединений Ленинграда ответственному работнику министерства финансов был задан вопрос: "Как оценили бы финансовые органы перерасход 50 рублей из фонда зарплаты, если бы в результате предприятие получило миллион рублей прибыли?" Ответ гласил: "Резко отрицательно. Прибыль нас не интересует, нам важна зарплата".

Почему она так важна, как будто ясно. Деньги — всеобщий эквивалент, они осуществляют функцию обращения, дают их владельцу право на получение определенных товаров и услуг. Стоит, однако, присмотреться к этому процессу внимательнее, и мы без труда обнаружим, что действительная себестоимость товаров и услуг тоже определяется зарплатой, выплаченной в процессе их производства. Иными словами, подлинная себестоимость любого изделия, изготовленного в СССР, представляет собой лишь сумму зарплат.

Любопытно, что это правило действует даже в тех случаях, когда часть сырья, оборудования и т.п. приобретена за границей. Для государства-монополиста нефть, золото и товары, отправляемые за границу в обмен, допустим, на валюту, стоят ровно столько, сколько стоит вложенная в них зарплата. Правда, природные запасы нефти, золота и драгоценностей безграничны, но кредиты в счет будущего не смущают советских руководителей.

Итак, все упирается в деньги, попавшие в руки населения. Ведь только эти деньги должны быть обеспечены реальными ценностями — товарами и услугами. Нарушение баланса между денежной массой и товарами в обращении должно — по всем правилам — вести к обесценению денег и росту цен. Поэтому одна из главных или, по крайней мере, декларируемых задач планирования — соблюдение упомянутого баланса.

Однако в Госплане хорошо знают, что баланс этот мнимый. Значительная часть запланированных товаров вообще не будет изготовлена, так как предприятия, которые должны их произвести, только по плану считаются построенными. Другая часть продукции будет выпущена (и даже в сверхплановых количествах), но ее не купят: потому ли, что рынок ею уже завален, или из-за низкого качества. Известно, наконец, что несмотря на все формальные заслоны, в оборот будет пущено больше денег, чем планировалось. В результате диспропорция между денежной и товарной массой возрастет.

Отчасти этот разрыв компенсируется черным рынком, где цены в три, пять, порой даже в десять раз выше государственных. В том же направлении действуют проводимые периодически резкие повышения цен на "предметы роскоши" — автомашины, ковры, мебель, хрусталь, импортную одежду и обувь. Тем не менее, общей тенденции это не меняет. По подсчетам И.Бирмана, с 1965 по 1980 год в обращение было выпущено 200 миллиардов руб. — в 3,5 раза больше, чем суммарная стоимость всех товаров в торговле и промышленных складах! (И.Бирман. Экономика недостат. Нью-Йорк, 1983, стр. 49—69).

В условиях нормальной экономики это привело бы к чудовищной инфляции. В СССР ничего подобного не происходит, потому что цены определяются не спросом и предложением, а Комитетом цен. Выпуск в обращение дополнительных миллиардов рублей приводит лишь к росту "трудовых сбережений" граждан.

Несбалансированность — одна из важнейших особенностей советской экономики. Она обеспечивает государству почти неограниченный "кредит" у населения и позволяет ему свободно оперировать огромными суммами. В конечном счете, несбалансированность отражается на всех сторонах экономической жизни страны.

5. Кому положено, а кому — нет

Известно, что самая устойчивая в мире советская валюта (устойчивая без кавычек, ибо она обеспечивается не национальным достоянием, но армией, полицией и КГБ) не является конвертируемой. На внешних рынках ее заменяют сомнительный доллар, презренное золото и сырье, которым российская земля, слава Богу, еще не оскудела. В тех случаях, когда в расчетах фигурирует рубль, стоимость его зависит от клиента: в отношениях с западными фирмами и туристами — стоимость одна, в отношениях с братскими странами социализма — другая.

Но и в самой стране покупательная способность рубля отнюдь не одинакова. Несбалансированная экономика породила систему, при которой роль торговли ограничена и подменена, как в эпоху военного коммунизма, распределением. Тот факт, что в распределении номинально участвуют деньги, ничего не меняет: стоимость денежных знаков в большой мере зависит от статуса владельца.

Деньги рядового гражданина, покупающего товары в обычном магазине и, кроме того, вынужденного пользоваться базаром и черным рынком, имеют одну ценность. Деньги человека, прикрепленного к распределителю, обкомовской столовой, поликли-

нике Четвертого управления Министерства здравоохранения, — другую. Вдобавок, существуют распределители разного ранга не только с разным качеством и ассортиментом товаров, но и с разными ценами, существует система сертификатов. Есть, наконец, и "кремлевский паек". Неконвертируемость рубля, произвольность цен, различная природа "государственных" и "личных" денег, зависимость покупательной способности рубля от положения владельца — все это лишает деньги их традиционной роли всеобщего эквивалента. Эту особенность денег при социализме предвидел Маркс: "При общественном присвоении денежный капитал отпадает... Производители могут, пожалуй, получить бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Но эти удостоверения — не деньги: они не выполняют функции обращения".

Конечно, хроническая несбалансированность не может не отражаться на общем состоянии экономики. Зарплата в СССР постепенно теряет характер вознаграждения за труд и становится чем-то вроде гарантированной пенсии — ради "бумажек" люди не хотят работать. Поэтому деньги все чаще дополняются льготами: правом приобрести на предприятии мебель или мясо, получить путевку в санаторий и т.п.

Характерно, например, что работникам БАМа выдаются талоны на покупку не только теплой одежды и обуви, но и ковров, хрустала, импортной мебели. Однако людям, живущим в общежитии, эти товары не нужны, и они перепродаются по спекулятивным ценам. Так государство, ведущее жестокую борьбу с частной "спекуляцией", вынуждено становиться ее пособником и организатором.

Наблюдается еще одна, опаснейшая для экономики тенденция: люди вообще теряют интерес к "бумажкам". Они отказываются от сверхурочных работ, неохотно берутся за "халтуру". Чтобы как-то сохранить престиж денег, Советский Союз вынужден закупать все больше импортных товаров, пользующихся спросом у населения. Но резервы валюты ограничены, а денег в обращении все больше. Это может привести к тому, что труд утратит всякий экономический смысл. И тогда, возможно, у государства не останется иного выхода, как перейти к принудительной стимуляции труда, — попросту говоря, к системе исправительно-трудовых лагерей, трудармий или чего-либо в этом роде. Не станем утверждать, что другой возможности нет. Но жесткие меры последних лет по укреплению трудовой дисциплины свидетельствуют, что подобная опасность существует.

6. Начальству виднее

Характерная черта западной экономики в любой ее форме, включая монополистическую, — зависимость производства от рынка, то есть, в конечном счете, от потребителя. Эта зависимость вынуждает производителя создавать нужные потребителю товары и регулировать их количество, повышать качество, снижать стоимость, внедрять в производство достижения науки и техники, поддерживать на достаточно высоком уровне оплату труда, подбирать и выдвигать работников с учетом их деловых качеств. Понятно, что в условиях рынка, насыщенного товарами, прибыль выступает в роли синтетического показателя, свидетельствующего не только о положении дел на предприятии, но и о степени удовлетворения потребностей населения.

Это не значит, что капиталистическая экономика функционирует идеально. Запоздывание информации или неправильная ее оценка, ограниченность объективных возможностей или субъективные недостатки исполнителей приводят к тому, что механизм свободного рынка нередко допускает сбои (кризисы перепроизводства, расхождение ресурсов, высокая безработица и т.д.). Но если говорить о тенденции, то она именно такова: капиталист, даже если это противоречит его специфическим интересам и склонностям, вынужден подчинять производство требованиям рынка. В силу своего

положения он прямо и непосредственно подчинен работе хозяйственного механизма; внешним выражением этой зависимости служит прибыль. Естественно, что и административная система управления строится здесь на совершенно иной основе, чем в СССР.

Связь в советской системе осуществляется почти исключительно по вертикали: с помощью "команд", спускаемых сверху, и сведений о выполнении этих команд, поступающих снизу. Понятно, что при подобной организации зависимость производителя от рынка минимальна. Система служит интересам особого класса людей, которые выступают в роли руководителей производства, но чье благополучие зависит не от производства, а от их места на иерархической лестнице.

Разумеется, формально какая-то связь существует: предполагается, что успешное выполнение команд сверху (например, планов) служит удовлетворению потребностей населения и свидетельствует о высоких деловых качествах исполнителя.

Но это фикция. Сами планы до такой степени оторваны от реальных потребностей населения, а их выполнение — функция стольких случайных факторов, что вся процедура "учета" носит откровенно игровой характер. И руководители на верхних этажах об этом, конечно, знают. А, главное, их собственное благополучие тоже никак не зависит ни от результатов работы предприятия, ни от удовлетворения потребностей населения. Решающее значение приобретают куда более простые и весомые факторы: личные отношения, преданность, умение лавировать... Искусство делать вид, что в общем и целом все обстоит превосходно.

В такой административной системе неизбежно совершается подмена ценностей. Изначальная цель — производство нужных народу товаров — вытесняется другой: исполнением команд сверху.

Уже отмечалось, что советская экономика — система не просто административная, но административно-политическая. Это значит, что на всех ее этапах специфически административные резоны дополняются и корректируются политическими. От соображений "высокой политики" — на верхних этажах, до сугубо прозаических (районных, областных, ведомственных) — на нижних. С учетом подобных соображений определяются приоритет изделий, подбор работников и оценка их деятельности, политика цен и множество других вещей.

На один из бакинских машиностроительных заводов райком партии возложил выпуск... фонарных столбов. Почему? Потому что секретарь райкома захотел утереть нос секретарю соседнего районного комитета, установив у себя столбы необычной формы. Не его вина, что в районе не нашлось другого, более подходящего предприятия.

Бакинский завод холодильников долго бился над тем, чтобы справиться с явно нереальным планом — 40 тысяч аппаратов в год, как вдруг план увеличили до 100 тысяч. Что произошло? Ничего особенного. Просто на совещании в Москве секретарь ЦК КП "братской" республики взял обязательство увеличить производство холодильников в Армении до 80 тысяч в год. Понятно, что председатель Совета Министров Азербайджана не мог оказаться у него в хвосте.

Азербайджан закупил в Венгрии (это обошлось в два миллиона рублей) завод по переработке водоплавающей птицы. Венгры осторожно намекнули: может быть, вам больше подойдет предприятие по переработке кур? Нет, именно водоплавающих. Завод прибыл, приступили к монтажу. Только тогда кто-то догадался заняться подсчетами. Оказалось, что завод в состоянии переработать всю имеющуюся в республике водоплавающую птицу за 48 часов, а количество, запланированное на пятилетку, — за неделю. (План остался невыполненным.) Почему? На одном из совещаний в ЦК КПСС говорилось о достижениях где-то за рубежом в разведении водоплавающей птицы. Представитель республики тут же выступил с инициативой. Инициатива была одобрена, выделены средства на покупку предприятия. Остается добавить, что в скором времени от завода почти ничего не осталось: растащили...

7. Притча о кастрюле

Всякая административная система консервативна. Система управления хозяйством консервативна вдвойне, ибо имеет дело не с бумагами, которые можно и переписать, а с такими тяжелыми и малоподвижными вещами, как орудия и средства производства. Механизм такой системы напоминает маховик. Однажды запущенный, он имеет тенденцию вращаться с заданной скоростью. В масштабах Советского Союза маховик обладает колоссальной инерцией; нестандартные команды сверху доходят медленно и воспринимаются слабо. Система идеально приспособлена к тому, чтобы выработать однажды освоенные изделия в определенных количествах, на постоянном оборудовании, при неизменной организации труда.

Такая система могла бы превосходно функционировать без потребителя, как система, полностью замкнутая в себе и на себя. Руководители советского государства не могут не считаться с тем, что людей ("главную производительную силу общества") надо кормить, одевать, надо строить для них жилища. Приходится реагировать и на внешний мир — прежде всего, создавать и совершенствовать военную технику. Именно эти обстоятельства вынуждают советских вождей время от времени сетовать на несовершенство хозяйственного механизма и проводить те или иные реорганизации. Цель и смысл этих реорганизаций — совершенствование так называемых показателей.

Административная система по самой своей природе не может жить без показателей. Показатели оправдывают ее существование, позволяют ориентироваться в чуждом ей мире действительности, оценивать неизвестные — и в сущности глубоко безразличные ей — процессы. В системе административно-политической показатели, сверх того, играют роль верстовых столбов, свидетельствующих о прогрессивности строя. Характер движения — от одного показателя к другому — должен создать ощущение осмысленности и целенаправленности, подлинного движения вперед.

Разумеется, выбор показателей преследует не только идеологические (демагогические), но и практические цели. Советское руководство заинтересовано в том, чтобы найти такой идеальный показатель, который наилучшим образом подстегивал бы предприятия, а вышестоящим инстанциям давал бы обобщенную картину производственной деятельности. Но огромная, бесконечно сложная и динамичная сфера экономики меньше всего поддается формализации. Это можно показать на примере простой кастрюли.

Допустим, мы задали предприятию план выпуска кастрюль в натуральном выражении — в тоннах или штуках. В первом случае предприятию будет выгодно изготовить минимальное количество как можно более тяжелых кастрюль, в идеале — одну гигантскую кастрюлю. Во втором случае — огромное множество микрокастрюль, чем мельче, тем лучше. Другая система показателей — в трудовых затратах (нормо-часах) может дать еще более нелепый результат. Предприятию выгодно вытачивать кастрюлю из огромных слитков металла: кастрюль получится немного, зато трудовые затраты будут вполне соответствовать плану.

Несколько труднее понять механизм действия показателей, заданных в денежном выражении. Казалось бы, при системе цен, устанавливаемых государством, предприятие не только обязано, но и вынуждено выпускать именно ту продукцию, которую ждут от него планирующие организации. Однако давно известно, что есть изделия выгодные и невыгодные (в том числе и кастрюли). Причем "выгодными" считаются не те товары, которые нужны потребителю (для выполнения плана по "валу" это не имеет значения), а изделия дорогие и давно освоенные. Короче говоря, в любом случае условные правила игры, продиктованные административно-политической системой, для предприятия неизмеримо важнее потребностей рынка.

8. Герой Труда Гейдар Алиев

В 60-е годы, когда обсуждался проект экономической реформы, оценка работы предприятий по "валу" подверглась в советской печати уничтожающей критике (из газетных статей тех лет взят и пример с кастрюлей). Вал именовали не иначе как "пресловутый", на него валили все грехи: и отсутствие нужных товаров, и низкое качество продукции, и огромное количество "неликвидов" — изделий, которые никто не берет. Утверждали, что новый показатель — "реализация" — вызовет прямо-таки сказочные перемены: повысит, поднимет, улучшит, обеспечит...

Ничего подобного не произошло. О том, почему не произошло, стоит сказать подробнее, ибо тут механизм советского административно-политического хозяйствования проявил себя особенно отчетливо.

Вал — показатель локальный. Выполнение плана по валу означает, что предприятие выпустило продукцию на установленную сумму. Другой вопрос, каково качество этой продукции, нужна ли она потребителю, удастся ли ее продать. Конечно, предприятие заинтересовано в реализации — хотя бы для того, чтобы вернуть деньги и освободить склады. К выполнению плана реализация изделий прямого отношения не имеет. Если общая стоимость изготовленной продукции соответствует установленным показателям, план считается выполненным, и предприятие может об этом рапортовать вышестоящим организациям.

Фокус прост (и всем понятен). Поскольку свидетельством успешной деятельности руководящих инстанций — райисполкомов, облисполкомов, райкомов, обкомов, ЦК партии республик, министерств — служит выполнение плана подведомственными предприятиями, руководителей интересует именно получение "рапорта". Остальное не так уж важно.

Реформа 1965 года заменила вал реализацией. Теперь для выполнения плана надо было не только изготовить изделия на определенную сумму, но и суметь их сбыть.

Специалисты понимали ограниченность этой меры. В Советском Союзе, где большинство предприятий связано лимитами, разнарядками и так называемыми "прямыми" договорами, у предприятия-получателя не остается выбора: приходится брать, что дают, не то вообще ничего не получишь. Однако предполагалось, что с товарами для населения будет легче. Торгующие организации обладают известной свободой: устаревшую, неходовую или некачественную продукцию они могут и не принять. В этом случае предприятие, изготовившее такое изделие, действительно окажется в трудном положении.

Но трудно придется и учреждениям, которым подведомственно это предприятие — райкомам, обкомам и пр. Неудивительно, что все они вдруг начали проявлять интерес... нет, не к качеству продукции, а к ее реализации. А так как именно партийные органы обладают в стране реальной властью, то и торговые организации, и банки стали объектом их нажима. От первых требовали принимать без разговора продукцию, от вторых — предоставлять торгам кредиты в том (весьма вероятном) случае, если население эти товары не купит.

В итоге уже в 1980 году общая масса кредитов, предоставленных предприятиям банками, достигла невероятной суммы — более 250 миллиардов рублей, зато планы по реализации выполнялись так же успешно, как раньше по валу (И.Бирман, цит. соч.).

Жители СССР хорошо знают, что между показателями выполнения плана и действительностью нет прямого соответствия. В годы, когда в бакинских магазинах не было ни мяса, ни сыра, ни колбасы, первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана Гейдару Алиеву присвоили звание Героя Социалистического Труда за высокие показатели республики в развитии сельского хозяйства...

Смешно думать, что дело можно поправить, введя какой-нибудь новый показатель, — даже если это будет показатель прибыли. Такой проект, кстати, рассматривался еще в 1979 г. Советом Министров СССР и не был принят — по чисто практическим (а отнюдь не идеологическим) соображениям. В самом деле, прибыль как показатель эффективности никакими мистическими свойствами не обладает. В условиях капиталистической экономики ее роль определяется двумя факторами: во-первых, тем, что рынок насыщен товарами, во-вторых, существованием класса предпринимателей, чье благополучие прямо зависит от прибыли. В Советском Союзе, при существующей здесь государственной собственности на орудия производства и административно-политической системе управления хозяйством, оба этих фактора отсутствуют. Когда рынок не насыщен товарами, высокая прибыль будет свидетельствовать не о хорошей работе предприятия, а всего лишь о ненасыщенности рынка. К примеру, советскому издательству, которое выпустило бы вдруг роман "Доктор Живаго", была бы гарантирована сверхприбыль независимо от производительности труда в издательстве и качества издания.

Точно так же нельзя ожидать чудес от расширения прав предприятий. Чтобы это "расширение" имело смысл, интересы предприятий и их руководителей должны зависеть не от показателей, а от рынка — насыщенного, свободного, конкурентного. Иначе говоря, нужна система хозяйствования, регулируемая не административно-политическими, а экономическими законами.

9. Упражнения с бюджетом

Неэкономическая природа советской системы хозяйствования наглядно проявляется в бюджете. Внешне государственный бюджет СССР выгодно отличается от бюджета любой западной страны своей удивительной гармоничностью. Доходы всегда — и при составлении бюджета, и, что еще удивительней, при его исполнении — несколько выше расходов. Основную часть поступлений составляют отчисления от прибыли государственных предприятий; основную часть расходов — затраты на финансирование народного хозяйства и социально-культурные мероприятия. Военные расходы за последние 15 лет практически не менялись, оставаясь на уровне 17 миллиардов рублей в год — менее 5 процентов расходной части бюджета 1984 года ("Правда", 31 декабря 1984).

Нечего и говорить о том, что эта сумма откровенно условна и занижена. Зарубежные специалисты гадают, где спрятаны остальные затраты: в расходах на финансирование народного хозяйства или еще где-то. Причем считается, что сам по себе бюджет отражает реальное положение дел.

В этом можно усомниться. Отсутствие контроля (в стране нет парламента и нет независимых средств массовой информации) позволяет советским руководителям свободно манипулировать бюджетом. При его подготовке решающую роль играют соображения пропаганды; при исполнении — конъюнктурные соображения. Административно-политическая система хозяйствования дает возможность Политбюро на любой стадии исполнения бюджета изымать из одной статьи и перебрасывать в другую практически неограниченные средства. Причем — и это особенно важно — под средствами понимаются не деньги (которые, повторим, — всего лишь числа), а фонды — на сырье, материалы, оборудование, рабочую силу (фонд зарплаты), ибо лишь фонды имеют практическое значение, определяя действительные возможности развития той или иной отрасли.

Приведем два примера. Управление строительством БАМа — "Бамстройпуть" — было создано в конце 1971 г. Уже в январе следующего года на места работ прибыли руководители стройки и рабочие. В 1972—1973 гг. изыскания велись по всей огромной трассе. В апреле 1974 г. 600 комсомольцев прямо со съезда ВЛКСМ отправились стро-

ить БАМ. К этому времени на строительстве уже работали тысячи заключенных и "химиков" (досрочно освобожденных), кадровые железнодорожники, военно-строительные отряды.

В условиях советской системы планирования, учитывающей, казалось бы, все — от зарплаты дворника до расхода гвоздей, — следовало ожидать, что такое крупное строительство найдет отражение в планах. Ничуть не бывало. Ни в решениях XXIV съезда партии (1972 г.), ни в девятом пятилетнем плане о стройке даже не упоминается. Постановление ЦК КПСС "О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали" было принято лишь 8 июля 1974 года.

В данном случае я не берусь судить о том, как отразилось существование "нелегального" объекта на финансировании потерпевших ущерб отраслей. Но в других обстоятельствах я сам был тому свидетелем. В 1969 г. в редакцию республиканской газеты, где работал автор этой статьи, поступило множество жалоб: бакинский электромашиностроительный завод сорвал поставки электродвигателей. На заводе мне предъявили документы — предприятие получило менее 20% запланированной ему меди; а шепотом разъяснили, что по решению Политбюро основная часть медной проволоки изъята из гражданского оборота и передана министерству обороны.

Правда, получив менее одной пятой того, что ему полагалось, завод все же ухитрился выполнить план почти на 90%. На вопрос: как? — директор завода только пожал плечами: "Секрет производства".

Никакого секрета не было. Зная надежность советской плановой системы, всякий опытный руководитель заранее готовится к неожиданностям: всеми возможными способами занижает план, завышает заявку на материалы, создает тайные запасы, мобилизует "внутренние ресурсы" (например, добывает медную проволоку из бракованных двигателей)...

Нет, в своих действиях советские руководители не ограничены ни бюджетом, ни планом. Ограничения, с которыми они действительно вынуждены считаться, совсем другого рода, — назовем их историческими.

10. Коммунизм минус электрификация плюс кукурузизация

Мы уже отмечали, что советское хозяйство всегда развивалось экстенсивно. В последние годы темпы развития (точнее, роста) резко замедлились. Есть отрасли, где даже крупное вложение средств практически не дает отдачи. Это прежде всего сельское хозяйство.

Со времен Ленина деревня считалась врагом советской власти, и обращались с ней соответственно — как с оккупированной страной. Граждан этой страны ссылали, загоняли в лагеря или просто уничтожали. Им не платили за труд и грабили их, отбирая даже семенной фонд — основу будущих урожаев. Десятилетиями не строили ни домов, ни дорог. Одним словом, у деревни стремились взять как можно больше, ничего не давая взамен. "Мелкое хозяйство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе" (Ленин). Классовая ненависть отменила здравый смысл.

Хрущев и его преемники пытались что-то изменить. Но им приходилось действовать в рамках все той же системы административно-политического управления. Вводилось и отменялось травополье, страну охватывала лихорадка "кукурузизации"; на Апшеронском полуострове вековые масличные деревья и виноградники выкорчевывались, и песчаные почвы засеивались пшеницей; глубокая вспашка превратила богатейшие черноземные земли в источник черных бурь. Понемногу старшее поколение сельских жителей вымирало, молодые бежали в города: привязанность к земле, самые основы земледельческого труда были подорваны. Попытка решить проблему с по-

мощью "варягов" (наезжих трактористов) окончилась провалом: им все было "до лампочки" — включая лампочку Ильича.

Чтобы теперь снова сделать сельское население и сельское хозяйство производительной силой, нужны не обычные, даже крупные, бюджетные вложения, а многолетние колоссальные затраты. Деревня в ее нынешнем состоянии не способна обеспечить реальную отдачу.

Сходное положение в так называемой группе Б — отраслях, занимающихся производством средств потребления. Провозглашенный Сталиным курс на преимущественное развитие группы А (производство средств производства) естественным образом привел к тому, что по всем показателям (техника, технология, организация труда, заработная плата и т.д.) предприятия группы Б оказались на задворках советской экономики. Десятки лет здесь не велось серьезных исследований, за все годы советской власти не было сделано ни одного значительного изобретения. К тому же, предприятия группы Б лишены стабильной сырьевой базы: даже выпуск простейшего фруктового мармелада стал проблемой — нет нужных сортов яблок. В результате отставание этой группы сейчас измеряется не годами, а техническими эпохами.

На Западе отставание группы Б объясняют догматизмом советских руководителей и их милитаристскими устремлениями. Говорится о том, как много выиграла бы экономика страны от сокращения военного бюджета и использования освободившихся средств для развития мирных отраслей промышленности.

Милитаризм и догматизм — все верно. Но очевидно и то, что даже с точки зрения советских руководителей было бы нелишне накормить народ и обеспечить его предметами первой необходимости. Если они этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут.

Рассказывают историю, напоминающую анекдот. На заседании правительства один из министров, упорно отбивавшийся от попыток навязать ему новую продукцию, привел последний довод: чем производить негодные изделия, выгоднее приобрести их на Западе. Косыгин, который до этого угрюмо молчал, поднял голову и буркнул: "Подумаешь, новость. Да нам любую продукцию выгоднее покупать на Западе". Подумав, он уточнил: "Кроме, может быть, золота..."

И оружия, добавим мы. Ибо, в отличие от мирной продукции, оружие дает — прошу читателя извинить этот каламбур — отдачу. Во-первых, оружие всегда находит покупателя; наряду с сырьем оно составляет важнейшую статью советского экспорта. Во-вторых, поставки оружия создают угрозу для Запада, а следовательно, стимулируют его готовность "во имя мира и добрых отношений" предоставлять Советскому Союзу кредиты, новую технику и товары. В-третьих, производство и экспорт оружия маскируют неэффективность советской экономики, ее органическую неспособность обеспечить собственное население продуктами и товарами, создавая иллюзию, будто хронический дефицит товаров потребления порожден военными расходами.

Административно-политическая система хозяйствования неэффективна. Эта неэффективность — источник постоянной тревоги советских руководителей. Они могут не понимать, что устойчивость их строя будет обеспечена лишь тогда, когда исчезнет всякая возможность сравнения с другими системами. Таким образом, не те или иные властители, а сама система порождает милитаризм. Не умея заменить пушки маслом, она все свои ресурсы тратит на подготовку к войне. Выбора у нее нет.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Эту древнюю истину оригинальным образом демонстрирует статистика торговли. На хлеб, муку и крупу жители СССР истратили в 1981 г. 13,8 млрд.руб.¹ — около 10% всех расходов на еду. На мясо и рыбу в два раза больше — 25 млрд. На молоко, сыр, яйца — 12,4 млрд. Картофель, овощи и фрукты, а также консервы всех сортов обошлись в 11,6 млрд., сахар, чай и кондитерские изделия — 17,5 млрд.

И 44 миллиарда отнял у граждан товар номер один — алкоголь.

Сумма, истраченная населением на спиртные напитки, оказалась выше, чем расходы на мясо, хлеб, молоко, овощи и картофель, вместе взятые. Она составляет 31% всех продовольственных затрат. Сравнение с предыдущими годами показывает такой стремительный рост, что, чего доброго, недалек и стопроцентный рубеж.

Было бы неверно утверждать, что рост алкоголизма не заботит руководителей СССР. Напротив, ему объявлена беспощадная война. Во-первых, с помощью традиционного советского способа — замалчивания фактических сведений. Так, с 1963 года не публикуются данные о производстве водки, а затраты населения на алкогольные напитки упрятаны в графу "Другие продовольственные товары". Но как льва выдают когти, так алкоголь выпирает из кофе, пряностей, кваса, пепси-колы — и легко вышелушивается независимыми исследователями из советской статистики. Второй способ борьбы — воспитание трудящихся, включающее статьи в газетах ("Советы врача", "Письма о пьянстве и трезвости", "Про дурман"), выступления в красных уголках и т.п. Увы, и добрые советы, и угрозы мало помогают.

До нашей октябрьской эры, в 1870 г., водки по всей стране уходило ведро в год на человека (4,6 л в пересчете на чистый спирт). Обеспокоенное правительство, регулируя цены, добилося некоторого снижения потребления. В 1913 г. среднестатистический житель выпивал за год 7,7 л водки (3,1 л спирта). Эта дурная привычка населения была главной статьей государственных доходов и приносила бюджету ежегодно около 700 млн. руб. После начала Мировой войны был введен сухой закон; считают, что эта мера привела к подъему производительности труда в промышленности в 1915 г. на 7%. Формально запрет продолжал действовать и в годы гражданской войны, и в начале НЭПа, но эффективность его была сильно подорвана распространением самогона.

В 1923 г. вопрос о введении государственной торговли водкой и наливками вновь оказался на повестке дня. Из документов, которые публикуются ниже, видно, что ортодоксы во главе с Троцким выступали против спаивания населения, выдвигая не только идеологические и политические, но и вполне разумные экономические аргументы. Им противостояла новая государственная бюрократия. Наивное сопротивление троцкистов государственной торговле водкой напоминает нам о том, что в отличие от многих других прегрешений советской власти, идея зарабатывать на торговле спиртным восходит не к теориям основоположников коммунизма, заимствована не у западных стран, но принадлежит к собственно российской традиции и должна быть оценена как один из фундаментальных устоев самодержавия. Вместе с тем в руках у советской власти спирто-водочная монополия как экономический рычаг выглядит особенно чудовищно и нелепо. Ведь обладая абсолютным контролем над производством и над доходами населения, регулируя потребление с помощью зарплаты и налогов, власть могла бы придумать и более безобидный способ перекладывания денег из одного кармана в другой. В 1927 г. Сталин следующим образом аргументировал государственную точку зрения:

"Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива: либо пойти в кабалу к капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик, и

¹ Данные за 1981 г. приводятся по справочнику "Народное хозяйство СССР 1922—1982", М.1982. Другие статистические сведения взяты из работ: А.Красиков. Товар номер один. "Двадцатый век", № 2, 1977; И.Бирман. Экономика не достач. Нью-Йорк, 1983; V.Treml, Alcohol in the USSR. N.J., 1981.

получить за это известные средства, необходимые для того, чтобы обернуться; либо ввести водочную монополию для того, чтобы заполнить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами и избежать, таким образом, иностранную кабалу." Сталин добавил, что "водочную монополию мы ввели как временную меру", и сообщил, что сейчас водка дает более 500 миллионов рублей в год (10% всего государственного дохода), однако "наша политика состоит в том, чтобы постепенно свертывать производство водки. Я думаю, что в будущем нам удастся отменить вовсе водочную монополию". (И.Сталин, Соч., т.10, стр. 233.)

Даже если поверить Сталину, что у государства не было альтернативы, вопрос, почему отравление населения предпочтительней иностранных займов, остается без ответа.

Тогда, в 20-х годах, еще требовалось каким-то образом согласовать прагматические соображения с предписаниями идеологии и морали. О том, как это делалось, можно судить хотя бы по следующей выдержке из протокола собрания партактива Вяземской районной организации ВКП (б) от 20 ноября 1928 г. (документ Смоленского архива):

"... Начнем с пьянства. Выпущена 40-градусная. Некоторые товарищи полагают, что если она выпущена государством, стало быть нужно пить. Партия заявляет, что пить нельзя. Но в то же время рощерком пера нельзя это изжить. Нужна сознательность наших партийцев в этом вопросе. Мы "греем" за то, что, главным образом, не умеют пить."

К середине тридцатых годов тон изменился. Нарком пищевой промышленности Микоян удачно приспособил основополагающий тезис Сталина о том, что "жить стало лучше, жить стало веселей" к конкретной проблеме продажи спиртных напитков населению:

"Теперь стало веселее жить. От хорошей и сытной жизни пьяным не напьешься... Веселее стало жить, значит и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудка не терять, не во вред здоровью..." (Высказывание 1936 г., цит. по "Книге о вкусной и здоровой пище", М. 1953, стр. 79).

Тем не менее различные обстоятельства, среди которых не последнее место занимали низкие урожаи, голод и война, сдерживали потребление алкоголя, долгое время оставшееся ниже дореволюционного уровня. Лишь в 1954 году этот уровень был превзойден. Слова Микояна прекрасно объясняют успехи, достигнутые на алкогольном фронте: жизнь становилась все веселее, а "значит и выпить можно" было все более основательно. В 1955 г. на душу населения приходилось 5 литров чистого алкоголя (с учетом нелегального самогонварения), в 1960 г. — 6 л, в 1970 г. — 9 л, а в 1979 г. — 12 литров.

К концу 70-х годов один житель страны в среднем — сюда входят и младенцы, и старики — выпивал в год в общей сложности 65 литров горячительных напитков, в том числе 17 литров водки и самогона, 9 литров плодово-ягодного вина, 14 литров виноградного вина и 25 литров пива. (К этим цифрам следует добавить трудно учитываемое потребление суррогатов). Много это или мало? Во всяком случае — в несколько раз больше, чем до революции. По потреблению крепких напитков СССР втрое превзошел США. Судя по всему, нам в этой области принадлежит абсолютный мировой рекорд.

Можно попытаться ориентировочно оценить "теоретическую" потребность населения в алкоголе, — так сказать, алкогольную емкость страны. Из 300 млн. жителей (такую цифру населения СССР прогнозируют демографы на конец века) максимально возможное количество пьющих в общепринятом значении этого слова составит 70 млн. мужчин (старше 18 лет, не принадлежащих к мусульманским народам страны). Будем считать, что их предельная ежедневная алкогольная потребность исчерпывается бутылкой водки и кружкой пива. Высшую норму для женщин и малопоющих мужчин-мусульман примем в размере 0,75 л сухого вина в день. При таком уровне потребления понадобится производить около 9 млрд. литров алкоголя в год (в пересчете на чистый спирт), то есть в три раза больше, чем изготавливается в стране сегодня. Нынешние темпы наводят на мысль, что этот рубеж отнюдь не является чем-то недостижимым. Действительно, с 1955 г. производство и потребление алкоголя в СССР выросло более чем в три раза. Это значит, что еще в этом столетии мы можем явить миру новую, невиданную прежде алкогольную цивилизацию, где каждый будет получать "горючего" по потребностям, и кто знает, не станет ли товар номер один практически единственным продовольственным товаром массового потребления. Это явится и кардинальным способом решения Продовольственной программы. Будет ли это общество называться коммунистическим или как-нибудь иначе — вопрос несущественный.

”АППАРАТ БОРЬБЫ С САМОГОНОМ”

Членам ЦК, членам ЦКК

Совершенно секретно

На последнем Пленуме снова, как оказывается, поставлен вопрос о допущении свободной продажи пива в фискальных целях, — вопрос, который я считал погребенным. Ввиду огромной важности дела и той исключительной ответственности, которую берут на себя инициаторы постановки его, считаю необходимым высказаться письменно — тем более, что находясь в отпуску, я на Пленуме не присутствовал.

Для меня совершенно бесспорно, что наш бюджет может держаться только на успехах сельского хозяйства и промышленности и внешней торговли (экспорт хлеба, леса и пр.). Попытка перенести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю, освободив государственный бюджет от зависимости от наших собственных успехов в области хозяйственного строительства. Заработная плата рабочего далеко еще не достигла довоенного уровня. Тем не менее рабочий класс в целом чувствует себя в состоянии подъема. Если сюда врежется алкоголь — все пойдет назад, вниз. На проведенную мною анкету о рабочем быте агитаторы-массовики отвечают: два основных фактора изменяют быт, во-первых, восьмичасовой рабочий день и, во-вторых, рабочий меньше пьет, меньше бьет жену и детей. Мы подрежем это движение рабочего класса вверх и деморализуем партию. Не говорю уже о том, в какой мере возврат к доброму старому времени уронит наш революционный престиж в международном масштабе.

Решительно протестую против этого предложения.

29 июня 1923 г.

Л.Троцкий

Проект резолюции

Ввиду того, что в партии поднимаются голоса в пользу легализации в том или другом виде водочной торговли, с целью извлечения государственных доходов, Пленум Центрального Комитета считает необходимым своевременно положить конец этим тенденциям, которые при своем развитии и успехе могли бы иметь лишь пагубное действие на революцию и партию.

Между бюджетом рабочего государства и общим хозяйственным развитием страны не может не быть самой тесной внутренней связи. Устойчивый и жизненный социалистический бюджет может и должен опираться на успехи в области сельского хозяйства, промышленности, внутренней и внешней торговли. Попытка изъятия народных средств при помощи алкоголя, подрывающего эти народные средства и деморализующего правящий рабочий класс, неизбежно привела бы к экономическому тупику, сорвав едва лишь намечающийся процесс хозяйственного оживления и подъема.

Заработная плата рабочего, приближающаяся к двум третям довоенного уровня, сразу обнаружила бы свою недостаточность с возвращением алкоголя в жизненный обиход рабочего. В качестве результата явилось бы понижение производительности труда и деморализация.

Широкие круги партии не могли бы увидеть в легализации алкоголя ничего, кроме меры отчаяния. У десятков тысяч лучших работников опустились бы руки, не говоря уже о том, что значительные круги партии оказались бы неспособны противостоять легализованному рабочим правительством алкоголю. Все приведенные соображения побуждают Центральный Комитет решительно отвергнуть и осудить всякую мысль легализации водочной монополии или других форм свободной продажи водки.

Только правильная и напряженная работа по поднятию промышленности и сельского хозяйства, по упорядочению и расширению внешней торговли, в соответствии с решениями XII съезда партии, может обеспечить устойчивый и жизненный бюджет как составной элемент планового социалистического хозяйства.

30 июня 1923 г.

Л.Троцкий

Выступление на Пленуме ЦК РКП (б)

Я хотел сделать несколько замечаний. Вопрос решался, мне кажется, не обычным порядком.

Вопрос, который врезался в жизнь широких масс, этот вопрос в партийном порядке до сих пор не обсуждался. Правда, он поднимался несколько раз, но оставался без разрешения, в то время, как в советском порядке он постепенно все дальше продвигается вперед...

Этот метод, и с точки зрения хозяйственной наиболее вредный, потому что, если решиться на эту меру (которую я считаю опасной и вредной), если решиться на нее, то провести ее надо, имея перед глазами всю карту Союза, сообразуясь с тем, где и как из этой вреднейшей меры извлечь, с одной стороны, фискальную выгоду, а с другой стороны, постараться свести к минимуму вредные ее тенденции и результаты.

Так, в частном разговоре с условными сторонниками этой вредной и недопустимой, по-моему, меры, мне пришлось слышать, что можно будет проводить эту меру в крестьянских районах, например, Сибири, а что в городах проводить не будем. Я возражал против этого с той точки зрения, что если мы это сделаем в маленьком масштабе, как на Дальнем Востоке, то это не даст серьезной выгоды, а если мы это сделаем в большом масштабе, то так как крестьянские районы у нас доминируют, водка зальет неизбежно и городские районы...

Наливка, говорят нам, это средство борьбы с самогоном. Насколько средство это реально? Насколько оно реально, в это я совершенно не верю. Одно из двух, либо мы захотим иметь серьезный доход, т.е. производить дорого, захотим еще дороже продавать, — тогда крестьянин предпочтет самогон; а если захотим конкурировать с самогоном, тогда побудительный фискальный мотив у нас будет отсутствовать. В период, когда мы ведем очень острую, очень ответственную кампанию за поднятие производительности труда, не имея возможности предварительно поднять заработную плату, в это время легализовать наливку, равную водке, значит врезаться в заработную плату рабочего. Конечно, можно будет представить себе, что через три-четыре-пять лет, если продукция расширится, себестоимость понизится, аппарат борьбы с самогоном улучшится, тогда мы завоевание в деревне алкогольного рынка сможем совершить, т.е. государство будет продавать этих наливок, скажем, на 50% всего потребления алкоголя. Но ведь эта мера особенно важна для нас не через пять лет, а в нынешний острый период. Между тем, в этот период фискальные результаты от этой меры ничтожны и, прежде всего, результаты эти будут за счет заработной платы рабочего. Вопрос этот ни в печати, ни партийным путем не был обсужден. В печати этот вопрос был одно время поставлен, но обсуждение было прервано, и вопрос этот на обсуждение Политбюро не передавался, не поступал. Я, по крайней мере, в таком обсуждении совершенно не участвовал. Я считаю постановление СНК абсолютно неправильным. Я думаю, что надо эту меру приостановить и обсудить в партийном порядке; ведь партии придется выносить эту меру на своих плечах, если мы эту меру введем. Обсуждение этой меры в партийном порядке, на партконференции, является абсолютно необходимым.

Октябрь 1924 г.

Архив Л.Б.Троцкого. Библиотека Гарвардского университета, США.

Публикация Ю.Фельштинского.

ТАЙНА ПЛЕСЕЦКА

Владимир Губарев столкнулся с дилеммой поистине космического масштаба. Ему, как научному корреспонденту "Правды", полагалось сообщать о космических полетах и прочих достижениях передовой техники. Однако он должен был также способствовать воспитанию советского человека в духе доверия к государственным учреждениям. Теперь ему предстояло заняться вопросом, честное обсуждение которого в печати могло привести к раскрытию государственной тайны. Это были неопознанные летающие объекты (НЛО). Захватывающие дух зрелища наблюдались по всей стране, а правительство уверяло население, что все в порядке и никаких "летающих тарелок" не существует.

Что было делать Губареву? Единственный разумный выход из положения — открыть правду о причинах появления неопознанных летающих объектов — был для него невозможен по соображениям военной тайны. Ибо никто иной, как советские военные, занятые деятельностью в космосе, которая официально отрицалась, были причиной массовых появлений НЛО над страной.

Из Шереметьевского аэропорта Губареву позвонил смущенный летчик.

"Я второй пилот ИЛ-62, — сказал он. — Вчера вечером при заходе на посадку наблюдали необычное явление. Огненная точка поднялась над горизонтом, некоторое время летела параллельно нашему курсу, затем резко ушла вверх!"

Один за другим раздавались такие, поразительно похожие звонки. Звонил человек из Шатуры:

"Просим разъяснить, что мы видели вчера на рыбалке. Около полуночи я выбрался из палатки и глянул на восток. По небу двигалось что-то необычное: из светящейся точки исходило пламя. Это "летающая тарелка"?"

Губарев-то знал, что это был не НЛО. Более того, он почти наверняка знал, что это было на самом деле. Но когда он попытался объяснить, рыбак не поверил. По иронии судьбы журналист из "Правды" на сей раз действительно говорил правду, но ему не верили.

В течение нескольких лет удивительные видения полыхали в ночном небе северо-запада СССР. Огненные призраки витали даже над Москвой, — особенно впечатляющим было явление 14 июня 1980 г. Десятки тысяч очевидцев были удивлены и напуганы, а буквально миллионы слышали из вторых или третьих уст рассказы об этих событиях (соответственно приукрашенные и драматизованные, как и полагается в фольклоре.)

Наиболее эффектной была НЛО-"Медуза", появившаяся над Петрозаводском в сентябре 1977 года. Агентство ТАСС передало сообщение, озаглавленное: "Необычное

Автор статьи, специалист по истории советской космонавтики, просит читателей, располагающих новыми или малоизвестными сведениями из этой области, сообщать их ему по адресу: J.E.Oberg, Route 2, Box 350, Dickinson, Texas 77539, USA. Дж.Оберга особенно интересуют любые подробности биографии акад.С.Королева.

природное явление над Карелией." Местный корреспондент Николай Милов писал:

"20 сентября около 4 часов утра в темном небе неожиданно вспыхнула огромная звезда, от которой на землю импульсами исходили лучи. Эта звезда медленно двигалась в направлении Петрозаводска и, растянувшись над ним в форме медузы, повисла, освещая город множеством тонких лучей, создававших впечатление дождя. Через некоторое время светящиеся лучи исчезли. Медуза превратилась в яркий полукруг и продолжила свое движение в направлении Онежского озера. В световой пелене возникло полукруглое яркое пятно, красное посередине и белое по краям. Явление продолжалось 10–12 минут."

Советские энтузиасты НЛО накинулись на это сообщение. В прессе появилась целая волна публикаций. "По-моему, — заявил писатель-фантаст Александр Казанцев, — это был внеземной космический корабль, производивший разведку". Доктор наук Владимир Ажажа писал: "Я думаю, что над Петрозаводском наблюдали или НЛО, корабль, посланный высокоразвитой цивилизацией, с командой и пассажирами, или энергетическое поле, созданное таким НЛО". Алексей Золотов, геолог, один из главных защитников гипотезы о том, что Тунгусский метеорит 1908 г. был взрывом космического корабля, сказал западным журналистам: "Объект был типичной летающей тарелкой. Имеющиеся сообщения не оставляют никакого сомнения, что наблюдался НЛО." Старейшина советских "тарелочников" Феликс Зигель согласился, что это был настоящий НЛО: "Сомнений нет, объект обладал всеми характерными признаками". Специалист по НЛО Сергей Божич указал на сложную природу петрозаводского феномена. По его данным, "сообщалось по меньшей мере о 13 НЛО, совершенно непохожих на запуски ракет; девять из них наблюдались в 4 часа утра." Вот один из примеров. "По сообщению А.Павленко, огненный шар неизвестной

Запуск ракеты (кадр из советского фильма). Для неосведомленного очевидца это выглядит как НЛО "Медуза"

Конденсационный след ракеты может видеть на небе часами (на фото: после запуска из Плесецка 20 сентября 1977 г.)

природы летел с юга к Петрозаводску, опустился по винтовой траектории над гостиницей "Северная" в 4 часа утра и висел над ней в течение 5 или 7 минут. Он испускал характерное жужжание." В другом случае "НЛО в форме выпуклой линзы аметистового цвета, размером с половину луны, в течение 15 минут висел над деревней Намоево в 35 км на северо-запад от Петрозаводска в 3 часа утра, то есть за час до запуска. На краю линзы в телескоп с 80-кратным увеличением конструкции Ю. Линника были видны шестнадцать точек."

Распространялись также сообщения о разрушениях в городе. По слухам были выбиты окна, а в брусчатке мостовых образовались загадочные дыры. Однако лишь немногие сообщали, что видели повреждения. Все вещественные доказательства (если они были), очевидно, быстро попали в руки КГБ.

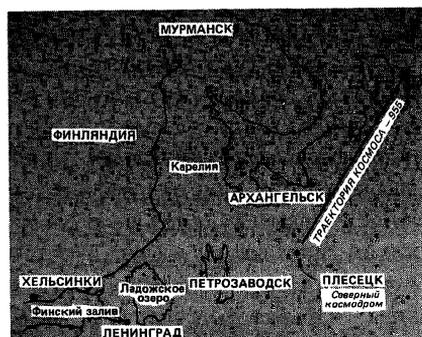
На Западе петрозаводский НЛО недолго оставался неопознанным. Как только я услышал о нем, мне сразу же вспомнились сообщения прошлых лет из Финляндии об аналогичных явлениях, оказавшихся ничем иным, как запусками советских ракет с космодрома в Плесецке (Архангельская область). Быстрый просмотр данных о новых запусках позволил тут же установить, что в 3 часа 58 мин. в Плесецке был запущен спутник-шпион Космос-955. Выхлопной след двигателя первой ступени, освещенный утренним солнцем, находившимся как раз под восточным горизонтом, не был виден в Москве из-за облаков (это подтвердилось, когда я получил сделанные этим утром фотографии с американского метеорологического спутника). Однако условия наблюдения в районе Ленинград–Петрозаводск, в Финляндии и Эстонии были превосходными. И именно из этих районов посыпались сообщения.

Официальные советские представители кинулись объяснять наблюдавшиеся явления. Директор Пулковской обсерватории ныне покойный член-корр. АН СССР В.А.Крат полагал, что это были просто метеоры или спутники, сгорающие при входе в атмосферу. Член-корр. АН СССР В.В.Мигулин был уверен, что все это – северные сияния. Инженер-химик Михаил Дмитриев полагал, что наблюдалась хемилюминесценция промышленного смога, чуть ли не болотные огоньки. В отчете Академии Наук 1979 г. говорится о поистине необычной природе явлений, вызывающих визуальные наблюдения НЛО.

В письме ко мне от 18 мая 1979 г. В.Мигулин писал: "Я не могу согласиться с Вашим утверждением, что Петрозаводское явление в сентябре 1977 г. было вызвано запуском ракеты, так как целый ряд аналогичных явлений наблюдался над довольно большой территорией в течение 3–4 часов как до, так и после событий, происшедших в Петрозаводске. Глобальный характер явления свидетельствует скорее в пользу его геофизической природы". В статье В.Мигулина, опубликованной в 1980 г., говорилось: "Активный процесс развивался примерно в течение 3 часов... Момент, когда наблюдалось Петрозаводское явление, был совершенно уникальным с точки зрения солнечной активности и состояния атмосферы и магнитосферы. В этот момент магнитное возмущение и поток солнечных электронов одновременно достигли земли; магнитосфера оказалась в чрезвычайно возбужденном состоянии. Наблюдались интенсивные полярные сияния редкого типа... Было бы удивительно, если бы в эту ночь над Карелией ничего не наблюдалось."

К 1982 г., однако, В.Мигулин начал допускать возможность человеческой деятельности, как одной из причин наблюдавшихся явлений. В "Литературной газете" от 20 октября 1982 г. он писал:

"Полностью природа этого явления все-таки непонятна. Мы слишком мало знаем о процессах, которые вызвали всю совокупность наблюдавшихся тогда явлений, — почему все происходило именно так, а не иначе. Но можно утверждать, что там имело место сочетание по крайней мере двух факторов — сложной геофизической обстановки (происходили мощные колебания магнитного поля, интенсивные полярные сияния и т.д.) и технического эксперимента в космическом пространстве".

Траектория запуска из Плесецка, вызвавшего НЛО 20 сентября 1977 г.

Пока В.Мигулин медленно продвигался к хотя бы частичному признанию того, что в это дело был замешан запуск ракеты, энтузиасты НЛО продолжали развивать собственные версии событий. А.Казанцев писал в 1980 г., что НЛО "висел в ночном небе по крайней мере два часа на высоте порядка ста километров." Н.Милов — журналист, первым поведавший об этой истории, утверждал:

"Это был центр огромной активности: тела меньшего размера казалось отлетали от него, а другие наоборот приближались и исчезали в огромных иллюминаторах".

Хотя многие западные специалисты по НЛО довольно быстро согласились, что Петрозаводское явление было вызвано запуском ракеты из Плесецка, некоторые не приняли эту точку зрения. В 1980 г. Дейл Круикшенк (астроном в обсерватории Гавайского университета на Мауна-Лоа) и Дэвид Свифт писали в "Journal of UFO Studies", что, несомненно, "нечто необычное произошло в небе над северной частью России, но мы не знаем, что это было или чем это было вызвано." Большое впечатление на этих авторов произвели сообщения (хотя и неподтвержденные) о выбитых окнах, дырах в брусчатке мостовых: "...детали, придающие явлению загадочный характер и порождающие сомнение в справедливости гипотезы о запуске ракеты, вполне правдоподобной во всех других отношениях... Эти подробности меняют дело, — из явления, которое казалось уже объясненным, оно вновь превратилось в неопознанное. В настоящее время события в Петрозаводске остаются необъясненными".

В переписке со мной Круикшенк пояснял: "Я согласен с тем, что большая часть ставших известными на Западе фактов говорит в пользу запуска в Плесецке, однако это объяснение оставляет без ответа несколько вопросов. В их числе: множественность явлений над городом; странные дыры в окнах и на улицах; серьезный характер исследования, проведенного АН СССР, в отчете о котором, однако, ничего не говорится о деятельности человека как о возможной причине явления; скептицизм советских ученых, беседовавших с очевидцами, в отношении объяснения явлений запуском ракеты... Не ко всем свидетелям петрозаводских событий можно отнестись пренебрежительно".

Но все перечисленное в той или иной степени характерно и для многих других фальсифицированных сообщений о НЛО, появляющихся в разных концах мира. Уже поэтому они не могут всерьез поставить под сомнение объяснение явлений запуском ракеты. Кажущаяся множественность событий объясняется тем, что очевидцы неточно запоминали время и путали направления. Физические следы события (дыры на мостовой и разбитые стекла окон — это, возможно, лишь слухи, пущенные теми самыми организациями, которые заинтересованы в укреплении версии о НЛО в умах советского населения, чтобы отвлечь внимание от истинных причин. Отчет АН СССР 1979 г., как было доказано, является просто фальшивкой, почти наверняка имеющей целью замаскировать "летающими тарелками" советскую военную деятельность в космосе. Как показывает продолжительный и горький опыт, бесспорная искренность очевидцев и исследователей, к сожалению, имеет мало общего с точностью даваемых ими объяснений.

Давно известно, что советские ракеты вызывают эффектные ночные явления. Кертис Пиблс нашел два интересных упоминания о таких явлениях, относящиеся к самому началу космической эры. Они были связаны с испытаниями межконтинентальных баллистических ракет в Тюратаме, он же Байконур (ускоритель такого же типа использовался несколькими годами позднее в Плесецке).

Американский специалист Герберт Сквилл, производя оценку испытаний советских межконтинентальных ракет SS-6, описал необычные световые явления, которые их сопровождали (см. John Prados, "The Soviet Estimate", 1982). О том же пишет в своей книге "Operation Overflight" (1970) пилот самолета U-2 Фрэнсис Пауэрс. Описывая разведывательные полеты вдоль границ СССР в 1958—59 гг., он отмечает: "Особый интерес представляли запуски советских ракет. По какой-то причине многие из них проводились ночью и... часто представляли собой великолепное зрелище, освещающая небо на несколько сот миль."

Таким образом, становится понятным интерес американских разведывательных организаций к сообщениям о "световых явлениях" или просто о "неопознанных летающих объектах". Именно потому, что это не "настоящие НЛО", а нечто более прозаическое и значительно более важное для национальной безопасности, сообщения о НЛО из-за железного занавеса и из стран, граничащих с Советским Союзом, тщательно собираются и анализируются. Судебные иски, возбужденные группами энтузиастов НЛО, вынудили ЦРУ в 1982 г. предать гласности "секретные документы о НЛО", например, записи наблюдений НЛО пилотами гражданских авиалиний западных стран во время полетов ночью над территорией СССР или поблизости от нее.

В.Губарев, как и целый легион лиц, дававших официальные объяснения, конечно, знал об истинном происхождении этих "НЛО", знал, что причиной явления были запуски ракет из Плесецка. Но поскольку эта база является в первую очередь военным космодромом, сведения о ней держались в тайне даже спустя пятнадцать лет после того, как оттуда начали запускать спутники-шпионы. Любое упоминание о ней в советских средствах информации было строго запрещено, а разглашение тайны грозило суровым наказанием.

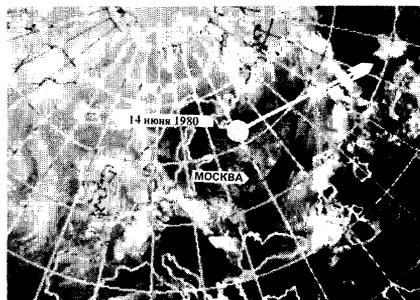

Фото с американского метеоспутника, показывающее погодные условия во время запуска Космоса-1188, вызвавшего московский НЛО 14 июня 1980 г.

Так как упоминать о существовании космодромов было нельзя, феерические эффекты следовало официально объяснять "естественными причинами". Или, если публике хотелось видеть в этом "летающие тарелки", то что ж в этом плохого? Таким путем тайна охранялась еще более надежно.

К несчастью, советских граждан не удалось успокоить ложными объяснениями, в особенности, когда последовали новые поразительные явления, — уже упомянутые появления НЛО над Москвой 14 июня 1980 г. и 15 мая 1981 г.

15 мая 1981 г., около половины второго утра в Плесецке был запущен метеорологический спутник Метеор 2-7. Несколько мгновений спустя, когда первая ступень ракеты достигла высоты около 150 км, выхлопной след двигателя над северным горизонтом осветило солнце. Спутник был запущен на околополярную орбиту высотой более 800 км и летел практически точно на северо-восток от Плесецка.

В течение нескольких минут после запуска северо-восток Европейской части РСФСР, в частности Москву, охватила "тарелочная" паника. Был замечен "шарообразный НЛО", движущийся над Москвой на восток. По сообщению американского журналиста Генри Гриса ("National Enquirer", 8 декабря 1981 г.), исследователями НЛО было после этого собрано более 80 сообщений очевидцев, а действительное число лиц, наблюдавших

”НЛО”, вероятно составляло десятки тысяч. ”НЛО был изучен очень тщательно”, — писал Грис. Прежде всего это касалось его траектории: ”Довольно странно, что она повторяла траекторию НЛО 14 июня 1980 г.” Грис опубликовал подробный отчет о том, что советские ”тарелочники” рассказали ему об этом НЛО. ”Кремлевские власти охвачены паникой из-за невероятных вторжений в советское воздушное пространство”, — утверждалось в статье. ”По сообщению из хорошо осведомленного источника”, сам Андропов, тогда еще глава КГБ, якобы получил приказ ”немедленно расследовать мрачный инцидент с НЛО.” Грис продолжал: ”Тысячи русских были очевидцами потрясающего появления НЛО. Некоторые прятались, крича от страха”.

”Сверкающий голубой НЛО, почти 600 м в поперечнике, в течение тридцати минут висел над Внуковским аэропортом, а затем пронесся в сторону северных окраин Москвы, где поразил очевидцев серией воздушных фейерверков”, — так писал советский энтузиаст НЛО Владимир Ажажа.

Согласно реконструкции событий, сделанной Феликсом Зигелем, НЛО сначала появился над Тулой в 170 км к югу от Москвы. Через три минуты его видели над Москвой. Московский инженер-механик Виктор Лапочкин заметил, что в центре ”инопланетного корабля” произошла ослепительная белая вспышка, которая потом расплылась в огромный оранжевый шар с белым центром. Затем, рассказывает Лапочкин, на город стали падать ”огненные красные капли.”

От ”корабля-матки” отделились несколько маленьких НЛО. Один из них, как сообщал В.Ажажа, ”в течение двух часов висел над подмосковной железнодорожной станцией. Затем он неожиданно нырнул в озеро вблизи станции. Через несколько секунд он вынырнул на поверхность и улетел”.

Один из советских любителей НЛО предположил, что событие в мае 1981 г. ”было повторным визитом того же космического корабля, который уже прилетал 14 июня прошлого года, и что при этом произошло что-то рассердившее пришельцев или приведшее их в воинственное настроение.” В этом предположении содержится некоторая доля правды. Оба явления вызваны запусками ракет одного и того же типа.

Как и раньше, удивительное событие породило всякого рода преувеличенные и ображаемые побочные эффекты. Как и раньше, некоторые советские правительственные организации намеренно ”мутили воду” сенсационными слухами с тем, чтобы помешать распознаванию истинной природы явления.

Запуск ракеты, произведенный 15 мая, был виден даже в Швеции, а фотография, сделанная Сюзанной Халтман из университета Умео (на берегу Ботнического залива), была позднее опубликована в журнале ”Aviation Week”.

Упомянутый выше С.Божич приводит бесчисленные примеры ”независимых” наблюдений НЛО в день запуска 15 мая. ”Сообщалось по меньшей мере о десяти НЛО, отличных от запуска ракеты. Восемь из них наблюдались от 1 часа 30 мин. до 2 час. 02 мин., то есть одновременно с тем, когда наблюдалось световое явление... Пилоты шести гражданских самолетов сообщали либо о летящих НЛО, либо о нападении НЛО на их самолеты; в 1 час 30 мин. НЛО атаковал грузовик на Рязанском проспекте в Москве; в 1 час 45 мин. дискообразный НЛО двигался над восьмиэтажным зданием, причем приблизительно в ста метрах за ним летел самолет; между 1 час. 55 мин. и 2 час. 02 мин. над Ленинградом наблюдался НЛО в виде двух тарелок, одна из них перевернутая, — он двигался вверх по спирали. Божич приходит к заключению: ”Запуски земных космических кораблей могут совпасть по времени с сообщениями об обычных НЛО”.

Все главные советские газеты игнорировали появление НЛО 15 мая 1981 г. Однако второстепенные издания неожиданно пренебрегли запретом упоминать о такого рода событиях. "Строительная газета" 22 мая поместила интервью с астрофизиком Юлием Платовым (молодым протеже В.Мигулина); в этом интервью ученый комментировал письмо одного очевидца, коллеги журналиста этой газеты.

Фотография запуска Союза-13 из Байконура в 1973 г. Видны полосы, отходящие от яркого узла на вершине облака

Этот человек наблюдал НЛО, который, "в течение нескольких минут был неподвижен, источал ровный белоголубой свет, потом от него спиралью спустился яркий оранжевый шлейф, после чего на фоне тарелки возник темный квадрат правильной формы, который стал симметрично увеличиваться, одновременно медленно удаляясь в сторону. Затем НЛО остановился вновь, несколько минут висел неподвижно, после чего стремительно взмыл к звездам".

После исчезновения НЛО очевидец хотел включить свет, прежде чем выйти на балкон гостиницы, однако обнаружил, что лампа перегорела!

Платов без обиняков объяснил, что это был запуск ракеты. "Огненный шлейф [космического корабля ночью] виден за сотни километров", — осторожно заметил он, избегая точного указания места, откуда была запущена ракета. "Один из [таких запусков] видел ваш коллега", — доверительно сообщил Платов журналисту. "Если бы он совместил сообщение ТАСС о запуске в космос космического корабля, который был произведен именно в это время, для него все бы стало на свое место". Относительно лампочки Платов предположил, что это было простое совпадение. Газета согласилась с этим объяснением, снабдив статью заголовком "Чуда не было".

Чудо предстояло совершить Губареву, а именно — снять покров с тайны Плесецка. Трудно сказать, что непосредственно побудило власти к этому шагу, но большинство наблюдателей связывают это с широкой оглаской на Западе и неблагоприятными, если не сказать издевательски-насмешливыми комментариями по поводу грубого камуфляжа запусков при помощи "НЛО". В 1982 и начале 1983 г. ведущие журналы многих стран опубликовали подробные отчеты о смехотворных опровержениях Москвой существования Плесецка, даже когда запуски вызвали массовую "тарелочную" панику. Начало этому было положено моими изысканиями, и я был автором многих статей. Публикации на эту тему появились в "Readers Digest", "OMNI", "Christian Science Monitor", "Skeptical Inquirer", "Aviation/Space", "Technology Review", "New Scientist" и "Spaceflight", а также в многочисленных бюллетенях энтузиастов НЛО в Западной Европе. Надо полагать, Губарев и его коллеги получили указания.

В середине 1983 г. Губарев — по-видимому после неизвестных нам интриг в цензурном аппарате и на верхах — сделал ход. Сначала это

Зарисовка московского НЛО 15 мая 1981 г. Структура облака такая же, как и на предыдущей фотографии

было "намеренно-случайное" упоминание "плесецкого космодрома" в статье о другой пусковой площадке — Капустином Яре. Западные наблюдатели, первым среди них Теодор Шабад из "New York Times", тотчас же поняли значение этого упоминания. Но к следующему шагу Губарева они оказались неподготовленными: это была большая статья, посвященная исключительно Плесецку.

Статья появилась в "Правде" 20 июня 1983 г. Заголовок гласил: "Место старта — Плесецк", и уже первый ее абзац был оглушающим ударом после стольких лет лжи.

"В легенду о "летающих тарелках" (НЛО) космодром Плесецк вносит немалый вклад", — писал Губарев. Прикрытие разлетелось на куски.

В статье рассказывалось о НЛО, который наблюдал пилот из Шереметьева, и о НЛО, который видел в полночь рыболов из Шатуры. Губарев объяснял:

"Узнав, что он наблюдал запуск искусственного спутника Земли с космодрома Плесецк, рыболов не поверил... А ведь в ясные дни, когда устанавливается антициклон, в Подмоскowie можно увидеть, как работает третья ступень ракеты-носителя, выводящая на орбиту спутник. Ну а во многих других городах, расположенных "вокруг" космодрома, их наблюдают гораздо чаще".

Как будто исчерпав силы из-за непривычки говорить правду, Губарев снова скатился на ложь. Плесецк, писал он, был построен в 60-х годах и должен был "внести свой вклад в использование спутников Земли для решения народнохозяйственных задач. В частности, для нужд связи и метеорологии."

В действительности Плесецк — в первую очередь военный космодром, и лишь 10% запускаемых оттуда спутников предназначены для гражданских целей. Больше половины — это спутники-шпионы, остальные также являются военными спутниками различных типов. Первые пусковые установки, построенные в Плесецке в 1960 г., были, вероятно, предназначены для ракет с ядерными боеголовками, нацеленными на Запад. И только в 1966 г. из Плесецка были выведены на орбиту первые спутники. О существовании базы впервые сообщили радиолюбители из Великобритании. Название Плесецк появилось в печати несколькими неделями позже, когда один американский журналист сопоставил с картой широту и долготу, указанные англичанами.

В декабре 1967 г. появился первый "НЛО", вызванный запуском из Плесецка. Хотя о нем от советских энтузиастов НЛО поступило много сообщений, в нем не распознали еще первый псевдо-НЛО особого нового типа.

К 1969 г. из Плесецка производилась почти треть всех космических запусков в мире, а пятью годами позже — больше половины. К концу 70-х гг. две трети искусственных спутников во всем мире запускались с космодрома, который официально не существовал. Одновременно производились и эффектные запуски НЛО.

Губарев не смог обойтись и без фотоподделок, которые в СССР стали традицией. Статья иллюстрирована фотографией небольшого научного спутника на вершине ракеты-носителя. Этот снимок уже был опубликован много лет назад как фотография польского спутника "Коперник-500", предназначенного для изучения солнечной радиации и запущенного с космодрома Капустин Яр в 1973 г.!

Из военного космического центра в Плесецке производятся также испытательные запуски ракет. Отсюда осуществлялись запуски новых межконтинентальных баллистических ракет на твердом топливе ПЛ-5 в направлении Камчатки. Характерно, что в нарушение соглашения СОЛТ-2 телеметрические данные об этих испытаниях были зако-

дированы. По имеющимся сведениям, первый запуск в октябре 1982 г. не удался. Следующий такой запуск ожидался 30 августа 1983 г., и американский самолет электронной разведки RC-135 был направлен для патрулирования вблизи места ожидавшегося приводнения ракеты. Позднее, пытаясь оправдать преступление — расстрел мирного корейского авиалайнера 1 сентября 1983 г., советские представители намекали, что они могли принять авиалайнер за этот разведывательный самолет. Версия слишком грубая, чтобы в нее можно было поверить: RC-135 вдвое меньше "Боинга", имеет совсем иной внешний вид и базировался не у Сахалина, а к западу от Камчатки. Несомненно, однако, что в это время и в том районе имела место повышенная напряженность, вызванная ожидавшимся запуском из Плесеца.

По данным американской разведки, в Плесеце в 1982 г. находилось от сорока до ста мобильных межконтинентальных баллистических ракет SS-16. Если это так, то перед нами еще одно нарушение соглашения СОЛТ.

Камуфляж при помощи НЛЮ способствовал в течение многих лет сохранению тайны северного космодрома. Рассматривать это как намеренную дезинформацию означало бы оказать слишком большую честь советской пропаганде, как правило, не отличающейся особо тонкими методами. Однако не подлежит сомнению, что она извлекла максимум пользы для себя из подвернувшегося случая и, может быть, время от времени "поддавала пару", распуская сенсационные слухи о событиях, связанных с появлением НЛЮ.

Крушение тайны Плесеца под натиском НЛЮ — один из наиболее забавных эпизодов в истории советской цензурной бюрократии, занимающейся и военными тайнами, и литературой, и явлениями природы. На один миг кусочек правды появился на страницах "Правды" — брешь, пробитая гигантскими ракетами, годами уносившимися на вневменные орбиты. Какой счастливый виток в истории космических исследований! ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

Галоши — не роскошь, а необходимый предмет для рабочего, колхозника или служащего. Наши заводы в настоящее время вырабатывают такое количество галош, которое покрывает потребность в них. Это значит, что каждый желающий мог бы в любом пункте страны купить пару галош. Мог бы, но не всегда это удается. Наступила осень, и уже кое-где галош не хватает. Нехватка эта двоякого рода. В некоторых местах галош вообще нет, в других — нет нужных размеров. Где же галоши?

В Москве уже сейчас трудно достать галоши большого размера, для валенок. На Урал, наоборот, этих галош завезли в пять раз больше, чем требуется. Почему так получается? Очень просто. Распределение товара по районам зависит часто от кладовщика завода. Галош в стране достаточно. Мы производим их в два с половиной раза больше, чем до революции. Нет никаких оправданий тому, что заводы не вырабатывают галош в нужном ассортименте.

"Правда", 8 октября 1934 г.

Слава о русской галоше гремела по всему миру. Это был один из немногих козырей царской России.

Но в той русской галоше было очень немного русского: льняное масло да мел. Все остальное сырье ввозилось из-за границы.

Сейчас галоша делается почти целиком из собственного сырья. Нашими заводами достигнуты крупнейшие успехи по замене импортного сырья советским. Однако галоша, идущая на внутренний рынок, страдает крупными недостатками. Это и привело на скамью подсудимых галоши. На общественно-технический суд явились пострадавшие — потребители, свидетели — работники магазинов и представители обоих заводов. Установив полную верность предъявленных галоше обвинений, суд выяснил и причины, порождающие плохое качество. Низка производственная культура. На заводах небрежно обращаются с ценнейшим сырьем, грязь попадает в каучук, пыль садится на только что отлакированную галошу, неостывшая еще галоша небрежно засовывается в ящик. В результате ухудшается не только внешний вид, но и качество галоши.

Выступавший на суде свидетелем начальник Главрезины тов. Биткер обещал, что в каждую пару галош будет вкладываться печатное обращение к потребителю, разъясняющее его право обменять недоброкачественную галошу в течение месяца.

"Да, виновны!" ("Правда", 17 октября 1934 г.)

Дж. БИЛЛИНГТОН (США)

ИРОНИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Разбираясь в хитросплетениях истории, начинаешь понимать, что она включает в себе некоторый иронический смысл. Чувство иронии удерживает историка где-то на полдороге между всеобъемлющими объяснениями в духе исторической школы XIX века и тотальным абсурдом, какой склонны находить в истории многие современные умы. Рейнгольд Нибур в своей "Иронии американской истории" дал следующее определение: ирония — это то, что "на первый взгляд кажется нелепой случайностью, но при ближайшем рассмотрении оказывается отнюдь не случайным". Ирония отличается от патетики тем, что вы берете на себя некоторую долю ответственности, констатируя нелепость; но она отличается и от фарса, так как в нелепости обнаруживаются скрытые связи; наконец, от трагедии ее отличает то, что здесь нет тайного знака судьбы, неумолимо подстроившей кажущийся нелепым ход событий.

Ирония если не успокаивает, то, по крайней мере, внушает надежду. Человек — не беспомощное существо в абсолютно бессмысленном мире. Он может что-то сделать в ситуации, полной иронии, но при условии, что он чувствует эту иронию и не уступает соблазну замаскировать нелепицу всеохватывающими объяснениями. Умение видеть иронию означает понимание того, что история смеется над человеческими притязаниями, но не враждебна человеческим устремлениям. Это позволяет надеяться и не дает обольщаться.

Применительно к истории ирония означает, что в историческом процессе есть некий рациональный смысл, однако человек — как участник этого процесса — никогда не умеет полностью ухватить этот смысл. Кажущаяся бессмыслица есть часть того, что Гегель называл "коварством разума". История, несомненно, несет в себе глубокий смысл, только вот до нас он доходит слишком поздно. "Сова Минервы расправляет крылья лишь с наступлением темноты" — эта вошедшая в пословицу фраза Гегеля завершает введение в его "Философию права". Иронично, но отнюдь не бессмысленно то, что поток истории всегда, как кажется, на один поворот обгоняет способность человека постигнуть ее. Сегодняшнее равновесие сил, как нам толкуют, есть равновесие или даже окончательное решение, достигнутое теми,

кто сознательно проецирует тенденции современности в будущее, — не принимая, однако, во внимание более глубокие силы, которые обуславливают перемежающиеся (или ”диалектические”) изменения в истории человечества. Но такие изменения происходят — зачастую совершенно неожиданно — и находят для себя такие лазейки, которых никто не мог предусмотреть кроме одиноких мыслителей, чудаков, отказывающихся признать то, что давно и единодушно признали все умные люди. Новейшая история России полна таких неожиданностей: это и революция 17 года, и внезапный поворот к НЭПу, вторая революция, совершенная Сталиным, и советско-германский договор о дружбе, послевоенный психоз позднего сталинизма и нечаянная оттепель после смерти тирана.

Обозревая панораму русской истории, проникаешься чувством неустрашимой иронии. В московский период наиболее яркие свидетельства исключительности судеб России явились как раз тогда, когда европейские формы жизни перенимались быстрее всего, — в эпоху Ивана Грозного и при Алексее Михайловиче. Писатели, с особой настойчивостью твердившие о своеобразии России — Максим Грек и Иван Пересветов при Иване Грозном, Симеон Полоцкий и Иннокентий Гизель при Алексее, — были людьми, получившими западное воспитание. Московские правители скрывали от самих себя ту очевидную несообразность, что одолжения, которые они принимают от Запада, растут одновременно с их враждой к Западу. Все спесивые притязания, присущие теологическому самосознанию старой Руси, только усиливались по мере сближения с Западной Европой. Маниакальная ненависть к чужестранцам, одинаково свойственная Ивану IV и старообрядцам, нашла устойчивый отклик в народе и подготовила основу для современной массовой культуры, на которую нанесли позолоту мнимой научности зоологические националисты конца XIX века и адепты диалектического материализма в XX.

На таком фоне деятельность царей-реформаторов в императорской России буквально на каждом шагу оборачивается иронией. Теоретически более свободные, чем другие монархи Европы, пользуясь привилегией править ”своею собственной властью” (русское слово ”самодержавие”, как и греческое ”автократия”, собственно и означает абсолютную личную власть), они на самом деле вновь и вновь оказывались связанными по рукам и ногам предрассудками их собственных, формально бесправных подданных. Ответом на гарантии свободы и терпимости сплошь и рядом была неблагодарность, даже какое-то влечение к деспотизму. ”Никогда раскольники не пользовались такой свободой, как в первый год царствования Петра..., но и никогда они не проявляли такого фанатизма” (Н. Сахаров, 1882). Екатерина, больше, чем кто-либо из ее предшественников сделавшая для умственного слоя аристократии, первой испытала на себе ее идеологическую враждебность. И та же Екатерина, по почину которой в России завязались бесконечные споры об освобождении человечества, больше всех своих самодер-

жавных предшественников сделала для укрепления военщины и закабаления крестьян. В девятнадцатом веке популярность царя-реформатора находилась в обратной зависимости от его реальных свершений. Александр I, сделавший на удивление мало, а в последние годы установивший в своей стране более жестокий и реакционный режим, чем тот, который впоследствии утвердился при Николае — даже при Николае! — был всеобщим любимцем. Зато Александр II, который необычайно много совершил в первое десятилетие своего правления, к исходу этого же десятилетия был вознагражден покушением на жизнь; за первой попыткой последовали другие, и одна из них, между прочим, увенчалась успехом. В числе многих иронических гримас революционного движения выделяется постоянно повторяющийся факт участия в нем интеллектуалов из знати — то есть тех, кому предстояло не приобрести, а потерять привилегированное положение. "Я могу понять французского буржуа, когда он делает революцию, чтобы отвоевать себе права; но как понять русского дворянина, у которого революция их отнимает?" — спрашивал бывший московский губернатор граф Ростопчин, лежа на смертном одре, когда ему сообщили о восстании декабристов. (Существует и другая версия его слов: "До сих пор революции делали сапожники, чтобы стать дворянами, а теперь дворяне затевают революцию, чтобы превратиться в сапожников." Цит. по А. Кизеветтеру.)

Победа революции принесла с собой новые иронические парадоксы. Сколько иронии в том, что революция, которая началась чисто стихийно в марте 1917 года, революция, поддержанная широким фронтом демократических сил, была попросту перечеркнута одним ловким ударом, который ей нанесла самая жалкая и вместе с тем самая тоталитаристская из оппозиционных сил, вдобавок не игравшая в свержении царизма почти никакой роли. Сколько иронии в том, что коммунизм пришел к власти не на промышленном Западе, а на деревенском Востоке, в той самой России, к которой Маркс и Энгельс питали особую неприязнь и особое недоверие; сколько иронии в том, что идеология, с таким апломбом провозглашавшая экономический детерминизм, оказалась в полнейшей зависимости от фантомных лозунгов и личной воли Ленина, что, одержав верх, революция пожрала своих творцов, что многие из тех, кто первыми, с самого начала поддерживал большевистский переворот в Петрограде, кто дал ему пустить побег — пролетарские лидеры "рабочей оппозиции" и кронштадтские моряки, — стали и первыми, от кого открестился новый режим, когда в 1920—21 годах они потребовали реформ — по сути дела, тех же самых, какие выдвигались ими по наущению большевиков три года тому назад.

Ирония — в том, что одно из самых откровенных издевательств над демократией происходило в то самое время, когда Россия официально приняла по видимости образцовую демократическую конституцию 1936 года; ирония в том, что война против художественного творчества была начата сталинским режимом как раз тогда, когда Россия возглавила модернист-

ские течения в искусстве; что органы подавления, менее всего считавшиеся с народом, должны были получить наименование "народных". Ирония — что СССР смог одержать победу там, где по мнению большинства его ожидал крах, что он сумел нанести поражение немцам и распространиться во вне. Но самая большая ирония, быть может, заключается в том, что советские руководители проиграли именно в той игре, которую, как считали почти все, они должны были выиграть без всяких усилий: в идейном воспитании своей молодежи. Поистине злая ирония в том, что послевоенное поколение россиян, наиболее обеспеченное в материальном отношении среди всех советских поколений и более других обработанное идеологически, то поколение, которому не дано было даже мельком взглянуть на зарубежный мир, в отличие от тех, кто прошел войну, — именно это поколение оказалось наиболее чуждым всему, на чем зиждется официальная доктрина коммунистического общества. Брожение в среде молодежи объявляется "пережитком прошлого", и в этом есть своя ирония — как и в том, что частичные реформы, вместо того, чтобы вызвать благодарность и привести к успокоению, лишь усиливают недовольство.

Эта примечательная ситуация, конечно, не лишена иронического смысла для западного наблюдателя. Вопреки своей риторической, формально афишируемой вере в истину и свободу, стремление к которым будто бы заложено в человеке, люди Запада странным образом отказывались допустить (или если допускали, то с большими оговорками), что когда-нибудь эти идеалы найдут серьезное признание в Советском Союзе. Вера в то, что постепенное смягчение деспотизма будет продолжаться и дальше без изменения самой системы, — вера, характерная для последних лет хрущевской эры, — представляла собой проекцию в будущее определенных тенденций недавнего прошлого. Под этим нередко подразумевалось, что СССР (а возможно, и Соединенные Штаты) в силу естественного хода вещей эволюционируют к некоторому промежуточному состоянию между сталинским тоталитаризмом и западной демократией. Предсказание некоего усредненного завершения может, конечно, и оправдаться — но тогда уж это будет знаменовать совершенно сногшибательную победу аристотелевой золотой середины в обществе, которое никогда не было способно усвоить классические идеалы умеренности и здравомыслия, это будет означать, что разум начисто лишился своего коварства.

История культуры не в состоянии предложить четкий прогноз; однако у нее есть основания настаивать на важности национального наследия и жизненности того брожения, которое ныне происходит. Это брожение не есть некий математический коэффициент в уравнении, которое предстоит решить компьютерам политических астрологов на Востоке или жрецов политологии на Западе. Скорее нынешнее брожение в СССР подобно растительности, которая вдруг сама собой показалась из-под земли на черном выжженном поле. Не поймешь, растет ли она из старых корешков или из

семян, занесенных бог весть откуда. И только время покажет, появится ли здесь существенно новый ландшафт. Но само по себе появление ростков говорит о том, что почва эта не бесплодна; даже если они увянут, листья станут перегноем, из которого взойдут будущие, более крепкие побеги.

Решающим условием этого роста может быть лишь сохранение относительно мягкого международного климата. Тучи, будь они с Востока или с Запада, могут вызвать похолодание. Зато порывы свежего ветра, веяния жизни из сопредельных стран, могли бы пробудить дремлющие ростки культуры, которая всегда отзывалась на оплодотворяющее воздействие извне, а теперь, когда все в мире все больше зависит друг от друга, отзовется еще сильнее. Уже включение в советский блок таких старинных недругов России на ее западных границах, как Польша и Венгрия, не только не заставило умолкнуть все голоса в этих государствах, но по иронии судьбы добавило новую порцию дрожжей в бродильный котел прозападных настроений в Советском Союзе. Нечего и говорить о том, какое значение могли бы иметь для будущего развития этого региона растущие контакты с Западом или возрождение идеологической активности внутри самого западного мира.

Ожидать сейчас, что Советский Союз сам собой проделает эволюцию в сторону демократии, так же нелепо, как нелепо было ждать каких бы то ни было демократических реформ при Сталине. Внутренние силы культуры существуют не ради целей какой-то другой культуры; привычные для нас институты либерально-парламентской демократии многим русским вовсе непонятны. И, однако, Россия вполне способна развить у себя такие формы социальной жизни и искусства, о которых никто сейчас не догадывается ни там, ни у нас, формы, отвечающие несокрушимой воле этого народа к человеческой свободе и духовному обновлению. Если Запад со своей стороны сумеет предложить что-либо существенное в этом смысле, если он сможет это сделать недвусмысленным и в то же время свободным от покровительственных замашек способом, он почти наверняка сыграет ключевую роль в этом процессе. Ибо нигде нет такого интереса к Западу, и особенно к Америке, как среди молодых людей в СССР; никого так не удручает духовная немощь Запада, как эту бессонную молодежь, которая страстно ищет подмоги в своих поисках, в неутолимой жажде положительных идеалов и новых оценок. Было бы двойной иронией, устрашающим парадоксом, если бы идеология американского мещанства обратила кого-то из русских юношей на путь невольного сближения с коммунистическим мировоззрением, ненавидеть которое их учат и русская традиция, и нынешняя советская действительность.

”Человек честного поиска”. Этими словами характеризует персонаж одной современной повести своего знакомого, — формула, которая подошла бы для всего молодого поколения в СССР. Поиск все еще продолжается; надежды не осуществились. Все культурное возрождение подчас выглядит как мимолетный мираж. Но ведь и все в истории остается в конечном

счете незавершенным — и, может быть, стоит напоследок ввести иронический аспект в вопрос о самой действительности.

В романе Алексея Толстого "Хождение по мукам", где дано полуофициальное изображение революции, — книга была закончена в пору наивысшего расцвета сталинизма со всеми его амбициями, — есть одно действующее лицо, поэт-декадент, которому кажется, что великий город Санкт-Петербург, воздвигнутый ценой страданий тысяч людей, — это только сон и вот этот сон внезапно развеялся. То, что фантазмагория, именуемая советским государством, представляется нам наиболее реальным результатом русской истории, возможно, есть всего лишь отражение нашей собственной сугубо материалистической концепции действительности. А между тем русские всегда были народом мечтателей и идеологов, и они, как никакой другой народ, склонны к ироническому восприятию действительности... Сколько иронии в том, что свободу ценят дороже золота те, кто ее лишен, и оскверняют те, у кого ее навалом. Тут снова мы видим давнишнюю иронию творческой культуры, той, что создается мученическим самоотвержением личности, рвущейся вон из себя навстречу безмерным мирам. Подлинное творчество в России сегодня невозможно без добровольного страдания.

Такая роль как будто близка представлению о художнике как о посвященном в некое монашеское служение; и если это служение в самом деле все еще продолжается в Советском Союзе, то не потому ли, что его поддерживает вера — не в церковь, может быть, но в конечное воскресение. "Воскресение" — так назывался последний роман Толстого, такова тема Достоевского и Пастернака. В воскресении, в нем одном находит оправдание конечный иронический смысл, скрытый то ли в комической несообразности Бога в одеянии человека, то ли в трагической несообразности человеческого бунта против Божьей власти. Только в воскресении, в неподвижных и непредставимых "преображениях Бога" можно будет в конце концов извлечь смысл из невероятных воспарений русской мысли, из вновь и вновь повторяющегося глумления над высшими ценностями в русской действительности.

Но никто не может сказать, придет ли это возрождение; и вообще нет уверенности в том, что можно обнаружить какой-то смысл в истории русской культуры, где слова так часто расходились с делами, устремления не соответствовали свершениям и страдания обесценивали даже то, что было достигнуто. Может быть, летописцу этой культуры не останется ничего другого как снабдить инвентарными этикетками великие романы, сияющие иконы, волшебную музыку и сказочную архитектуру — все что удалось спасти в длинном перечне погибшего.

Еще раз повторим: русские стремились присвоить себе плоды иных цивилизаций, минуя промежуточный процесс медленного роста и осознания. Русь приобрела в готовом виде, на корню византийское наследство, не усвоив византийской традиции методичного, последовательного философ-

ствования. Дворянство восприняло язык и стиль французской культуры, но не ее критический дух, и различными способами выражало свое сочувствие крестьянству и всем обездоленным, идеализируя их, но отнюдь не деля с ними ни их работу, ни их веру. Радикальная интеллигенция поклонялась западной науке XIX столетия, лишенная счастья жить в атмосфере свободной мысли, которая только и делает возможным научный прогресс. "Проклятые вопросы" обсуждались не в академиях и уж, конечно, не публично, а в подпольных кружках и на эзоповом языке журналов.

Сталинизм явил собой что-то вроде возмездия. Россия внезапно открыла, что ею правят византийская обрядность без византийского благочестия и лепоты и западный сциентизм без западной свободы научного исследования. Кое-кто поддался искушению видеть в страшном климате чисток полный абсурд, всеобъемлющую бессмыслицу — или какое-то новое и беспрецедентное проявление тоталитарной логики. Но историку культуры ужасы сталинского режима не представляются ни случайным внешним насилием над русским культурным наследством, ни неизбежным порождением этого наследства. Научившись улавливать иронию вещей, он скорее сделает вывод, что очищение (буквальный смысл слова "чистка") совершилось в каком-то более глубоком смысле, чем предполагалось, и что муки невинных приоткрыли возможность для нового созидания.

Сталин, возможно, вылечил русских мыслителей от страсти к отвлеченным умозрениям и от мании строить воздушные замки. Поворот к конкретности и практичности, столь характерный для послесталинского поколения, может способствовать тому, что в России начнет создаваться внешне менее эффектная, но зато более основательная культура. Результаты — новые политические институты или шедевры искусства — могут придти не скоро. Но корни творческой активности в этой стране глубоки, и почва плодородна. Какие бы злаки ни поднялись на ней в будущем, они будут долговечней эфемерных цветов и искусственных насаждений прежних веков. В эпоху неумеренных притязаний коварство разума может потребовать тихого, на вид очень непритязательного возрождения. Но западным наблюдателям следует отказаться от покровительственного тона по отношению к нации, которая породила Толстого и Достоевского и которая приняла так много страданий в совсем еще недавние времена. Азартный зритель, нетерпеливо ожидающий, что вот-вот произойдет освобождение подспудных сокровищ, должен будет убедиться в том, что "не вдруг созреет плод и не спешит трава". Путь нового открытия может оказаться кружным.

Жизнь — из смерти, свобода — из тирании. Ирония, парадокс! Может быть, слишком горький парадокс, чтобы можно было еще надеяться. И приходится уповать на единственную реальность — реальность растения, которое еще не созрело, корабля, которому далеко до берега. Еще не один тайфун, может статься, ждет его впереди... ●

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ...

Заметки о социалистическом реализме

Пятьдесят лет тому назад, в августе 1934 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоялось грандиозное двухнедельное представление, которое называлось Первым Всесоюзным съездом советских писателей. Съезд торжественно объявил об объединении всех писателей, "поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве".

Один за другим поднимались на трибуну представители новой, дотоле невиданной в мире литературы. Писатели, которые взяли на себя роль коллективного Господа Бога и в кратчайшие сроки обещали создать нового человека. Время от времени под бой барабанов врывались в зал заседаний делегации передовых рабочих, колхозников, красноармейцев и пионеров. Они торжественно докладывали о своих небывалых успехах на трудовом фронте и призывали писателей немедленно отразить их подвиги и тем самым создать величайшую литературу, которая по своим достижениям могла бы сравниться с достижениями рабочего класса и трудового крестьянства. (Забегая вперед, скажу, что если опустить все превосходные эпитеты, литература эту историческую задачу полностью выполнила и ее успехи вполне сравнимы с успехами советской промышленности и сельского хозяйства.)

Патока славословий густым потоком лилась на головы лидеров правящей партии во главе с лично вождем всего советского народа, всего мирового пролетариата, всего прогрессивного человечества, лучшим другом советских писателей товарищем Сталиным. Писатели в самых возвышенных и поэтических выражениях славили свое ныне узаконенное положение, задолго до Орвелла объявив рабство высшей степенью творческой свободы.

ШЕКСПИР НА СЛУЖБЕ

Съезд вынес много замечательных решений, одним из которых было, что отныне и навсегда все без исключения писатели в своей работе должны пользоваться методом социалистического реализма.

Что это такое?

Официальная формулировка гласит, что социалистический реализм это правдивое, исторически конкретное изображение жизни в ее революционном развитии.

Были и другие формулировки. Один из партийных организаторов съезда на вопрос, что такое социалистический реализм, ответил примерно так: социалистический реализм — это Шекспир, Рембрандт и Бетховен, поставленные на службу пролетариату.

Некоторое время спустя классик и теоретик соцреализма Фадеев на вопрос, что это такое, ответил: а черт его знает! И уже, вероятно, в наши дни появилась неофициальная, но вполне исчерпывающая формулировка: социалистический реализм — это воспевание вышестоящего начальства в доступной ему форме.

Председательствовал на съезде основоположник нового реализма Алексей Максимович Горький. Великий пролетарский писатель ронял слезы умиления, видя, как под одной крышей мирно собрались и не грызут друг друга пролетарские писатели, попутчики, представители малых наций, народные акыны, которые, еще не овладев грамотой, уже научились уверенно ставить отпечатки большого пальца в гонорарных ведомостях.

На сцене Колонного зала Горький доигрывал свою последнюю роль. История больше в нем не нуждалась. Ну и в самом деле, все что мог, он уже совершил. Образец для подражания следующим поколениям соцреалистов — роман "Мать" — уже написал. И свою знаменитую фразу: "Если враг не сдается — его уничтожат" уже пустил в обращение. Что с него еще взять? Как живой организм, который может разезжать по каналам, колхозам, колониям малолетних преступников, произносить речи, умиляться и ронять старческие слезы, он был больше не нужен. Нужно было его имя на вывеске. Улицы Горького, колхозы, заводы, театры, пароходы имени Горького. Ну и город Горький, в котором сегодня (и это знаменательно) уничтожается все еще не сдавшийся враг — Андрей Сахаров.

Съезд закончил свою работу, делегаты с гостинцами для родственников разъехались по своим городам и аулам, и началась будничная, кропотливая работа по уничтожению литературы и ее создателей.

Говоря о писателях — жертвах советского режима, мы обычно перечисляем одни и те же имена: Бабель, Мандельштам, Булгаков, Платонов, Зощенко, Цветаева, Ахматова, Пастернак...

Одни поминают эти имена с горечью, другие с гордостью. Вот, мол, всегда настоящая русская литература жила, существовала, развивалась несмотря ни на что. На самом деле не несмотря ни на что, а благодаря партии и лично товарищу Сталину. Потому что товарищ Сталин мог это развитие прекратить в один день и сразу со всеми вышепоименованными писателями покончить. Но он терпел и проявлял индивидуальный подход и даже известную деликатность. Даже Мандельштама, который написал, что его толстые пальцы, как черви, жирны, он на полную гибель не сразу отправил. Он дал ему еще возможность в ссылке пожить, написать еще кое-что дал возможность. Он дал возможность Мандельштаму исправиться. Но он и вышепоименованные не исправлялись. Советскую власть до конца не полюбили. Нет, они, конечно, против нее не выступали, они соглашались считаться социалистическими реалистами. В трудные для себя времена они даже пытались сочинить что-нибудь панегирическое о Ленине и Сталине. Но справедливости ради надо сказать, что делали они это неохотно, неумело, не от души. Не было в их сочинениях о Сталине такого неподдельного восторга, как, например, позднее у Исаковского: "Оно пришло, не ожидая зова, пришло само и не сдержат его... Позвольте ж мне сказать Вам это слово, простое слово сердца моего." Как бы высоко ни ценил я перечисленных мною писателей, но лстыя Сталину, такой проникновенности никто из них достичь не мог. На самом деле, сердцем они новой власти не приняли, от политики партии и правительства в области литературы и искусства воротили нос, а сами еще

что-то писали в стол или старались удержать написанное в памяти и, не сдаваясь до конца, делали вид, что сдались. Поэтому их травили, не печатали, морили голодом, сажали и доводили кого до сумасшествия, кого до самоубийства. Если враг не сдается — его уничтожают.

А если сдается?

На этот риторический вопрос однозначно ответить нельзя. Сначала нужно определить, что считать сдачей.

Маяковский начал сдаваться задолго до самоубийства, когда начал наступать "на горло собственной песне". Горький, приняв советскую власть, еще не понял, что надо полностью, а не частично принять и новые правила поведения. Он все еще вмешивался не в свои дела: защищал чьи-то книги, кого-то вызволял из тюрьмы, кому-то выхлопывал квартиру, лекарства или дрова и даже что-то еще писал. То есть сдался процентов на девяносто девять, а один процент своей души пытался от партии утаить и потому оказался достоин уничтожения. Говорят, после его смерти у него были найдены некие записи, прочтя которые, то ли Сталин, то ли кто-то еще сказал: "Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит". На самом деле этот волк в лес уже не смотрел, а так, косился немного.

Я думаю, что некоторые цели советская власть не сразу зловеще вынашивала, а приходила к ним инстинктивно. И то, что литература в целом и всякий существующий в ней отдельный талант являются ее врагами, власть осознала не сразу, а в результате длинной серии проб и ошибок. Ну, например, в самом начале некоторые писатели (Бунин, Куприн, Мережковский, Аверченко) новой власти не приняли, плевались, проклинали, эти, ясно, — враги. Колебавшихся она стремилась привлечь на свою сторону. Тех, которые приняли ее, но, не избавившись от пережитков прошлого, соразмеряли описываемое с реальной действительностью, она надеялась перевоспитать. Но были писатели, которые сразу без колебаний стали на сторону власти, честно и самоотверженно пытались приспособить свои книги к вновь выдвинутым требованиям. Оказалось, что и такой писатель, пока в нем остается сколько-нибудь таланта, — тоже враг, достойный уничтожения. Причем вовсе не обязательно уничтожить самого человека, достаточно уничтожить заложенный в нем талант.

Всякое художественное дарование оказалось врагом советской власти. Некоторые дальновидные писатели это поняли сразу. Одни просто замолчали, другие ударились в пьянство, Катаев, по-моему, сознательно тридцать лет притворялся бездарным. Но некоторые настолько хорошо притворились, что стали бездарными навсегда.

ЖИВЫЕ ТРУПЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Накануне 1967 года главный редактор "Нового мира" Александр Твардовский дал интервью "Литературной газете". Перечислив имена авторов, сочинения которых журнал намерен опубликовать в текущем году, Твардовский выразил особое удовольствие, что один из старейших советских писателей, крупный мастер прозы Константин Федин согласился дать журналу новые главы из своего романа "Костер".

За несколько дней до выхода номера с произведением выдающегося мастера в отдел прозы "Нового мира" пришел сотрудник "Недели" (приложение к газете "Известия")

и попросил порекомендовать ему для его еженедельника какой-нибудь отрывок из "Костра". Сотрудники отдела прозы переглянулись и затем смущенно признались, что романа они не читали и поэтому никакого отрывка порекомендовать не могут. Сотрудник "Недели" пошел на второй этаж, где располагались в отдельных кабинетах члены редколлегии и главный редактор. Выяснилось, что никто из них тоже не читал печатаемого ими романа. Роман читали только корректоры, в обязанности которых входит исправлять грамматические ошибки. Но даже и они содержания романа не помнили, а одна из корректорш сказала гостю, что он может взять отрывок любой, потому что весь роман одинаково бессмыслен и скучен.

Само собой разумеется, что как только новые главы были опубликованы, чуть ли не все центральные газеты и журналы разразились огромными статьями ведущих критиков о новом большом событии, происшедшем в советской литературе.

А ведь Федин, в отличие от некоторых своих коллег, не был изначально бездарным. Когда-то в двадцатых годах его романы "Города и годы", "Братья" были популярны. Их читали, о них спорили, кто-то их отвергал, кто-то превозносил, но они так или иначе возбуждали читательский интерес. Но вот однажды он, может быть, после долгих колебаний решил стать образцовым советским писателем. Начал сочинять книги в соответствии с установленными литературными рецептами. И чем толще были эти книги, чем скучнее, чем большим убожеством отличалось их содержание, тем хвалебнее были рецензии, тем выше были правительственные награды.

К концу своей жизни Федин был академиком, председателем Союза писателей СССР, депутатом Верховного Совета СССР, лауреатом всех высших литературных премий, Героем Социалистического труда. Все эти награды он получил, лишь многократно доказав, что как писатель он полностью кончился и из-под его пера никогда не выйдет ни одной живой строчки. "Федин похож на чучело орла", — сказал о нем однажды Маршак.

У советской литературы есть свои классики не только мертвые, но и живые, или точнее сказать, как бы живые. То есть они существуют, они участвуют в бесчисленных торжественных заседаниях, они произносят длинные и скучные речи, время от времени они издают книги, толстые, как кирпичи. Книги этих авторов уже никто не читает. Даже редакторы, даже цензоры. Все заранее знают, что эта книга не будет иметь никакого существенного содержания, что она будет изготовлена в точном соответствии с существующими рецептами, что в ней не будет ни одного живого слова, ни одной свежей мысли. Именно поэтому она будет напечатана немедленно без каких бы то ни было задержек, советская критика встретит ее потоком панегириков, а советское правительство отметит ее появление высокой наградой. Среди авторов этой категории есть бездарные от рождения, а есть и такие, которые когда-то подавали надежды. К этим вторым правительство даже больше благоволит, чем к первым, и щедро им платит за то, что они добровольно удушили в себе то многое или немногое, чем их наделила природа.

Деградацией личности и таланта платили за благодеяния советской власти все признанные ею корифеи, включая Алексея Толстого, Фадеева, Шолохова.

Падение последнего вообще катастрофично, если поверить, что он является истинным автором "Тихого Дона".

Сначала ошеломительный взлет: в двадцать три года — первый том эпопеи, в двадцать четыре — второй. Когда он закончил последний том, ему было только тридцать

пять лет. По существу еще молодой писатель. Некоторые в этом возрасте только начинают. А он, оказывается, уже закончил свое развитие и дальше пошло неуклонное скольжение вниз. Неуклюжее сооружение — "Поднятая целина", посредственный рассказ "Судьба человека", а потом уже что-то и вовсе беспомощное. Даже в советской литературе найти сочинение, равное по бездарности роману "Они сражались за Родину", не так-то просто.

Чем больше он спивался, чем бездарнее писал, тем неумнее становились официальные почести и восхваления. Только в последние годы, когда он уже вообще ничего не писал, его дважды наградили званием Героя Социалистического Труда.

Талант Шолохова уничтожался многие годы, настойчиво и планомерно. В конце концов он задолго до своей физической смерти умер духовно, превратился в спившееся, растрепанное, злобное и глупое существо.

Если враг не сдастся — его уничтожат. Если сдастся — его уничтожат тем более.

ЦЕНзуРА И РЕЦЕПТУРА

Что в Советском Союзе цензура весьма свирепа, известно всем. Она беспощадно вычеркивает из книг художественных и документальных упоминания о фактах или событиях, игравших иногда очень важную роль в советской истории. В длиннейший список запрещенных имен внесены вожди Октябрьской революции, гражданской войны, советского государства, писатели, художники, артисты, философы, диссиденты. Но кроме всех запретов, постоянных и временных, существуют хорошо разработанные рецепты, придерживаясь которых писатель всегда может рассчитывать на благосклонность начальства и официальный успех.

Идеальное произведение социалистического реализма должно подводить читателя к мысли, что советская власть лучше всех.

В центре книги должен быть положительный герой. В прежние времена это был революционный фанатик, как Павлик Корчагин, а сегодня — законченный идиот вроде всем известных бесчисленных секретарей обкомов или сознательных рабочих, утверждающих, что настоящий революционер это тот, кто перевыполняет производственные задания и слушается начальства. Положительный герой — это хорошо сложенный человек нордической расы (русые волосы, голубые глаза, простая русская фамилия, простое имя). Он всегда готов пожертвовать собой ради спасения родины, знамени, социалистического имущества, ради выплавки стали или сбора урожая. Он много работает, много курит и мало спит. Его отношения с женщинами загадочны. Читает он только Маркса, Ленина и ныне живущего генерального секретаря. Он всегда уверен в правоте своего дела, говорит негромко, но уверенно, руку жмет крепко, смотрит прямо в глаза. В редкие свободные минуты любимое развлечение: рыбалка.

Положительному герою противостоит отрицательный. Он обычно хилый интеллигент и если даже не прямой вредитель, то родину спасать не хочет, знамя спасать не хочет, от выполнения планов уклоняется. Руки у него потные, глаза бегают, изо рта пахнет гнилыми зубами. На рыбалку не ходит, вместо этого читает заумные стихи. Фамилия у него обычно смахивает на польскую, хотя совершенно ясно, что он — еврей. Само собой, он настроен антипатриотически, падок на все иностранное (виски, джинсы, джаз). Отрицательно изображаются иностранцы и верующие. (Я читал один антирелигиозный роман, в котором изображалась жизнь секты скопцов. Автор настолько увлек-

ся очернением своих персонажей, что изобразил главу секты очень активным и успешным соблазнителем женщин.)

В образцовом произведении социалистического реализма должны быть обязательно так называемые "приметы нового". Скажем, если положительный герой объясняется в любви положительной героине, она в самый патетический момент прерывает его таким, например, возгласом: "Ой, спутник летит!"

Образцовый советский писатель должен проявлять особую чуткость в национальном вопросе. Если в произведении действуют русский и таджик, таджик должен быть обязательно хорошим, но русский должен быть чуть-чуть лучше.

Все эти рецепты примитивны и выглядят так же идиотично, как выглядело бы, скажем, требование строить космическую ракету в виде серпа или молота.

ПРАВДА ФАКТА И ПРАВДА ЭПОХИ

"Пишите правду", — сказал как-то Сталин советским писателям. Неужели правду?..

А что такое правда? — спрашивает образцовый советский критик. И объясняет: нам нужна не всякая правда, а только та, которая нам нужна. Есть правда факта, и есть правда эпохи. Сталинские лагеря, разорение крестьян, скудная жизнь рабочих, коммунальные квартиры, очереди, повальное пьянство, презрение людей к официальной идеологии, все это — правда факта. Цветущие колхозы, рабочие, которые думают только о перевыполнении планов, массовый трудовой героизм, баснословно растущее благосостояние, беззаветная преданность народа идеям коммунизма, это — правда эпохи.

Опять-таки вроде по Орвеллу, но на самом деле задолго до Орвелла утверждено: правда — это ложь, а ложь — это правда.

Считается, что литература должна служить народу. А как служить?

Это определяет партия. Точнее, ее верховные руководители. Сами они книг, как правило, не читали и не читают. На родном языке изъясняются косноязычно. Иноязычные слова вроде социалистический, коммунистический, империалистический, повторяя в течение всей своей затянувшейся жизни изо дня в день, не могут правильно выговорить не вспотев. Они искренне не понимают, для чего нужна литература и зачем тратить на нее государственные деньги. Они и того не понимают, что на литературу и денег тратить не нужно, что книга не только духовная (им непонятная) ценность, но и товар, который можно купить—продать иногда даже выгоднее, чем мешок картошки. Поэтому в конце концов они приходят к естественной для них мысли, что литература нужна для восхваления. А кого восхвалять? Ну конечно же, в первую очередь их самих. Они говорят писателю иногда более, иногда менее завуалированно: восхваляй нас и ты получишь все. Если писатель уклоняется от восхваления, они его просто не понимают, они искренне думают, что он или дурак или сумасшедший.

Некоторые люди попроще думают так же. Один мой родственник, узнав о моих невзгодах, специально приехал из провинции ко мне, чтобы научить меня, как выйти из положения. "Пиши про Брежнева", — сказал он, считая, что я как человек не от мира сего сам додуматься до этой нехитрой мысли не мог.

Впрочем, среди партийных начальников есть и такие, которые готовы допустить, что литература нужна не только для восхваления, но для чего-то еще. "Литература, — говорят они, — должна способствовать нашему движению вперед". Ну, например, способствовать выполнению производственных заданий по выплавке чугуна, производству

автомобилей или уборке урожая. Подобно герою твеновского "Янки при дворе короля Артура", они хотели бы использовать писателя, привязав к его пишущей руке хотя бы маленькую динамо-машину для производства электроэнергии.

В свое время у меня был один знакомый секретарь сельского райкома КПСС. Он меня очень уважал и интересовался тем, что я пишу. Однажды я дал ему почитать свою повесть, которая кончалась тем, что герой сгорел в избе, случайно подожженной сумасшедшей старухой. Секретарю повесть понравилась. Он даже сказал мне, что читая повесть, он плакал. Но ему захотелось тут же ее улучшить и приспособить к текущим нуждам. Он сказал мне примерно так: "Ты знаешь, повесть хорошая. Но зачем эта сумасшедшая старуха? Она никому не нужна. А вот к нам в колхозы приходят калориферы. С дефектами. И из-за них на полевых станах бывают пожары". Искренне желая мне помочь, он предложил мне переделать конец повести, чтобы пожар случился из-за дефектного калорифера. Дал адрес калориферного завода и назвал фамилию директора, чтобы я указал ее в своей повести. И очень огорчился, когда я отверг его предложение. Этот секретарь райкома занимался сельским хозяйством. Его советы были от чистого сердца и практических последствий для меня не имели. Но его вполне могли перебросить с сельского хозяйства на литературу, и тогда разговор был бы другим.

Впрочем, и переброшенным быть не обязательно. Вмешиваться в литературу, поправлять писателей, исправлять или даже запрещать ими сочиненное могут все, кому ни лень, независимо от уровня их компетенции. Например, одна моя пьеса была запрещена потому, что не понравилась председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному, который обычно всем видам интеллектуальных развлечений предпочитал домино. Редактор молодежной газеты получил выговор, напечатав мое стихотворение, которое не понравилось министру обороны СССР маршалу Малиновскому. В песне на мои слова одна строчка была исправлена по указанию космонавта Поповича. После разносной статьи одного маляра в газете "Известия" из моей книги был выброшен лучший рассказ.

ЛИТЕРАТУРА ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ПОБОЧНАЯ

Среди специалистов, изучающих русскую литературу советского периода, есть такие, которые достижения этой литературы оценивают весьма благосклонно. Они указывают, что даже в самые тяжелые времена литература не прекращала своего существования, в ней жили и работали... дальше идет уже приведенный мною список: Булгаков, Платонов, Зощенко, Пастернак... Это, конечно, так. Но нельзя забывать следующее: среди писателей, состоявших в Союзе писателей и издававшихся в советских издательствах, всегда существовало две категории, которые были так же похожи друг на друга, как волк на овцу.

Первую категорию можно назвать государственной. Это писатели, которые прочно завоевали доверие советской власти, занимают или высшие должности в Союзе писателей или являются главными редакторами толстых журналов. Кроме того они бывают депутатами Верховного Совета СССР или РСФСР, членами или кандидатами в члены ЦК КПСС. Сочиняемое им рассматривается как дело государственной важности. Никакой редактор не может отвергнуть их рукописи по собственному усмотрению. Если ему в рукописи что-то не нравится, он может поговорить с автором или обратиться в ЦК, а там уже решат окончательно, как быть. После выхода книги государственного писателя, никакой критик, никакая газета не имеет права отзываться о ней негативно, если

только на это не последует специальной команды сверху. Если все же оказывалось, что государственный писатель совершил ошибку, его поправляли только на уровне ЦК или сам Сталин. Ошибка могла быть только одна: государственный писатель недостаточно отразил роль партии. Такие ошибки в свое время совершили Фадеев в "Молодой гвардии" и Шолохов в "Тихом Доне". Партия их поправила, они свои труды переработали (Шолохов многократно), после чего книги их были приняты и навечно зачислены в список классических.

Теперь государственные писатели уже полностью созрели, подобных ошибок не совершают, роль партии отражают сверх всякой меры, и Центральному комитету больше нет нужды не только поправлять, но даже читать их.

Вторая категория — это писатели побочные, идущие не по столбовой дорожке советской литературы, а где-то в стороне от нее. И пишут они обычно не о передовиках производства, не о тружениках полей, не о секретарях обкомов-райкомов, а о каких-то чертях, заключенных, самоубийцах, пьяницах и жителях коммунальных квартир, которые бьют друг друга сковородкой по голове.

С побочным писателем можно обращаться как угодно. Его можно печатать, можно не печатать, можно хвалить, можно ругать, можно и вовсе не замечать, пока кто-нибудь не обратит внимание, что побочный писатель приобрел непредусмотренную популярность у читателей, которым почему-то все эти черти, пьяницы и самоубийцы нравятся больше, чем секретари обкомов и передовики производства.

К литературе, которую я называю побочной, относятся самые лучшие писатели советского периода. Среди них нет ни одного, который бы прожил свою жизнь благополучно. Их убивали, сажали, травили, поливали помоями, обещали им место на свалке истории, от официальной советской литературы их отлучали. Поэтому они к ней не принадлежат.

Через некоторое время после смерти их иногда печатают, но неохотно. Почитают все же не их. В Советском Союзе есть улицы имени Павленко, есть дом творчества имени Серафимовича, дом литераторов имени Фадеева, библиотека имени Федина, музей Николая Островского и город Горький.

Но никакие библиотеки, музеи, улицы и теплоходы не названы именами Булгакова, Платонова, Зощенко, Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой и Пастернака.

И правильно. Я бы лично очень не хотел, чтобы эти два ряда имен смешивались.

Истинной советской литературой является то, что советским государством всегда поощрялось, признавалось и награждалось, что было создано в полном соответствии с научно разработанным методом социалистического реализма. В оценке достижений этой литературы я полностью согласен с самыми ортодоксальными советскими критиками и на вершину ее охотно ставлю "Мать" Горького и поэму Маяковского "Владимир Ильич Ленин". Без сожаления отдаю "Разгром" Фадеева и "Чапаева" Фурманова. Парализованный Николай Островский сам втащил на эту вершину свой роман "Как закалялась сталь". "Тихий Дон" в литературу социалистического реализма не вписывается, он для нее слишком человечен и даже после многократного уродования не отвечает ее основным требованиям. (Дикий казак Мелехов, который успешно рубает шашкой большевиков, вряд ли может считаться образцовым положительным героем советской литературы.) А вот "Поднятая целина" или "Они сражались за Родину" вписываются в литературу соцреализма очень естественно. С удовольствием уступаю этой литературе "Железный поток" Серафимовича, "Цемент" Гладкова, "Бруски" Панфе-

рова, "Костер" Федина, все романы Кочетова, Маркова, Сартакова, Бондарева, Стаднюка, Закруткина и еще тысячи книг-кирпичей, которые по отдельности можно подкладывать под шкафы, а из всех вместе можно воздвигнуть гигантский памятник этой мертворожденной литературе.

Из книг, написанных побочными писателями, монумент не возведешь. Их, может быть, даже не хватит, чтобы заполнить одну книжную полку. Но они пережили своих создателей и уничтожителей. Эти книги нельзя ни расстрелять, ни утопить в помоях клеветы, ни упразднить постановлениями верховной власти, ни удушить замалчиванием. Горький был не прав. Если враг сдастся, его уничтожают. Если он не сдастся, его уничтожить нельзя.

ДЕТИ ОТТЕПЕЛИ

Период советской истории, называемый оттепелью, достоин более подробного рассмотрения, но я коснусь его мимоходом. Некоторые люди утверждают, что вообще никакой оттепели не было. Другие относятся к ней более благосклонно. Я пойду еще дальше, сказав, что оттепель вообще была поворотным пунктом в истории советского государства. Какими бы робкими и непоследовательными ни были хрущевские разоблачения Сталина, они, независимо от истинных намерений Хрущева, подорвали идеологическую основу государства — последствий этого государство еще не изжило и не изживет никогда. Когда оно рухнет или в корне изменится (а если не окажется способным измениться, то непременно рухнет), историки неизбежно вернуться к оттепели как к источнику, с которого все началось.

Оттепель есть оттепель. Это еще не весна. Но лед тает, превращается в еще холодную воду, а в воде возрождается какая-то жизнь.

Во время оттепели кое-что оттаяло в Советском Союзе, и в первую очередь это сказалось на литературе. Она стала оживать. В ней ожили старые организмы и появились новые. В литературу стали просачиваться писатели, существование которых еще недавно было немыслимо. В конце концов составила довольно большая группа, которую нынешний надзиратель при литературе Феликс Кузнецов назвал четвертым поколением. Принадлежа к этому поколению, я могу сказать, что все мы, независимо от наших взглядов, вкусов и способностей, были вроде как новые попутчики. Советскую власть формально признавали. Формально признавали и социалистический реализм. Но практически всю литературу, созданную с помощью этого метода, отрицали, к старшим своим коллегам относились с презрением, учились кто у Бунина, кто у Чехова, кто у Хемингуэя или Сэлинджера, но ни в коем случае ни у Федина, ни у Гладкова. Этот процесс расширялся и вовлек в себя писателей старших поколений, которые, отмерзнув, ожили и тоже побежали вдогонку за молодыми. Родилась и как-то существовала, лезла во все дырки литература, которую по установленным ранее признакам можно было бы смело назвать если не антисоветской, то очернительской. Власти время от времени спохватывались, затыкали одни дырки, но открывались другие. Процесс завершился приходом в литературу Солженицына, который уже даже и не выдавал себя за попутчика. Повесть "Один день Ивана Денисовича", в которой не было совсем ничего советского, была не только напечатана, но и выдвинута на Ленинскую премию.

Власти очень скоро спохватились, но было уже поздно: джинн вылез из бутылки. (Не будь оттепели, учитель на пенсии Солженицын в лучшем случае жил бы сейчас в

Рязани, тайком переписывая свои "узлы" или "крохотки".)

Короче говоря, в результате "оттепели" родилась литература, с которой власти борются до сих пор.

Сегодняшние сколько-нибудь заметные писатели — "деревенщики", "горожане" и эмигранты — это все дети оттепели.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА НОВОМ ЭТАПЕ

В процессе уничтожения литературы советская власть совершила много ошибок. Желая затмить Шекспира, она брала талантливого писателя и ломала его. Сломленного духовно производила в государственные писатели, несломленного сживала со света физически. Вся эта большая и напряженная работа оказалась совсем бессмысленной. Выяснилось, что книги физически уничтожавшихся писателей живут, а книги уничтожителей превращаются в макулатуру. Писатель, сломленный духовно, бездарел на глазах и начинал писать на уровне, доступном самому заурядному партийному номенклатурщику. Так зачем же тратить столько усилий на превращение писателя в номенклатурщика, если гораздо проще номенклатурщика произвести в писатели? Если номенклатурщик может руководить литературой, то почему бы ему ее не производить?

Литература всегда обновляется. На смену старым поколениям приходят новые. Когда-то по полуофициальной советской хронологии поколения считались приблизительно так: первое — послереволюционное, второе — предвоенное, третье — послевоенное, четвертое — оттепельное, послесталинское. Пятое поколение в советской литературе не появилось до сих пор. Вместо него на литературную сцену вышла новая порода писателей.

В самом конце шестидесятых годов я был не только членом Союза писателей, но и членом бюро объединения прозы. Однажды шло очередное заседание бюро. Сначала обсуждались какие-то второстепенные вопросы, потом дошли до приема новых членов.

Как раз в это время в комнату вошли два секретаря Московского отделения Союза писателей Лазарь Карелин и Виктор Ильин, бывший генерал КГБ.

— Товарищи, — объявил Карелин, — у нас сегодня радостный день. К нам поступило заявление от Николая Трофимовича Сизова о приеме его в члены Союза писателей. Товарищ Сизов — крупный государственный деятель и большой писатель...

Литературная карьера товарища Сизова началась почти на моих глазах. Когда-то я работал на радио, где Сизов был моим прямым начальником. Должность его называлась начальник главка политвещания Всесоюзного радио. Поскольку он был номенклатурным работником, партия его кидала, куда хотела. В один прекрасный день он вдруг был переведен из радиокomiteта на должность начальника московской милиции и получил звание генерал-майора. Потом стал заместителем председателя Моссовета. Потом генеральным директором киностудии "Мосфильм", где работает, кажется, и сейчас.

Когда он был начальником милиции, к нему обратился главный редактор журнала "Октябрь", классик советской литературы Кочетов с просьбой прописать кого-то из его родственников в Москве. Начальник милиции не отказал. А главный редактор "Октября" напечатал роман начальника милиции. Потом пошли в печать другие романы, повести и рассказы. Героем одного из романов Сизова был секретарь обкома с деталями биографии Хрущева. Так родился еще один советский писатель. Справедливости ради надо сказать, что Сизов пишет не хуже того же Карелина и не хуже большинства

секретарей Союза писателей, потому что хуже некуда.

При Сталине партийные чиновники, приставленные к Союзу писателей, оставались партийными чиновниками и называть писателями себя опасались. Сталину, который, между прочим, запретил печатать свои собственные юношеские стихи, это могло не понравиться. В хрущевские либеральные времена чиновники стали просачиваться в литературу, а при Брежневе повалили в нее валом. Сейчас в советской литературе коррупция процветает не хуже, чем в торговой системе.

Быть писателем почетно: сразу попадаешь в одну компанию с Пушкиным и Толстым. Быть писателем выгодно, потому что толщина книг, тиражи, а соответственно и гонорары зависят не от качества и не от читательского спроса, а исключительно от места в советской иерархии. Быть писателем безопасно, потому что взятки здесь дают не из руки в руку, а из кассы в кассу. Ты меня напечатал, я тебя напечатал, оба пошли и получили гонорар самым законным образом. Гонорары, между прочим, в отличие от зарплат не ограничены. Коррупция развивается и совершенствуется. Раньше один главный редактор печатал другого главного редактора. А теперь еще приходится печатать тех, от кого зависят другие жизненные блага. И пошли в литературу милиционеры, кагебешники, директора магазинов и финских бань, начальники жилуправлений и председатели дачных кооперативов. И все с солидными рекомендациями. Генерала Сизова рекомендовал Леонид Леонов. Генерала КГБ Иванько — Виктор Шкловский. Восторженное предисловие к книге покойного генерала армии от КГБ Цвигуна писал Вадим Кожевников. (Тут еще одна тема возникает попутная: растление литературы дошло до того, что совершенно стерлись всякие грани между профессиональным писателем и пришедшим по блату. Кагебешник Цвигун на самом деле писал не хуже "профессионала" Кожевникова, а Кожевников пишет не лучше директора магазина.)

А уж когда маршал Брежнев начал издавать свою трехтомную мифологию, все советские классики, секретари Союза писателей, герои социалистического труда и лауреаты в один голос устно и печатно объявили книги маршала неподражаемыми шедеврами, сравнимыми лишь с лучшими (а не любимыми) страницами "Войны и мира".

ЧЕМ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЕЙ МОЛЧАНЬЕ...

Советская литература приблизилась к идеалу, к которому она с самого своего зарождения инстинктивно стремилась. Разработаны и доведены до абсурда писанные и неписанные правила поведения для писателей и правила, по которым сочиняются книги. Все регламентировано. Существует иерархия положительных героев. Формально главным положительным героем советской литературы является, конечно, Ленин. Ежегодно сотни советских писателей пополняют так называемую Лениниану написанными на языках всех народов СССР романами, рассказами, поэмами, пьесами, киносценариями о самом Ленине и его ближайших родственниках. (Само собой разумеется, в большинстве этих сочинений вождь мирового пролетариата выглядит, как и полагается идеальному герою соцреализма, человеком довольно придурковатым.)

Фактически же главным положительным героем советской литературы является не Ленин, а здравствующий ныне вождь. При Сталине это был Сталин, при Хрущеве — Хрущев, при Брежневе — Брежнев. Андропов правил слишком мало и поэтому главным героем в литературе стать не успел. Черненко тоже вряд ли успеет. Но я не удивлюсь, если уже сегодня в советской литературе появится новый секретарь обкома, который начинал свою карьеру с должности политрука в пограничных войсках, а потом

был боевым вожаком красноярских коммунистов. Секретарь обкома — это третий по рангу положительный герой, ясно узнаваемым прототипом которого является Генеральный секретарь ЦК КПСС, культ личности которого еще окончательно не созрел.

Само собой разумеется, не только герои, но и писатели строго расставлены по ранжиру. Секретарь Союза писателей СССР считается писателем лучшим, чем секретарь Союза писателей РСФСР, а тот в свою очередь ценится выше секретаря областной или городской писательской организации. В строгом соответствии с должностью распределяются эпитеты: выдающийся, известный, видный. Чем выше должность, тем обильнее юбилейные славословия и пышнее похороны. (Кстати, и места на кладбище тоже — по чину.) Высшие писатели примыкают к партийной номенклатуре. Продукты получают из партийных распределителей, отдыхают в цеховских санаториях, лечатся в кремлевских больницах. Тиражи книг — огромные, гонорары — фантастические. Критиковать этих небожителей категорически запрещено.

Живая литература была врагом нового строя, теперь этот враг повержен, растоптан и почти уничтожен.

От той литературы, которую я называю побочной (последнего поколения) в России тоже уже почти ничего не осталось. Одни эмигрировали, другие (Шукшин, Казаков, Трифонов) умерли. Всех сколько-нибудь серьезных писателей, существующих еще (побочно) в официальной литературе можно пересчитать по пальцам. Но все они, как я уже сказал, — дети оттепели. Самым младшим из них — под пятьдесят. У большинства из них их главные книги уже позади. Будущее литературы принадлежит литературной молодежи. А где она? В пределах официальной литературы ее не видно. Молодые писатели, как правило, не заведуют ни банями, ни магазинами, взять с них нечего, кто же их будет печатать и для чего?

В одном американском университете меня как-то спросили, а что, собственно, нужно молодому писателю, кроме бумаги и карандаша? Я ответил тогда и сейчас повторяю: еще ему нужны издатель и читатель. Для того, чтобы развиваться, нужно печататься, получать читательские отклики, поддержку, одобрение и критику старших писателей. Без всего этого молодой писатель, как правило, теряет ощущение, что кому-то его работа нужна, глохнет, задыхается, озлобляется и может никогда не состояться.

Я говорю в основном о прозе, потому что поэзия более неприхотлива, легче распространяется (стихотворение легко переписать или запомнить) и живет в самых трудных условиях. А с прозой плохо. И уж во всяком случае в пределах официальной советской литературы, при существующих в ней сегодня порядках, я никаких новых открытий и достижений в этом жанре не жду.

Такой славный путь проделала советская литература за годы своего существования. И не моя вина, что юбилейная статья получилась не очень веселой. И все-таки, исходя не из жанра и даже не из природного оптимизма, я и сегодня верю, что до конца литературу уничтожить нельзя. В периоды вынужденного молчания питающая литература энергия накапливается. Когда спадет или хотя бы ослабнет гнет (а это когда-нибудь да случится), накопленная энергия вырвется наружу и родится новая, большая, а может быть, даже и великая литература.

Как сказал Николай Ушаков:

Я приучился слов звучанье
Хранить в подвалах и беречь.
Чем продолжительней молчанье,
Тем удивительнее речь.

ВЫЗВОЛЯЯ СЕБЯ ИЗ ПРОШЛОГО

Памяти Карла Проффера

Под Новый 1970-й год мы привезли Надежде Яковлевне Мандельштам только что изданную книгу ее воспоминаний.

— Ну что, теперь-то меня арестуют?

— Что вы, Наденька. Вы же знаете, сколько людей уже опубликовали за границей свои книги, и авторы на свободе.

Она боялась ареста всю жизнь. С полным основанием. Ее арестовали одиннадцать лет спустя, 30 декабря 1981 года, посмертно. Увезли тело и опечатали квартиру.

До первой встречи мы со Львом Копелевым знали о Надежде Яковлевне одно: вдова сохранила стихи Мандельштама.

Познакомились мы в декабре 1961 года в Тарусе, на даче переводчицы Е.Гольшевой и сценариста Н.Оттена, у них она, бездомная, тогда и жила. Только что вышел сборник "Тарусские страницы" под редакцией К.Паустовского и Н.Оттена. Уже ходили слухи о повести "З/к Щ-854", имя Солженицына еще не было известным. Некоторые люди, близкие Надежде Яковлевне, прочли повесть.

Вести, которые мы тогда привезли в Тарусу, были в том же русле: на собрании в Союзе писателей был разоблачен Яков Эльсберг, доктор наук, автор литературоведческих книг о Герцене и Щедрина, оказавшийся многолетним провокатором и доносчиком. Он, в частности, был повинен в арестах Левидова, Макашина, Пинского, Штейнберга. Левидов погиб в тюрьме, Штейнберг умер выйдя на волю. Макашин и Пинский вернулись и работали.

Мы оба верили, что в стране наступают перемены, доказательством служило и появление правдивых книг, прежде невозможное, и гласное разоблачение доносчика. Запись собрания я прочитала хозяевам дома и Надежде Мандельштам. Она слушала с живым интересом, но ее реплики были язвительно-недоверчивыми. К сожалению, права оказалась она. Секция критики исключила Эльсберга, но президиум СП РСФСР это исключение не утвердил.

На даче было много интереснейших книг и рукописей. Я нашла "Позднюю любовь" Заболоцкого. Надежда Яковлевна настойчиво звала нас к себе в комнату читать Мандельштама. Я осталась с Заболоцким. И потому, что, начав, не могла оторваться, и потому, что не хотела подчиняться приказу. Хотела прийти сама. Мой путь к Мандельштаму оказался долгим.

Этого отказа Надежда Яковлевна мне долго не прощала.

Там же, где был разложен полный свод Мандельштама, в ящичке стола хранилась рукопись ее мемуаров. В тарусском укрытии она вспоминала, объясняла, судила.

Вслед за Фридой Вигдоровой мы включились в хлопоты о прописке Надежды Мандельштам в Москве. Я пошла к Долматовскому, он с радостью согласился отнести прошение в Моссовет. Это было время, когда многие менялись, хотели измениться или делали вид, что изменились.

В начале 1964 года Надежда Яковлевна дала нам рукопись первой книги. Книга меня ошеломила. И страшной судьбой поэта. И рассказом о своей жизни. И тем, как написано о самом процессе поэтического творчества. И как социологическое исследование двадцатых годов. Я тогда разделяла иллюзии возвращения к двадцатым, "восстановления ленинских норм". Переоценка того времени началась у меня именно с ее книги.

И как книга о любви.

В многочисленных рецензиях, в статьях, а позже и в некрологах неизменно писали о ее восприятии двадцатых годов, иногда — о замечательном анализе стихов. Но мне ни разу не довелось прочесть о том, что книга Н.Я. — это книга о любви.

Написала ей об этом восторженное письмо.

Она прочитала мою статью о романе Хемингуэя "По ком звонит колокол". Сказала, что хотела бы со мною поспорить.

— То, что вы написали, заслуживает серьезного разговора. Вы все еще в плену революционных иллюзий — и хемингуэевских, и своих собственных. Давайте обсудим, лучше всего письменно.

Жаль, что это не осуществилось. Какие-то отголоски несостоявшегося спора возникали то и дело.

В Ленинграде:

— Надежда Яковлевна, а вы с самого начала не принимали Октябрьскую революцию?

— Нет, почему же, я вначале была очень глупой. Обстоятельства мои сложились так, что я поумнела раньше других. Учитель был выдающийся. А идея равенства захватила меня так же, как раньше Осипа. Нам тоже было присуще традиционное для русской интеллигенции чувство вины за привилегии. Но я уже в 1919—21 годах видела и фанатизм, и кровь, и ложь.

...Существует замечательная рукопись, самиздатский бестселлер. Надо постараться опубликовать ее, если не всю, то хотя бы часть. Про двадцатые годы явно нельзя: крамола. Но про стихи-то можно. Я поговорила с одним из руководителей журнала "Вопросы литературы".

— Ну, что ж. Сделайте выборку листа на два на тему: психология поэтического творчества. О рождении стиха, о понятии поэтического цикла, на примере цикла "Щегол". Небольшая надежда есть, ведь наш главный тоже хочет своего "Ивана Денисовича".

Надежда Яковлевна пришла к нам на улицу Горького, поднялась на тяжелый четвертый этаж. Просмотрела выборку, одобрила. А чай, которым я собралась ее угощать, отодвинула.

— Меня давно научил Осип: если женщина не заваривает крепкий, свежий чай, то она и любить не умеет. Так что уж постарайтесь.

Крепкий чай я заварила. А из публикации ничего не вышло. Было еще рано. Теперь, после появления мандельштамовского тома в "Библиотеке

поэта”, подобные исследования иногда проходят.

Рукопись была нам вручена с обычным условием: из дому не выносить. Ее прочли многие наши друзья, в их числе Евгения Гинзбург.

Надежда Яковлевна встретиться с нею не захотела, с ”дамой, любимый поэт которой — Сельвинский”.

— Помилуйте, ведь первые же поэтические строки, процитированные в ”Крутом маршруте”, — Мандельштам. А дальше Некрасов, Тютчев, Ахматова. Больше всего — Пушкин.

Но приговоры Н.Я. всегда бывали окончательными. Попались ей страницы с Сельвинским — и с этой пластинки ее не собьешь. Может, она и вовсе не читала ”Крутого маршрута”, открыла, не понравилось, отбросила. Но предубеждение осталось. Так я столкнулась с ее нетерпимостью, с уверенностью, что она владеет абсолютной истиной; в конце концов, это нас и развело.

В 1964 году Иосиф Бродский был в тюрьме. Преследования молодого поэта больно задевали Надежду Яковлевну. Мне казалось, — еще и потому, что судьба Бродского накладывалась у нее на судьбу ее Осипа. Бродскому принадлежит одна из самых восторженных рецензий на ”Вторую книгу”. Позже, в некрологе, высоко оценивая талант Надежды Мандельштам, он утверждал, что ее книги — большая русская проза, идущая за великой поэзией, подобно тому, как Толстой и Достоевский шли за Пушкиным.

В следующем году бы устроен вечер поэзии Мандельштама — после тридцатидвухлетнего молчания. Вечер состоялся в МГУ, на мехмате. Выступали И.Эренбург, Н.Чуковский, Н.Степанов. Арс.Тарковский, В.Шаламов. Два студента читали стихи Мандельштама. Тогда, в шестьдесят пятом году, все было или казалось открытием, предвестием, вызовом. Даже состав ораторов. Организатора вечера, студента В.Гефтера, прорабатывали потом в парткоме за то, что он не ”уравновесил” Эренбурга Грибачевым.

Эренбург был уверен, что ”через год, пусть через пять, книга Мандельштама, которую все мы ждем, выйдет.” Ждать пришлось девять лет — до 1974 года.

Переполненные залы, где выговаривалось то, что еще не публиковалось (или вовсе осталось неопубликованным). Подхватывалось, пересказывалось, тиражировалось в списках или — позже — магнитофонами, тогдашними нашими ”масс медиа”. Сколько их было, этих вечеров памяти, полуразрешенных, полузапрещенных да и таких, для которых не испрашивали разрешения. Шла реабилитация снизу. Люди стремились восстановить справедливость — и воскресали из небытия имена Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, Бабеля, Платонова, Булгакова, Мейерхольда, Михоэлса, Мандельштама.

Менялись очертания нашей литературы: к ней не только ”прибавлялись” Ахматова и Булгаков, но неизбежно обесценивались и исчезали другие имена. Момент был по-своему уникальным: сказанного там и тогда уже нельзя было повторить через 10 лет. Больше публиковалось, смелей становился выбор тем. Но это единое дыхание зала, это возрождающееся общественное мнение — вновь было задавлено.

Арсений Тарковский говорил: "У Мандельштама никогда не будет такой эстрадной славы, как у Есенина и Маяковского, и слава Богу, что не будет. Нет ничего ужаснее такой славы". Он явно имел в виду эстрадные успехи Евтушенко и Вознесенского.

Самое сильное впечатление того вечера — Варлам Шаламов. "Я написал этот рассказ 12 лет тому назад на Колыме, — сказал он. — Мы все — свидетели удивительного воскрешения. Впрочем, Мандельштам никогда не умирал. И не в том дело, что время все ставит на свои места. Нам давно известно, что его имя — одно из первых в русской поэзии. Он оказался самым нужным, несмотря на то, что почти не пользовался станком Гутенберга".

Шаламов читал "Шерри-бренди", рассказ о поэте, который умирает на лагерных нарах. Перифраза гибели Мандельштама. Многие знали о долголетних страданиях самого Шаламова — и не в первом, а в девятом кругу Архипелага ГУЛАГ. Видели изможденного человека, конвульсивно двигающиеся руки, глубоко запавшие глаза. Образ погибшего невольно соединялся в нашем восприятии с образом читающего. Шаламов чудом остался в живых и сейчас передает нам страшную повесть.

Я сидела рядом с Надеждой Яковлевной, записывала, стараясь не пропустить ни слова. Запись эта позже распространялась в Самиздате.

Время от времени Н.Я. вписывала ко мне в тетрадку свои впечатления, давала оценки: "Степанов — это совсем другая культура", "чудный мальчик!" (о студенте В.Борисове).

Исправляла ораторов: "Неправильно датирует". "Не Дом ученых, а Дом искусств". "Никакой Невы в окне не было".

Особенно язвительны были ее замечания по ходу речи Ник.Чуковского: "Ритма не чувствует — ошибки в чтении", "про Пушкина — пошлость и чепуха".

Строго требовала от меня: "Не исправляйте его "по дружбе": глупые мемуары выдают себя ошибками".

Эренбург говорил: "В литературной судьбе Мандельштама огромная роль принадлежит Надежде Яковлевне. Она не только хранительница наследия, она — самостоятельная и яркая фигура нашей литературной жизни". Ей громко аплодирует весь зал. Н.Я. встает.

К этому времени у нее были опубликованы под псевдонимом два посредственных очерка в альманахе "Тарусские страницы". Так что, Эренбург мог иметь в виду только книгу ее воспоминаний.

1967 год. Еду к Надежде Яковлевне. Впервые встречаю у нее Н.Харджиэва. Слышу уже прочитанную мною в рукописи историю о том, как она добрела к нему в 38-м году, обезумевшая от горя: у нее не приняли посылку "за смертью адресата".

— Он меня уложил на диван, укрыл одеялом, дал сосиску... Лучше Николая Ивановича никто не знает истории русской поэзии XX века.

Несколько месяцев спустя она сказала мне:

— Я поссорилась с Харджиэвым, последним человеком, с которым я была на "ты". Но решила не скандалить: слишком много ссор среди своих.

Однако она изменила этому благородному и благоразумному решению: написала во "Второй книге", в главе о "редакторской лжи": "Харджиев... мне живой приписывает в комментариях, что ему вздумается, а мертвому Мандельштаму — и подавно".

О чем говорил в тот вечер шестьдесят седьмого года Харджиев, я не запомнила, но хорошо помню ее восхищенную благодарность, которая передалась и мне. Потом пришел брат Осипа Эмильевича. ("Тридцать лет не был" — шепнула хозяйка.)

— Надя, я прочитал стенограмму вечера, это поразительно.

После ухода Александра Эмильевича Н.Я. и Харджиев заговорили об Ольге Ваксель. Недолгое, но бурное увлечение Мандельштама. Ей посвящены несколько стихотворений (в их числе "Возможна ли женщине мертвой хвала?")

Ваксель покончила с собой в Осло в 1932 году. Слушая этот разговор, я поражалась терпимости Надежды Яковлевны, ведь она говорила о сопернице, пусть и давней.

— Сейчас я понимаю Осипа, Ольга была красавица, а я — обезьяна.

— Наденька, ты была не обязыной, а обезьянкой, чувствуешь разницу? — галантно поправляет Николай Иванович.

Она увела меня в комнату. (Разговоры почти всегда происходили на кухне. В комнате я сидела, кажется, один раз, во время ее болезни.)

— Вы знаете что такое "любовь втроем"?

В альманахе "Часть речи" (1981 г.) я прочла отрывки из дневника Ольги Ваксель ("она диктовала сыну свои эротические дневники", — говорила Н.Я.) Женщина, которой был неприятен влюбленный в нее Мандельштам. Читая, я думала, как это должно было уязвить Надежду Яковлевну, и вспоминала тот вечер.

Она редко бывала милостива к соперницам. Стихи, посвященные Лиле Поповой — жене Владимира Яхонтова (их отыскала Виктория Швейцер), запретила публиковать. Они все же появились, против ее воли.

Похоже, что добродушие вообще было не в ее характере. За дружеским столом Константин Богатырев, ревнитель поэтического слова, яростно обличает переводы (действительно халтурные) одного из общих знакомых.

Надежда Яковлевна:

— Костя, ну зачем столько страсти? Все халтурят, NN не из худших. И вообще, какая разница, как переведено? Образованные люди должны читать подлинники, а на хамье мне наплевать...

Почти никто ее не поддержал. Большинство — на стороне Богатырева.

В другой раз там же. Одному из особо непримиримых обличителей некоего скомпрометировавшего себя физика, красному от злости, Надежда Яковлевна роняет небрежно:

— Владимир Ильич, успокойтесь...

Дискуссия разряжается смехом. Она этого "Владимира Ильича" и уважает, и любит. Но красное словцо ей дороже всего.

...Вскоре после публикации "Воспоминаний" Н.Я. собралась за границу. Приглашали друзья из Франции, из Швейцарии, из Америки. Снова спор: ехать, не ехать. "Поставлю раскладушку посреди Парижа, больше мне ничего не надо". Подала заявление.

Раздумала так же внезапно, как собралась. Непонятно, почему. Кто-то из ее приятелей ходил в ОВИР забирать обратно документы.

...Апрельский вечер 1969 года. На кухне много народа. Мы приходим поздно. В дальнем углу — рыжая красавица, с нею высокий, тоже красивый человек. Слабый акцент, нам сначала показалось — латыши. Представляются: Эллендеа и Карл Профферы, американские слависты.

Надежда Яковлевна ласково называла их "карлики", любила их, они отвечали ей нежной взаимностью.

Профферы основали издательство "Ардис", — первой книгой был репринт сборника Мандельштама "Камень".

Провинциальный городок Энн Арбор стал одной из столиц русской литературы. Под знаком "Ардиса" — изящной старинной каретой с кучером на облучке — объединились классика и современность. Именно "Ардис", его издания, живая связь его создателей с авторами стали неопровержимым свидетельством единства современной русской литературы "там" и "здесь" — в Москве и Париже, Ленинграде и Нью-Йорке.

От того апрельского вечера, от той кухни в Черемушках, которую потом опечатали под Новый 1981 год — долгий, быть может, неизбежный путь привел меня на Запад, в немецкий город, где я снова обращаюсь к прошлому.

В 1975 году едем к ней вместе с Генрихом Беллем. Он прочел ее книгу, говорит по дороге: "Великая женщина. Что можно для нее сделать?"

Белль спросил у Надежды Яковлевны:

— Вы можете себе представить другую жизнь? Я часто думаю о том, что было бы, если бы я родился в России, в Китае...

— Я не хотела бы родиться в России.

Мы, не сговариваясь: "Не кокетничайте!"

Разговор идет о молодежи. О будущем — с горечью. Пьем чай. Она лежит, у нее тяжелая одышка.

После нашего ухода она сказала приятельнице: "Вот, есть еще писатели, которые испытывают чувство ответственности за нашу страну. А какое у Белля доброе лицо..."

Люди вокруг нее постоянно менялись. Художники, физики, философы, священники, писатели. Салон-кухня для элитарной публики, где изрекались приговоры, не подлежащие обжалованию. "Шаламов — лучший прозаик XX века". "Вайсберг — лучший художник в нашей стране". Со временем приговоры менялись, но их железная категоричность сохранялась.

Связи с людьми у нее возникали сравнительно легко, еще легче рвались. Уже на моих глазах она поссорилась или раздружилась с Ивичами (Игнатий Игнатьевич был одним из тех людей, кто сохранил стихи Мандельштама), с Харджиевым, с Шаламовым, с Эммой Герштейн, с Оттенами

(у которых, как я уже упоминала, она жила), охладела к Борису Биргеру.

Думаю, что, кроме всего прочего, ей не хотелось видеть тех, кто знал ее во времена бедности, унижений, да и тех, кто знал ее обыкновенной советской служащей, которая ходила на собрания, подписывалась на заем, голосовала "за".

Но как могла она — работник советских вузов в Ташкенте, в Чите, в Ульяновске, в Пскове — вести себя иначе, живя в постоянном страхе и сознавая, что ее долг, ее миссия — сохранить стихи, сберечь память о времени.

После огромного успеха первой книги она начала творить о себе миф. Люди, знавшие ее прежде, мешали. Она вызволяла себя из прошлого и переделывала прошлое.

Но это лишь одна сторона ее жизни и характера, постижимая разумом. А было в ней и много иррационального. Надежда Мандельштам часто и охотно делала подарки, с легкостью раздавала деньги, всячески помогала людям. При этом, однако, могла быть несправедливой, резкой, злоязычной. Это неотъемлемые черты ее натуры — как и неотъемлемые свойства созданных ею книг.

Думаю, что вторая книга неизмеримо хуже первой. Но обе написаны одним и тем же пером.

Оценки Надежды Мандельштам более чем субъективны. Ильф и Петров — дикари, утверждала она (об этом мы спорили с ней еще в 1964 году). Но видеть в Лоханкине карикатуру на интеллигента, тем более интеллигента, напоминающего Мандельштама, — так же несправедливо (и характерно именно для советского литературоведения) как, прочитав о плохом милиционере, обидеться за всех милиционеров.

Илья Ильф и Евгений Петров, не совершившие в своей жизни ни одного недостойного поступка, ею безоговорочно осуждены. А Шкловский и Эренбург остались для нее безусловно положительными героями.

"Вторая книга" оттолкнула многих своей очевидной неправдой о людях. О Марии Петровых, об Эмме Герштейн, да и о менее известных. Но ответить автору в наших обстоятельствах никто не имел возможности.

Вся картина нашей жизни во многом оказалась искаженной.

Выяснять отношения не хотелось. Мы перестали бывать у Н.Я.

В последний раз я видела ее на приеме у американского атташе во время международной книжной выставки 1977 года. Похудевшую, подряхлевшую, только глаза упрямо не хотели стареть.

Стало больно. Да, видеться с ней было трудно, для меня и вовсе невозможно. Но сколько же она вынесла! Когда Осип Эмильевич в припадке безумия выбросился из окна больницы в Чердыни или когда он, голодный, затравленный, в Воронеже радовался даже отказам, получаемым из редакций: все лучше, чем молчание. Или в тот страшный день, когда вернули посылку.

На портрете Бориса Биргера она — как в жизни — вырывается из тьмы. Пятно света, нечто слитное; медленно, пристально вглядываясь, начинаешь

различать отдельные черты. Она медленно выступает из собственного портрета — словно выходит из прошлого.

Должно быть, прежде губ уже родился шопот
И в бездревесности кружились листы.
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Великие стихи посвящены этой женщине. Мне казалось, что портрет — двойной. Где-то над ней, около нее — и сам Осип Мандельштам.

Художник уловил ее духовный облик: смесь гордыни и приниженности, высокомерия и ущемленности. Она этот портрет не любила, — должно быть, еще и потому, что изображена некрасивой, а в ней бушевала женщина.

Глядя на портрет, я вспоминаю ту, кого любил Мандельштам, ту, с кем дружила Ахматова. Женщину умную, злую, талантливую. ●

1981–1984

ПАНОПТИКУМ

Открыт паноптикум печальный...

А.Блок

В августе 1946 года, после известного постановления ЦК ВКП (б) о журналах "Звезда" и "Ленинград", Анна Ахматова и Михаил Зощенко были изгнаны из Союза советских писателей. В докладе А.А.Жданова Ахматова была названа "взбесившейся барынькой, мечущейся между будуаром и моленной", а Зощенко — пасквилянтом, мещанином, пошляком и "подонком литературы". О своей дальнейшей литературной судьбе М.М.Зощенко кратко сообщает в "Автобиографии": "За годы 46–52 я, главным образом, занимался переводческой работой... В июне 1953 года я вновь принят в ССП" (Избр.произв. в двух томах, т.1, 1968, стр.48).

Ниже публикуется стенограмма заседания Президиума ССП от 23 июня 1953 г., на котором решался вопрос о возвращении Михаила Зощенко в Союз писателей СССР.

Тов.Софронов. Прежде чем перейти к персональным делам, у нас имеется поступившее в Президиум и Секретариат ССП заявление М.М.Зощенко следующего содержания (*зачитывает заявление*) — о восстановлении его в Союзе писателей. Это заявление было получено Секретариатом, Секретариат слушал его и поручил товарищам Симонову, Грибачеву и Соболеву ознакомиться с новыми произведениями Зощенко и свои предложения представить Президиуму.

К этому прибавить можно немного. Можно только подтвердить, что за это время Зощенко сделал многое. Здесь есть более подробный перечень его произведений. Можно назвать и "Крокодилские" его фельетоны, и рассказы, печатавшиеся за эти годы в различных изданиях.

Многие ленинградские писатели через Правление Ленинградского ССП всячески поддерживают заявление Зощенко. Я разговаривал по этому поводу с товарищем Чи-

вилихиным — заместителем председателя Правления Ленинградского отделения, и он тоже высказался положительно.

Тов.Шагинян. Я видела Зоценко каждый год после постановления ЦК, и я должна сказать, что это по-настоящему советский человек. Он хорошо реагировал на постановление, понял свои ошибки. Он — работающий и по-настоящему талантливый советский писатель. И нам стыдно, если мы сейчас не протянем ему руку помощи. Он находится в очень тяжелом моральном и материальном положении. Вопрос о восстановлении Зоценко может быть решен нами единогласно.

Тов.Симонов. Я был бы против того, чтобы восстанавливать Зоценко. Мы в свое время исключили его из Союза правильно, исключили за серьезные ошибки.

Я согласен с Мариеттой Сергеевной, что он правильно отнесся к критике, что он много и честно работал, что он создал после этого ряд вещей, которые позволяют его принять в Союз — не восстановить, а принять в Союз.

Я бы Зоценко принял в Союз на основании произведений, написанных им за эти годы, с 1946 по 1953, среди них и партизанские рассказы (это первое, что он опубликовал). Это не очень сильно художественно, но это очень честная попытка стать на правильные позиции. Там есть и хорошие вещи — в этих рассказах. Его переводческая деятельность во многом просто блестяща. Это тот случай, когда я принял бы в члены Союза как переводчика за один перевод. Это блестящее художественное произведение.

Я предложил бы принять Зоценко в члены Союза как прозаика и переводчика. Какие еще есть предложения?

Тов.Твардовский. Если употребить выражение "восстановить", это значит отменить решение об исключении из Союза. Восстанавливают тогда, когда признают неправильным исключение, тогда восстанавливают.

Возьмем даже более серьезное дело: исключение из партии. Восстанавливают только в случае признания высшим органом неправильности исключения.

Тов.Шагинян. Это, мне кажется, неверно.

Тов.Симонов. Или когда человек был исключен на срок.

Тов.Шагинян. ЦК не вычеркивал всего литературного пути Зоценко, он дал постановление об определенных его вещах, он не опорочил все то, что Зоценко сделал до этих вещей. Дело идет не о простой формальности. Восстановить — это значит признать его стаж, это значит дать ему право на пенсию. Человек находится в страшно тяжелом психическом состоянии. Принять его в Союз как новичка — это значит делать его начинающим писателем. Кажется, это простая форма, а в ней есть глубокий смысл.

Давайте обратимся с нашим решением в ЦК, может быть, он санкционирует наше решение. Но ставить вопрос, что будто бы восстановление отменяет исключение, это неверно.

Был прецедент: Ахматову мы восстановили. Слабый, чуждый нам поэт.

Тов.Симонов. Мы ее приняли или восстановили?

Тов.Шагинян. А Зоценко, который сформировался при Советской власти, который ближе нам по существу, по внутренней позиции, которую он не менял все время, — его мы будем принимать, а не восстанавливать. Почему вы так отнеслись к Ахматовой?

Тов.Симонов. Для объяснения своих позиций я хочу сказать, что я не присутствовал при восстановлении Ахматовой, а если бы присутствовал, несомненно голосовал бы не за восстановление, а за прием. Считаю, что и Ахматову надо было принимать в Союз заново, а не восстанавливать. А если есть формулировка о восстановлении, то это — неверная формулировка.

Тов.Твардовский. Я не понимаю, почему так хлопочет Мариетта Сергеевна Шагинян, — на пенсию писателя это не влияет.

Тов.Грибачев. Пенсия — вещь персональная, а дается отнюдь не за выслугу лет.

Тов.Шагинян. Все же партия не вычеркивала всей прежней его работы.

Тов.Соболев. Мы его исключили из Союза. Прошел какой-то срок, он поработал, показал себя как человек небеспользней, и мы считаем возможным, чтобы он был в нашей организации, не восстанавливая его, а вновь принимая на общих основаниях, как старого литератора.

Тов.Симонов. Есть два предложения: предложение Мариетты Сергеевны Шагинян восстановить Зоценко в ССП, и мое предложение — принять его в члены ССП. Я хотел бы, чтобы члены комиссии, назначенной Секретариатом, высказались по этому вопросу.

Тов.Грибачев. Была приведена серьезная мотивировка. Ведь если мы восстановим его, мы делаем вид, что Зоценко ничего не совершал, что все было ошибкой и Зоценко возвращается в Союз. Этого, по-моему, делать нельзя. А на пенсию это не влияет — это уже совсем другой вопрос.

Тов.Соболев. Я также не понимаю, почему вы упираетесь в эту формулировку? Вы говорите, что для него это тяжело. Но если после известного случая и постановления ЦК мы приняли решение о том, чтобы расстаться с писателем, исключить его из наших рядов, то если мы сейчас будем говорить о восстановлении, то по логике русского языка это означает, что мы признаем свою ошибку по поводу исключения из Союза Зоценко и считаем это исключение ошибочным.

Тов.Шагинян. А как же было с Ахматовой?

Тов.Соболев. Была допущена ошибка, если она была "восстановлена", а не "принята". Если бы я присутствовал на этом заседании, я сказал бы так же. Если вы говорите, что на него это подействует — то тогда он просто не понял, что тогда произошло.

Тов.Симонов. Для него было бы гораздо тяжелее, если бы мы не приняли его в Союз. Я прошу голосовать. Первое предложение Мариетты Сергеевны Шагинян о том, чтобы восстановить Зоценко в ССП. Кто за это предложение? (*Один.*) Кто за мое предложение — принять в члены Союза? (*Единогласно.*)

П О С Т А Н О В И Л И :

Принять М.М.Зоценко в члены ССП.

Известно, что финалом так называемого дела врачей (1952–1953 гг.) должна была стать депортация евреев на восток страны. Подобную акцию, однако, нельзя было провести без соответствующей идеологической подготовки. Для начала предполагалось опубликовать в "Правде" письмо группы высокопоставленных евреев, косвенно подтверждающее необходимость этой крайней меры. Когда очередь подписать этот документ дошла до И.Г.Эренбурга, он отказался поставить под ним свою под-

пись. В мемуарах "Люди, годы, жизнь" Эренбург глухо упоминает о другом письме, которое он сам написал и отослал Сталину.

Ниже приводится полный текст этого письма, который мы публикуем по архивной копии.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Я решаю Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я не могу сам решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и тов. Маринин сегодня ознакомили меня с текстом письма в редакцию "Правды" и предложили мне его подписать. Я считаю моим долгом поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Я боюсь, что выступление коллективное ряда деятелей советской культуры, объединенных только происхождением, может укрепить националистические тенденции. В тексте письма имеется определение "еврейский народ", которое может ободрить националистов и людей, еще не понявших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого "Письма в редакцию" на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше нет школ на еврейском языке или газет, я неизменно отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей "черты оседлости" и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование письма, подписанного учеными, писателями, композиторами, которые говорят о некоторой общности советских евреев, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую ведут теперь сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и т.д., нет понятия "еврей" как представитель национальности, там "еврей" — понятие религиозной принадлежности, и клеветники могут использовать "Письмо в редакцию" для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток возрождения еврейского национализма, который неизбежно приводит к измене. Мне казалось, что для этого необходимы, с одной стороны, разъяснительные статьи (в том числе и людей еврейского происхождения), с другой — разъяснение, исходящее от самой "Правды" и столь хорошо сформулированное уже в тексте письма: о том, что огромное большинство трудящихся еврейского происхождения глубоко преданы Советской Родине и русской культуре. Мне кажется, что такие статьи сильно помешали бы зарубежным клеветникам и дали бы хорошие доводы нашим друзьям, борющимся за мир.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом шаге, и я решаю Вас просить поручить кому-либо сообщить мне Ваше мнение о жалательности моей подписи под таким документом. Если руководящие товарищи передадут мне, что опубликование документа и моя подпись могут быть полезны для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу "Письмо в редакцию".

С глубоким уважением
Илья Эренбург

“Человек, несовершенный читатель книг, может стать игрушкой слепого случая или оказаться добычей злых демонов; но мир, столь изящно устроенный в виде ровных полок с рядами таинственных фолиантов, мир с его бесконечными лестницами для блуждающего по этажам и маленькими лесенками для присевшего перед полкой библиотекаря, — сей мир происходит от самого Бога.”

Эту цитату из новеллы Хорхе Луиса Борхеса “Вавилонская библиотека” можно было бы начертать над воротами осенней книжной ярмарки во Франкфурте-на-Майне. Вавилонская башня, воздвигаемая усилиями всех народов, вечно недостроенная, — вот образ современной культуры, какой она предстает на франкфуртской интернациональной ярмарке.

В словах “книжная ярмарка” заключено противоречие. О нем сказал Пушкин: “Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать”. Творения свободного духа выставлены напоказ как товар, рассчитанный на покупателя. Однако рукопись продается не читателю. Между писателем и читателем стоит еще одно лицо — книгоиздатель, и следствием этого неизбежно становится коммерциализация литературного процесса, коммерциализация культуры в целом. Вдохновение поэта, техническое совершенство книгопечатания, прибыль книготорговца — звенья одной цепи, функционирование которой подчинено рынку.

Тем не менее ограничиться констатацией этого факта значит сказать половину правды. Если верно, что культура ориентирована на спрос, то правда и то, что коммерция одухотворяется культурой. Культура диктует спрос. На эту оборотную сторону медали не пожелал обратить внимания Маркс. Ярмарка во Франкфурте есть не просто гигантская выставка печатного товара, подлежащего, согласно известной формуле, обмену на деньги. Это еще и грандиозная демонстрация независимой мысли, наглядное воплощение того, что собственно и подразумевается под словами “свобода печати”.

Читателю в СССР, быть может, будет небезынтересно узнать, как это понятие интерпретируется в конституции страны, устраивающей у себя каждую осень международные *Buchmessen* — ярмарки книг. В статье 5 Основного закона ФРГ говорится:

“Каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение устно, письменно и с помощью изображений и беспрепятственно черпать информацию из общедоступных источников. Свобода прессы и свобода осведомления гарантируются законом. Цензуры не существует.”

В том, что цензуры — ни явной, ни тайной — не существует, здесь может убедиться каждый. Собственно говоря, в этом и нет необходимости: отсутствие государственного контроля над печатным словом — естественное условие жизни общества и развития культуры. На книжной ярмарке представлены все политические направления от левых до правых, все течения и разновидности литературы и искусства, от элитарного до рыночного, от классики до модерна. Любой издатель и любой книжный магазин, пожелавший участвовать в ярмарке, может выставить на своем стенде все, что он сочтет нужным: любое печатное издание, газету, брошюру, журнал, роман, научную монографию, философский или религиозный трактат, может вывесить какой угодно плакат, разложить рекламные проспекты, раздавать листовки. Для этого ни у кого не надо спрашивать разрешения. Ни в чей санкции не нуждались и мы, выставив на одном из стендов ярмарки журнал, который читатель держит сейчас в руках.

Те, кому приходилось бывать на международных книжных выставках в Сокольниках, могут составить себе известное представление о франкфуртской выставке, которая, однако, намного обширней. Традиционная ярмарка книг во Франкфурте, городе, где родился Гете, устраивается каждую осень и представляет собой в настоящее время крупнейшее в мире мероприятие подобного рода. В нынешней, 36-й ярмарке, работав-

шей с 3 по 8 октября, приняли участие 6200 издательств из 92 стран. В четырех главных павильонах было выставлено около 312 тысяч книг (в том числе 92 тыс. новинок), тематически сгруппированных по семи основным разделам: художественная литература, книги для детей и молодежи, наука и техника, религия, искусство, географические карты и путеводители, наконец, продукция международных издательств.

Советский Союз, стенды которого располагались на некотором отдалении от всех остальных участников франкфуртской ярмарки, представил продукцию 78 книгоиздательств Москвы, Ленинграда и столиц некоторых союзных республик, по несколько книг от каждого издательства. Это очень мало по сравнению даже с небольшими странами Запада и как бы отражает скромность вклада в мировую культуру, который принадлежит ныне нашей стране. Выставка книг — не парад вооружений.

При небольшом объеме экспозиции книжная продукция СССР была все же представлена достаточно разнообразно. Прежде всего бросились в глаза издания, которые внутри страны ни на одном книжном прилавке не появляются: классики русской литературы XIX века, красиво изданный трехтомник Николая Заболоцкого, стихотворения Ахматовой и еще кое-что в этом роде. Рядом с ними стоят книги, которые, напротив, есть во всех магазинах, но у которых нет читателей: произведения Константина Устиновича Черненко, плоды творческой мысли других руководителей партии, брошюры на тему о преимуществах социалистического строя перед капиталистическим. Если капиталистическая продукция определенным образом связана — о чем уже говорилось — с рынком, то эта продукция демонстрирует полную независимость от спроса, от потребностей читателя и от жизни вообще. Кроме сочинений современных советских писателей, которые тоже по большей части не заслуживают внимания, СССР представил коллекцию отлично изданных словарей, красивые художественные альбомы и полиграфический шедевр — роскошное факсимильное издание древнерусского "Изборника".

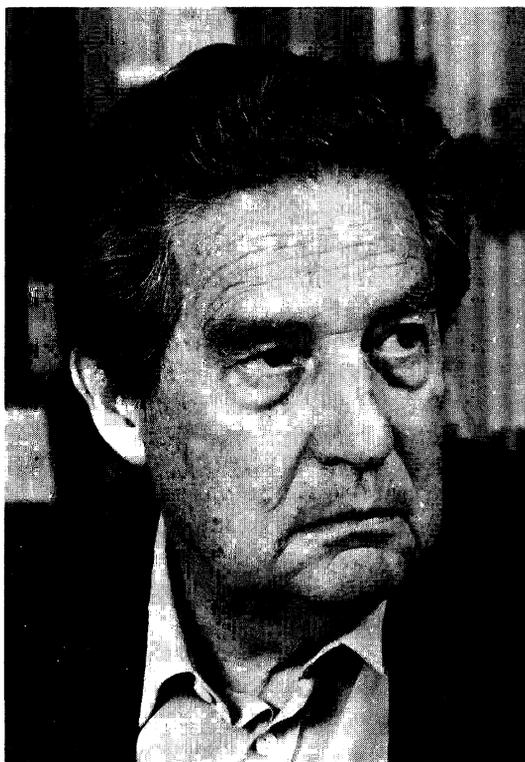
"Большой Брат следит за тобой." Транспарант с этой надписью стоял перед входом в главный павильон. Плакаты с цитатами из книги Джорджа Орвелла можно было видеть на всей территории ярмарки, которая в эту осень пришла на уже истекающий год Орвелла. Одно из важных событий ярмарки — появление на немецком языке романа Василия Гроссмана "Жизнь и судьба", значительнейшего произведения русской литературы нашего времени; книга была выставлена на стендах известного западногерманского издательства Knaus-Verlag. Как известно, монументальный роман Гроссмана был арестован Большим Братом в 1961 г., считался погибшим, но был спасен и вышел в свет на русском языке в Швейцарии в 1980 г. На пресс-конференции, состоявшейся в первый день работы франкфуртской ярмарки, Владимир Войнович рассказал историю спасения рукописи. Немецкое издание романа "Жизнь и судьба" осуществлено по инициативе общества "Ориент—Окцидент" в лице членов его правления Генриха Белля, Павла Когоута, Вольфганга Казака и председателя общества Льва Копелева.

Ярмарка завершилась церемонией вручения Премии мира Немецкого союза книготорговли. В прошлом году ее получил ныне покойный Манес Шпербер. (Речь Шпербера напечатана в первом номере нашего журнала). Новым лауреатом стал мексиканский поэт и эссеист Октавио Пас. Торжественная церемония состоялась во франкфуртской церкви св. Павла, где лауреата приветствовал федеральный президент Рихард фон Вейцекер.

Октавио Пасу семьдесят лет. Он изъездил весь мир, был участником гражданской войны в Испании на стороне республиканцев, жил в Париже, где сблизился с поэтами-сюрреалистами. После Второй мировой войны в качестве дипломата шесть лет провел в Индии. Пас признан одной из ведущих литературных фигур Нового Света послевоенного времени. Война и мир, место латиноамериканской культуры в современном мире, противостояние культуры и тоталитарной бюрократии — вот некоторые темы эссеистической прозы О. Паса. Имя это, однако, пока еще остается почти неизвестным русскому читателю. Мы публикуем в этом номере речь Октавио Паса, произнесенную им при получении Премии мира во Франкфурте, и написанное в 1975 г. эссе "Полу-Исайя, полу-Иов".

Октавио ПАС (Мехико)

ДИАЛОГ ОТВОРАЕТ ВРАТА МИРА

Я родился в злосчастном 1914 году, и война была неизменной, страшной современностью для всех писателей моего поколения. Я начал писать, посвятил себя самой что ни на есть тихой деятельности среди шума вражды, в громе боев нашего столетия — и вопреки этому шуму и грому. Я писал и пишу, ибо литература для меня — это диалог, диалог с миром, с читателем и с самим собой, а диалог есть нечто противоположное и шуму, который нас отрицает, и молчанию, которое нас игнорирует. Мне всегда казалось, что писатель — не только тот, кто пишет, но и тот, кто слушает собеседника.

Первое подлинно историческое известие, которое донесла до нас наша религиозная традиция, — это рассказ о братоубийстве. Каин убил Авеля. С этого мрачного события началось наше существование на земле. То, что происходило в эдемском саду, осталось за порогом истории.

Грехопадение породило два детища греха: труд и войну. Началось проклятье истории. Мирная жизнь была достоянием первоначальной невинности и предварением истории. Конец исторического времени станет началом нового мира — царством вновь обретенной невинности.

Таково религиозное видение мира, оно вдохновило многих создателей философских и политических утопий. Если прежде, чем началась история, люди были равны, были свободны и жили в мире и согласии, то откуда взялось зло? Когда оно появилось? Мы не можем этого знать, но вернее всего будет предположить, что слепец, имя которому — история, рванулся вперед в результате акта насилия. Люди лишились свободы и равенства в ту минуту, когда они подчинили себя вождю. Если источником неравноправия, порабощения и войны было господство немногих над многими, можно ли

сомневаться в том, что именно власть стала причиной несправедливостей, составивших содержание истории? И не власть того или иного конкретного правителя, который может быть жестоким, может быть и мягким, — но самый принцип власти, сама институция, воплотившая в себе власть, — государство! Так давайте уничтожим государство и покончим раз навсегда с человеческим рабством и войной между народами. Революция — вот развязка истории, или, если вернуться к религиозным представлениям, обращение вспять к началу времен — восстановление изначальной невинности, в лоне которой все индивидуальные свободы растворятся в общественной гармонии.

Соблазн этой идеи, соединившей кристально-чистую мораль с самой благородной мечтой, какую когда-либо могла породить человеческая фантазия, был чрезвычайно велик. И все же я не могу разделить ее оптимизма — по двум причинам. Первая: мы имеем дело с недоказанным и, боюсь, недоказуемым допущением. И вторая: есть много оснований полагать, что с возникновением государства не началась, а прекратилась вечная война, которую были обречены вести друг с другом примитивные сообщества. Некоторые современные специалисты считают, что в первобытном обществе люди жили свободно и были относительно равны. Основу свободы составляла физическая сила и изобилие благ. Это общество свободных и независимых воинов было вдобавок и обществом равноправия: из-за того, что жизненные блага легко подвергались порче, их невозможно было накапливать. Но общественные связи внутри простых и изолированных сообществ были крайне непрочны, в них царил раздор — война всех против всех. Государство возникло как механизм защиты людей от них самих.

Выходит, что ликвидация государства вернула бы всех нас к состоянию непрерывного раздора. Как же тогда нам избежать войны? С тех пор, как на земле существуют государства, они дерутся друг с другом. Неудивительно, что стремление к миру во всем мире то и дело выливается в мечты о едином всемирном государстве без врагов и соперников. Этот идеал так же нереален, как и проект покончить с государством, — но, пожалуй, еще опаснее. Мир, построенный на том, что всем нациям навязывается единая и единообразная воля, хотя бы и воля безличного, стоящего над всеми закона, — такой мир рискует очень скоро выродиться. Это будет царство принудительного единообразия, затхлости и бесплодия. Если отмена государственности обрекла бы нас на бесконечную войну партий и отдельных лиц, то воцарение одного единственного государства означало бы всеобщее рабство и гибель духа. К счастью, исторический опыт не раз помогал отогнать этот кошмарный призрак. История не знает примеров общества без государства; зато нам известно немало примеров, когда великие державы рвались к господству над всем миром. Судьба всех великих империй показывает, что эта мечта неосуществима. Хуже того, она губельна. Губельно уже возникновение империй, ибо их путь — завоевания и грабеж. Таков же и их конец: распад, расчленение. Рано или поздно империи разваливаются, подобно тому как обречены на раскол верования и идеологии.

Государство наделено двойной и противоречивой функцией: оно оберегает мир, и оно же развязывает войну. Впрочем, подобная амбивалентность присуща всем людям. Лица, группы, классы, правительства, наконец, целые народы — все оказываются разделенными на враждующие лагеря. Но обреченные на раздор, мы неизменно возвращаемся к диалогу, к переговорам. Однако есть разница между гражданским обществом индивидуумов и групп и международным сообществом государств. В первом случае споры улаживаются благодаря взаимной доброй воле враждующих партий либо авторите-

том закона и правительства; во втором — решает дело лишь воля правительств. Сама природа интернационального сообщества препятствует существованию эффективных наднациональных сил. Ни Объединенные Нации, ни какая-либо иная международная организация не обладают властью, достаточной для того, чтобы обеспечить мир и наказать агрессора: все они — всего лишь консультативные, совещательные органы. Они полезны для ведения переговоров, но их недостаток в том, что они легко становятся трибуной для пропаганды и демагогии.

Правительства — вот кому в первую очередь принадлежит власть решать, быть войне или миру. Но власть эта не является неограниченной. Даже диктатор, готовясь развязать войну, принужден так или иначе считаться с настроениями народа. В открытых, демократических обществах, где правительства обязаны периодически отчитываться в своих действиях и где существует легальная оппозиция, проводить милитаристическую политику еще труднее. Иммануил Кант считал, что монархии склонны к войнам больше, чем республики, так как король рассматривает государство как свою собственность. Тем не менее демократический строй сам по себе еще не гарантирует мира: доказательством служат хотя бы Афины при Перикле или Франция эпохи Великой революции. Любые политические системы могут поддаваться влиянию национализма или какой-либо другой агрессивной идеологии, и демократия в этом смысле — не исключение. И все-таки преимущества демократии для сохранения мира, как и во многих других отношениях, для меня неоспоримы: война и мир — это такие предметы, о которых мы не только вправе, но и обязаны высказать вслух свое мнение.

Я упомянул о губительном действии, которое оказывали на мир националистические, нетерпимые, притязающие на исключительность идеологии. Подобные идеологии принимают еще более разрушительный характер, когда из вероучения отдельной секты или партии они превращаются в официальную доктрину церкви или государства. Стремление к абсолютности — всегда недостижимое — само по себе благородная страсть, но стоит нам только уверовать, что мы обладаем абсолютной истиной, как мы начинаем катиться вниз. В каждом, кто думает не так, как мы, нам чудится недруг, мы усматриваем в его точке зрения опасность — и сами превращаемся в источник опасности.

Как только система наших верований становится догмой, церковной или государственной, все, кто ее не разделяют, превращаются в зловредных отщепенцев: они другие, не такие, как мы, они — инаковерующие. Их надо обратить в нашу веру — либо уничтожить. А если еще вдобавок церковь и государство сливаются воедино, как это случалось в былые эпохи, или если государство провозглашает себя монополистом научной истины и распорядителем истории — как это происходит в XX веке, — тогда тотчас же всплывают идеи крестового похода, священной войны и ее современного эквивалента — великой революционной войны. Идеологические государства воинственны по самой своей сути, воинственны вдвойне: из-за нетерпимости своих доктрин и в соответствии с военной дисциплиной, которой подчинены в таком государстве правящая верхушка и руководители. Противоестественный гибрид монастыря и казармы.

Стремление любой ценой вербовать сторонников, которое почти всегда идет рука об руку с военными захватами, характерно для всех идеологических государств со времен античной древности до наших дней. После Второй мировой войны, в результате сложного переплетения политических и военных мер народы так называемой (и ошибочно называемой) Восточной Европы оказались вовлеченными в тоталитарную систе-

му. Та же судьба, казалось, ожидает и западные нации. Но этого не случилось: они устояли. Вместе с тем они утратили свою подвижность. Неслыханное материальное благополучие не принесло с собой ни духовного и культурного возрождения, ни свидетельствующей о богатстве фантазии, энергичной, вдохновленной благородными побуждениями и действенной политической инициативы.

Приходится с сожалением сказать: великие демократические нации Запада перестали быть образцом и источником вдохновения для других народов — и для привилегированного класса, и для угнетенных меньшинств. Это имело непоправимые последствия для всего мира — и особенно для народов Латинской Америки. На историческом горизонте нашего клонящегося к закату столетия ничто не могло возместить утрату того плодотворного влияния, которое европейская культура, начиная с восемнадцатого века, оказывала на мысль, восприятие и воображение лучших наших писателей, художников, общественных и политических реформаторов.

Неподвижность — тревожный симптом. Становится страшно, когда понимаешь, что эта неподвижность есть не что иное, как следствие ядерного равновесия. Нынешнее состояние мира отражает и выражает не согласие держав, а их страх друг перед другом. Кажется, что над странами Запада и Востока тяготеет проклятье: либо неподвижность — либо уничтожение. Страх — вот что сохранило нас до сих пор от великой катастрофы. Но если мы уберечься от Армагеддона, то не ушли от войны: с 45-го года воистину ни дня не прошло без боев в Азии или Африке, в Латинской Америке или на Ближнем и Среднем Востоке. И сегодня война носится по свету, кочует из одного региона в другой.

Хотя я и не собирался анализировать современные конфликты, мне все же придется сделать исключение и коснуться одного случая — Центральной Америки. Эта часть мира мне ближе других и причиняет особенно много боли. Кроме того, настоятельно необходимо отметить в сторону манихейские упрощения, к которым склонны представители противоположных взглядов на проблему Центральной Америки. С одной стороны, нас хотят убедить, что эта проблема есть всего лишь частное проявление соперничества двух сверхдержав; другие, напротив, уверяют, что все сводится к чисто местной вражде, не зависящей от международных коллизий. Ясно, что Соединенные Штаты стоят на стороне вооруженных групп, борющихся против нынешнего режима в Никарагуа. Ясно, что Советский Союз и Куба поставляют сандинистам оружие и военных советников. Но не менее ясно и то, что корни конфликта уходят глубоко в прошлое Центральной Америки.

Независимость Испанской Америки (Бразилия — случай особый) привела к распаду старой испанской империи. Роль и значение этого события иные, нежели роль, которую сыграла независимость Северной Америки. Нам и сегодня еще приходится расплачиваться за последствия распада Испанской колониальной империи: внутри у нас хаотические демократии, сменяющиеся диктаторскими режимами, на внешнеполитической сцене — слабость. Невзгоды истории превратили Центральную Америку в нарыв: конгломерат крошечных государств без отчетливого национального самосознания (чем уроженец Сальвадора отличается от гондурасца или никарагуанца?), без достаточной экономической жизнеспособности, которая защитила бы их от алчности посторонних. Хотя все пять стран Центральной Америки (Панама образовалась позже) избрали республиканскую форму правления, ни одна из них, за исключением образцовой Коста-Рики, не сумела построить у себя подлинную и устойчивую демократию.

Очень скоро народы Центральной Америки стали жертвой эндемической болезни всего нашего региона — засилья военных диктаторов-каудильо. Влияние США дало себя знать начиная с середины прошлого века, быстро приняв форму гегемонизма. Ни дробление на мелкие государства, ни олигархии, ни кровавые и смехотворные диктатуры не были изобретением Соединенных Штатов, но Штаты сумели извлечь для себя пользу из этой ситуации, поддержали и укрепили власть, основанную на насилии; историческая ответственность Соединенных Штатов не подлежит сомнению, и трудности, с которыми ныне им приходится сталкиваться в этом районе, — во многом следствие их политики. В тени Вашингтона возникла и утвердилась в Никарагуа наследственная диктатура. В конце концов стечение многих и различных обстоятельств — всеобщее озлобление, возникновение нового, образованного среднего класса, влияние обновленной католической церкви, распри внутри олигархии, наконец, прекращение североамериканской помощи — привело к народному восстанию. Возмущение, носившее национальный характер, сокрушило диктатуру. Но затем повторилось то, что произошло на Кубе, группа революционных вождей заявила свои исключительные права на революцию. Почти все они были выходцами из среды местной олигархии, многие сменили католицизм на марксизм-ленинизм либо создали причудливый винегрет из обоих учений. С самого начала руководители сандинистского режима искали поддержки у Кубы и получали техническую и военную помощь от Советского Союза и его союзников. Образ действий сандинистского правительства не оставляет сомнений в том, что оно твердо намерено установить в Никарагуа военно-бюрократическую диктатуру по образцу Гаваны. Первоначальный смысл революционного движения, таким образом, полностью извращен.

Нынешняя оппозиция в Никарагуа неоднородна. Будучи весьма обширной, она лишена доступа к средствам информации (в стране существует только одна независимая газета "Ла пренса"). Особая и важная оппозиционная группа живет изолированно в малообжитых районах страны — это туземное меньшинство, говорящее не по-испански, чувствующее, что его культура и образ жизни находятся под угрозой и не раз подвергавшееся при сандинистском режиме нападением и грабежу. Есть и вооруженная оппозиция, которая опять-таки не едина: тут и консерваторы (в том числе бывшие сторонники Сомосы), и демократически настроенные диссиденты внутри нынешнего режима, и вооруженные защитники интересов туземного меньшинства. Ни одна из этих групп не хочет восстановления диктатуры. Правительство Соединенных Штатов оказывает им военную и техническую помощь, хотя, как известно, эти меры наталкиваются на растущее сопротивление в Сенате и в широких кругах североамериканской общественности.

Наконец, нужно упомянуть о дипломатической активности четырех стран, образующих так называемую группу "Контадора": Мексика, Венесуэла, Колумбия и Панама. Это единственная группа, предлагающая политику разума, политику, которая действительно ставит своей целью достижение мира. Усилия четырех стран направлены на то, чтобы создать условия для прекращения интервенции иностранных государств, чтобы враждующие партии сложили оружие и приступили к мирным переговорам. Вот первый и труднейший шаг, но без него не обойтись: другое решение — военная победа той или иной стороны — лишь посеяло бы семена нового, еще более ужасного конфликта.

Я хочу подчеркнуть, что мир в этом районе можно будет по-настоящему восста-

новить только в том случае, если народу Никарагуа предоставят возможность свободного волеизъявления на выборах с участием всех партий. Свободные выборы позволили бы сформировать национальное правительство. И все же выборы, притом что они абсолютно необходимы, сами по себе еще не решают дела. Хотя законным в наше время считается всякое правительство, которое пришло к власти на основе всеобщих, свободных и тайных выборов, должны быть удовлетворены и другие условия для того, чтобы правительство заслужило право называться демократическим: гарантия личных и общественных прав и свобод, плюрализм, уважение к личности и к меньшинствам. Последнее условие жизненно важно для такой страны как Никарагуа, где долгое время существовал деспотизм и где живет множество расовых, религиозных, культурных и языковых меньшинств.

Многим этот проект покажется утопичным. Но это не так: ведь удалось же в Сальвадоре в разгар гражданской войны провести всеобщие выборы. Несмотря на террор партизан, которые хотели запугать людей и заставить их не идти на выборы, большинство населения приняло участие в голосовании. Это уже второй раз, когда в Сальвадоре прошли выборы (первые состоялись в 1982 г.), и оба раза высокая избирательная активность была замечательным доказательством того, что этот народ обладает гражданским сознанием и способен создать демократическую государственность. Выборы в Сальвадоре — это приговор двойному насилию, которому подвергаются нации Латинской Америки: насилию со стороны правых экстремистов и партизан крайней левой. Теперь уже никто не посмеет утверждать, что этот край не созрел для демократии. Но если для жителей Сальвадора политическая свобода не роскошь, а жизненно важный вопрос, почему она не может быть тем же для народа Никарагуа? Задавали ли себе этот вопрос писатели, выступающие с манифестами в защиту сандинистского правительства? Зачем же они одобряют введение в Никарагуа политической системы, которую сочли бы непригодной для их собственной страны? Почему то, что в одной стране ненавидят, должно быть предметом восхищения в соседней стране?

Наш разговор о Центральной Америке, быть может, несколько затянулся. Но он лишний раз убеждает, что защита мира связана с борьбой за демократию. Должен сказать, что я отнюдь не считаю демократию и мир связанными между собой как причина и следствие: демократические государства не раз демонстрировали свою воинственность. Но я полагаю, что именно демократический строй открывает возможность для необходимого обсуждения общественных вопросов, включая тему войны и мира. Великие движения противников насилия в недавнем прошлом — самыми яркими именами в этом ряду были Ганди и Мартин Лютер Кинг — возникали и развивались в демократических обществах. Демонстрации сторонников мира в Западной Европе и Америке были бы немыслимы и невозможны в тоталитарных государствах. Вот почему отделить мир от демократии значит не только совершить логическую и политическую ошибку, но и продемонстрировать определенный изъян морали.

Из всех этих рассуждений следует вывод: простейшим и самым существенным выражением демократии является диалог, а диалог отворяет врата мира. Только защищая демократию, мы сможем отстоять мир. Из этого принципа, в свою очередь, вытекают, как мне думается, три других. Первый: неустанно искать диалога с противником. Такой диалог требует стойкости, но и уступчивости, гибкости — и твердости. Второй: не поддаваться соблазну нигилизма и не давать себя запугать террору. Нельзя ку-

пить свободу ценой мира, но и мир недостижим без свободы; мир и свобода неразделимы. Отторгнуть их друг от друга значит уступить давлению тоталитаризма и в конце концов потерять и то и другое. И, наконец, третий принцип: уяснить себе, что защита демократии в нашей собственной стране невозможна без солидарности с теми, кто борется за нее в тоталитарных странах или в условиях военно-диктаторских, опирающихся на насилие режимов в Латинской Америке и на других континентах. Когда диссиденты борются за демократию, они борются и за мир. Тем самым они борются за нас.

В одном из набросков Гельдерлина к гимну, прославляющему мир, в стихах, к которым Хайдеггер написал знаменитый комментарий, поэт говорит, что мы, люди, научились чтить божественное и постигать тайны вселенной "лишь с той поры, как беседа стала нашей природой". Гельдерлин понимает историю как диалог. Но диалог этот то и дело заглушается шумом насилия и прерывается монологами вождей. Насилие обостряет разногласия и равно мешает говорить и слушать. Монолог отрицает права другого. И лишь диалог, не устраняя различий, создает зону, на которой инакомыслие протягивает руку другому инакомыслию. Диалог исключает ультимативный тон и тем самым отвергает абсолюты с их деспотической претензией на всеобщность. Мы относительны; относительно и то, что мы говорим, и то, что мы слышим.

Однако относительность не есть готовность сдаться. Чтобы диалог состоялся, мы должны подтвердить, что мы — это мы, и вместе с тем признать за другим право быть тем, кем он является. Диалог равно запрещает нам отрицать себя и отрицать человеческую принадлежность нашего оппонента. Марк Аврелий провел большую часть своей жизни на коне, воюя с врагами Рима. Он знал борьбу, но не знал ненависти, и он оставил нам строки, над которыми стоит вновь и вновь задуматься: "Едва брезжит день, скажи себе: сегодня я встречу с грубым, гневливым, презренным и неблагодарным человеком... Я знаю его натуру, он мой родич, но не по крови, не оттого, что мы принадлежим к одному семейству. Но потому, что оба мы наделены единым разумом и общей частицей божественного. Мы рождены, чтобы действовать вместе, как ноги, как руки, как глаза, как веки глаз, как верхний и нижний ряд зубов."

Диалог — лишь одно из проявлений космической гармонии, но может быть, наивысшее. ●

ПОЛУ-ИСАЙЯ, ПОЛУ-ИОВ

Некоторые писатели и журналисты в Мексике и других странах Америки и Европы весьма резко критиковали заявления, которые последние месяцы делал Солженицын и которые в самом деле не всегда были убедительны. Тон этой критики, наказующий и вместе с тем удовлетворенный, выдает людей, у которых свалился с сердца камень: "Ага, теперь все ясно, Солженицын — реакционер..." Лишнее свидетельство того, что инвективы и разоблачения русского писателя по адресу советской тоталитарной системы интеллектуалы Запада и Латинской Америки выслушали в свое время скрепя сердце. Удивляться этому не приходится: миф о Советском Союзе, вера в то, что вопреки

всем ошибкам и заблуждениям это государство искренне стремится к добру, — пред-
 рассудок, от которого не так просто отделаться. Старое теологическое разграничение
 сущности и акциденции, противопоставление сущности внешним проявлениям сохра-
 няет силу для верующих в нашем столетии ничуть не меньше, чем в Средние века: сущ-
 ность — это истина марксизма-ленинизма, а Сталин и сталинизм — всего лишь случайное
 внешнее проявление. Недаром умный и хитрый Лукаш, когда появились первые книги
 Солженицына, пытался сделать из него "социалистического реалиста", другими слова-
 ми, представить его как диссидента в н у т р и церкви. Но явление Солженицына —
 как и многих других независимых русских писателей и интеллигентов — свидетель-
 ствует как раз об обратном: это диссиденты в н е церкви. Они вообще отвергли
 марксизм-ленинизм. Вот что, по-моему, самое удивительное: спустя полвека после
 Октябрьской революции большое число представителей русской духовной элиты, мож-
 ет быть, лучшие из них — ученые, историки, романисты, поэты, философы — перестали
 быть марксистами. Иные, как Солженицын и Бродский, даже вернулись к христиан-
 ству. Речь идет, таким образом, о явлении, которое непостижимо для многих евро-
 пейских и латиноамериканских интеллектуалов. Непостижимо и неприемлемо.

Я не знаю, повторяется ли история; знаю только, что люди мало меняются. *Nulla
 salus sine ecclesia* (вне церкви нет спасения). Раз Солженицын не инакомыслящий рево-
 люционер, значит, он реакционер и сторонник империализма. Обвинять Солженицына,
 который осмелился возвысить голос, значит оправдывать свое собственное многолетнее
 молчание. В действительности русский писатель — ни революционер, ни реакционер, он
 принадлежит к совершенно иной традиции. Отвергая марксизм-ленинизм, он отвергает
 идущую от Просвещения, основанную на вере в прогресс традицию Запада. Кант и
 Робеспьер ему так же чужды, как Маркс и Ленин. Точно так же он не питает никаких
 симпатий к Адаму Смиту и Джефферсону. Он не либерал, не демократ и не капиталист.
 Но он верит в свободу, ибо верит в достоинство человека; он верует также в любовь к
 ближнему и в братство людей — и ни на грош не верит ни в парламентскую демократию,
 ни в классовую солидарность. Он согласился бы, чтобы Россией правил самодержец,
 лишь бы этот самодержец был одновременно истинным христианином: кто верует в
 святость человека, кто чтит божественную тайну в ближнем, тот наш ближний. Здесь
 я должен на минутку остановиться и сказать, что я с Солженицыным не согласен вот
 в чем: христиане не любят своих ближних. Не любят потому, что никогда не верили в
 ближнего, в д р у г о г о. История свидетельствует, что всякий раз, когда они встре-
 чали других, не таких, как они, — они либо обращали их в свою веру, либо уничтожали.
 Я считаю, что суть христиан, как и основная черта их марксистских потомков, состоит
 в том, что они недовольны собой; внутреннее несогласие с собой ведет к тому, что они
 страшатся другого и завидуют ему, особенно если перед ними язычник. Здесь психоло-
 гический корень христианского прозелитизма и причина происхождения инквизиции, —
 и то, и другое принесло немало зла нашей планете.

В своем христианстве Солженицын не является ни догматиком, ни инквизитором.
 Если его христианство отвращает его от демократических институтов, порожденных
 буржуазной революцией, то оно же побуждает его выступить против обожествления
 кесаря и его мумии, против культа буквы священного писания — христианство делает
 его врагом этих двух религий коммунистического мира. Мир Солженицына — это досов-
 ременное общество, где существует система негосударственных судебных решений, лич-

ных прерогатив и свобод, ограниченных условиями небольшого места. Но какой бы архаичной ни представлялась нам его политическая философия, его взгляд на вещи помогает нам видеть развилку истории, на которой мы оказались, яснее, чем это могли сделать возражения его противников. Я должен сказать, что меня далеко не всегда убеждают его аргументы. Его интеллектуальный стиль чужд и даже противоположен моим собственным установкам, моим вкусам, да и моим нравственным убеждениям. Мне ближе Цельс, чем апостол Павел, я предпочитаю Плотина блаженному Августину и Юма — Паскалю. Но прямой и цельный взгляд Солженицына пронизывает нашу современность и вскрывает то, что заслонено повседневной рутинной. Страстность моралиста — это порыв к свободе и к истине, и он расчищает дорогу истине. В писаниях Солженицына есть пророческое начало, какого я не нахожу ни у одного из моих современников. Порой мне слышится в его прозе, — хотя она скорее неповоротлива, а доводы его утомляют многословием, — могучий голос Исаии, я вздрагиваю, и я готов протестовать вместе с ним; а другой раз я слышу голос Иова, и меня охватывает сострадание. Подобно пророкам, подобно Данте, русский писатель говорит о современности, говорит о сегодняшнем дне, но с другого берега, с того берега, который я не решусь назвать вечным, ибо не верю в вечность. Солженицын говорит нам о том, что происходит на наших глазах, — о том, что случилось с нами и что перешагивает через нас. Он рассматривает историю в двойной перспективе сиюминутного и потустороннего.

За исключением определенных районов мира, история которых с конца XVII столетия отклонилась от общеевропейского пути (я имею в виду Испанию, Португалию и их бывшие американские колонии), Запад переживает ныне завершение того, что началось в восемнадцатом веке, — конец Нового времени, эпохи, которая в области политики характеризуется парламентарной демократией, равновесием сил, равенством граждан перед законом и для которой определяющей программой является Декларация прав человека с ее кодексом личных свобод. Дьявол истории словно нарочно позаботился о том, чтобы подтвердить предсказания Маркса — вывернув их наизнанку: буржуазная демократия умирает именно от того, что служило ее историческим обоснованием. Кажется, что осуществляется принцип творческого отрицания, выдвинутый Гегелем и его последователями; я говорю "кажется", ибо отрицание это совершается явно противоестественным образом. Матереубийцей, разрушителем старого порядка оказывается не мировой пролетариат, а новый Левиафан — бюрократическое государство. Революция низвергает буржуазию, но не для того, чтобы освободить людей, а для того, чтобы заковать их в еще более тяжкие цепи. Связь между демократическим государством и детищем буржуазной демократии — современной промышленностью, которая в свою очередь творит бюрократию, — настолько прочна, что критика первого необходимым образом влечет за собой критику второго.

Если марксизм оказывается сегодня несостоятельным, то потому, что его критика капитализма, отнюдь не предусматривающая критику индустриального общества, содержит апологию того, к чему привел капитализм. Прославлять технику и считать промышленность величайшей движущей силой освобождения человечества — то есть исповедовать веру, общую для капиталистов и коммунистов, — было вполне логичным в 1850 г., законным в 1900, понятным и объяснимым в 1920. Но в 1975 году верить в это — скандал. Сегодня нам ясно, что зло коренится не в том, что собственность

распоряжается средствами производства, а в самой природе и характере производства. Разумеется, просто так отказаться от промышленности невозможно; но можно и нужно перестать ее обожествлять, можно попытаться положить предел ее опустошительному действию. Не говоря уже о губительных экологических последствиях, быть может, необратимых, индустриальная система таит в себе социальные опасности, мимо которых никто уже не может пройти. Она, эта система, бесчеловечна и обезчеловечивает все, чего она касается, все и всех, начиная от "командиров производства" и кончая "слугами машин", как называет экономист Перру участников производственного процесса — владельцев предприятий, технократов, рабочих. Неважно, в рамках какой политической системы развивается современная индустрия, — она автоматически творит безличные производственные структуры, стандартные формы организации труда и столь же безличные, бесчеловечные и механизированные отношения между людьми. В самих этих формах и структурах, как в зародышевой клетке будущего организма, потенциально заключено бюрократическое государство с его законодателями, правителями, моралистами, судьями, с его психiatрами и лагерями перевоспитания.

Марксизм с самого начала выступил с утверждением, что ему удалось разгадать тайну законов исторического развития. От этой претензии он никогда не отказывался, ее разделяют писатели всех направлений и толков, на которые разветвился марксизм, от Бернштейна до Каутского, от Ленина до Мао Цзедуна. Между тем во всех его предсказаниях о будущем нет ни малейшего намека на то, что кажется нам сегодня самым страшным и, в сущности, уже стоит на пороге: ни Маркс, ни его наследники не предвидели, что исходом кризиса буржуазного общества станет бюрократический тоталитаризм. Есть только одно исключение: Лев Троцкий. Конечно, одна ласточка весны не делает, и я упоминаю о Троцком лишь потому, что уж слишком патетическим кажется мне этот случай. На закате своей жизни, в последней статье, написанной незадолго до того, как он был убит, Троцкий высказывает — впрочем, не придавая этому большого значения, как человек, который отмахивается от минутного кошмара, — гипотезу о том, что марксистский взгляд на конечное торжество социализма как цель и исход новейшей истории в более отдаленной перспективе может оказаться печальным заблуждением. Автор добавляет, что если в ходе Второй мировой войны либо непосредственно после нее на Западе не одержат победу пролетарские революции, кризис капитализма рискует привести к тому, что на авансцену выдвинутся тоталитарные коллективистские режимы, — первыми историческими примерами в то время (1939 г.) были гитлеровская Германия и сталинская Россия. Позднее некоторые троцкистские группы пытались продолжить анализ своего учителя в этом направлении, но сформулировать истинно марксистскую теорию тоталитаризма им не удалось. Уяснить себе истинный смысл этого феномена им помешало то, что они, подобно самому Троцкому, не соглашались признать, что бюрократия сама по себе является классом.

Самое замечательное при этом то, что для борьбы с новым Левиафаном Троцкий считал достаточной минимальную программу защиты интересов рабочих. При всем своем незаурядном уме он не учел два обстоятельства. Прежде всего сам Троцкий с его догматической нетерпимостью и фанатической верой в то, что большевистская партия призвана творить историю, внес посильный вклад в создание первого бюрократического государства мира; ирония обстоятельств становится еще язвительней, если вспомнить, что Ленин в своем завещании поставил в вину Троцкому именно его

бюрократизм и склонность рассматривать все вопросы с чисто административно-технической точки зрения. Второе, что ускользнуло от внимания Троцкого, это несоответствие между масштабами зла, которое Троцкий сумел увидеть, именно, коллективистского тоталитаризма вместо социализма, и слабостью мер борьбы с ним, совершенно жалкой программой действий. Удивительный народ эти профессиональные революционеры: мировая история сводится для них к составлению манифеста и учреждению комитета. Бюрократия — и апокалипсис.

Бюрократическое государство не есть исключительная принадлежность так называемых стран социализма. Бюрократическим государством была Германия, и такое же государство может появиться в любой другой стране: индустриальное общество тащит его за собой. Его прообразом становятся сверхнациональные концерны и такие учреждения как североамериканское ЦРУ. Все они — составная часть западных демократий. Вот почему свобода, если ей суждено пережить бюрократическое государство, должна избрать иную альтернативу, нежели та, какую предлагают в настоящее время капиталистические демократии. Слабость этих демократий — не физическая, а духовная: они богаче и могущественнее, чем их тоталитарный противник, но они не знают, что им делать с их могуществом и их избытком. Они не верят в то, что не обещает немедленной прибыли, и результат тот, что они не раз уже заключали пакт с дьяволом. Именно об этом сказал Солженицын — пусть на религиозном языке другого века; именно это и встретило отпор фарисеев. К этому мне хотелось бы добавить то, чего он, к сожалению, не сказал, хотя должен был сказать: демократии Запада пригрели всех великих и малых тиранов на пяти континентах и продолжают делать это сегодня.

Часто приходится слышать, что Солженицын не открыл ничего нового. Это верно: мы и раньше знали, что в Советском Союзе есть лагеря принудительного труда, что в лагерях погибли миллионы людей. Новость, однако, то, что большинство левых интеллектуалов в конце концов согласилось с тем, что рай был адом. Боюсь, правда, что этому возвращению к разуму мы обязаны не столько Солженицыну, сколько оздоравливающему действию разоблачений Хрущева. Так или иначе вера сменилась неверием. Но лишь немногие из них, буквально единицы, отважились открыто проанализировать свои заблуждения и назвать своими именами причины, заставившие их думать и действовать так, как они думали и поступали. Нежелание признаться, что совершена тяжелая ошибка, таково, что один из них, между прочим, большой поэт, заявил: "Как же было не стать жертвой заблуждения мне, литератору, если сама история заблудилась?" Греки и ацтеки знали, что их боги могут грешить, но наши современники далеко превзошли их: история, эта идея, ставшая плотью, словно легкомысленная бабенка, уходит под ручку с первым встречным, будь то Тамерлан или Иосиф Сталин. Вот что произошло с марксизмом, который выступил под флагом критики неба и с намерением повернуть историю.

В статье, которую я написал в связи с выходом в свет первого тома "Архипелага ГУЛАГ" (журнал "Plural", март 1975), я подчеркивал, что мое уважение к Солженицыну не означает, что я разделяю его идеи и политические установки. Я согласен с его критикой советского режима, как и с критикой потребительского общества, лицемерия и близорукого оппортунизма демократических стран Запада; я отвергаю его упрощенное представление об истории как о схватке двух империй и борьбе двух мировоззрений.

Солженицын не понял, что столетие распада и ликвидации европейской имперско-колониальной системы было также веком возрождения старых азиатских стран, таких как Китай, и рождения молодых наций в Африке и других частях мира. Потерпят ли эти движения историческое фиаско, как это было до сих пор с Бразилией и государствами Испанской Америки, возникшими полтора столетия назад на развалинах испанской и португальской колониальных империй?

Неведение Солженицына служит до некоторой степени отягчающим обстоятельством, потому что его настоящее имя — высокомерие. По-моему, это истинно русское свойство, мы все сталкивались с ним, общаясь с писателями и интеллектуалами этой страны, независимо от того, были ли они диссидентами или представителями официальной ортодоксии. Высокомерие принадлежит к числу великих русских загадок, оно знакомо и всем читателям Достоевского; у русских высокомерие сочетается со смирением, жестокость с кротостью и простотой веры, фанатизм с величайшей духовной свободой. Вот она, нечувствительность и слепота большого писателя и большого сердца: Солженицын, этот мужественный и сострадающий человек, демонстрирует определенное, я бы сказал, имперское безразличие к страданиям народов, униженных и поработанных Западом. Странно, не правда ли, что он, друг и присяжный свободы, не выказал ни малейшей симпатии к освободительной борьбе этих народов.

Узость его горизонта видна на примере Вьетнама. Узость его собственного горизонта — но и близорукость его критиков. Группы, выступавшие против американской интервенции в Индокитае, были движимы как правило добрыми и вполне легитимными намерениями, но при этом они стремились поставить под сомнение нечто неоспоримое — то, что вьетнамский конфликт был эпизодом в противоборстве Вашингтона и Москвы. Не видеть этого — или не желать этого видеть — означало не видеть того, что хорошо разглядел Солженицын, да и Мао: что поражение североамериканцев ободряет Советский Союз в его гегемонистских устремлениях как в Азии, так и в Западной Европе. Те же группы — социалисты, анархисты, демократы, либеральные противники империализма — справедливо обличали моральное разложение и коррупцию южновьетнамского режима, но не сказали ни одного слова об истинном характере режима, утвердившегося в Северном Вьетнаме. Жан Лакютюр, свидетель, заслуживающий доверия, определил правительство Ханоя как самое сталинистское во всем коммунистическом мире. Отец и глава этого режима Хо Ши Мин, захватив власть, произвел кровавую чистку, направленную против троцкистов и других левых диссидентов. Жестокость правящей группировки в Камбодже ошеломила и устыдила поклонников "красных кхмеров" на Западе. Все это доказывает, что левая — пленница собственной идеологии. Оттого она не нашла достойного способа бороться против империализма, не потакаая при этом тоталитаризму, и наоборот. Но и Солженицын попался в идеологические силки: заявив, что война в Индокитае — это конфликт двух лагерей, он не сказал, что этот конфликт одновременно и прежде всего был национально-освободительной войной. Именно в этом состояло ее оправдание. Игнорировать это означает не только закрывать глаза на многозначность и многогранность всякой исторической действительности, это значит также игнорировать ее человеческий и нравственный смысл. Манихейство — вот ловушка для моралистов.

И все же взгляды Солженицына не обесценивают его свидетельство. "Архипелаг ГУЛАГ" — не трактат по политической философии и не социологическое исследование. Его тема иная: человеческое страдание в его двух крайних проявлениях, на двух полю-

сах — в подлости и в героизме. Не то страдание, которое причиняют природа, судьба или боги, а то, на которое обрекают человека другие люди. Тема эта так же стара, как человеческое общество, как тема первобытной орды и тема Каина. Это тема политическая, биологическая, психологическая, религиозная. Никто еще не сумел объяснить нам, почему есть в мире страдание, почему оно преследует человека. Заслуга Солженицына вдвойне велика: во-первых, его книга есть отчет о пережитом и перенесенном, во-вторых — это подлинная энциклопедия политического террора в XX веке. Вышедшие до сих пор два тома заключают в себе географию и анатомию страдания нашей эпохи. Страдание нашего времени — не меланхолия, не горечь бытия как такового, не мировая скорбь, — но садизм без эротики: преступление, ставшее нормой общества и уподобленное массовому производству. Преступление столь же монотонное, воспроизводимое без конца, как производство стандартных изделий. Какая эпоха и какая цивилизация способна предложить книгу, которую можно было бы поставить рядом с книгой Солженицына или с рассказами оставшихся в живых узников нацистских концлагерей? Наша цивилизация достигла пределов зла (Гитлер и Сталин), и книги рассказывают об этом. В этом их величие. Можно понять сопротивление, которое вызвали произведения Солженицына: они рисуют действительность, самое существование которой представляет собой полное, убедительное, и не оставляющее никаких иллюзий опровержение утопической мысли многих веков, от Кампанеллы до Фурье и от Мора до Маркса. Мало того, в этих книгах дается правдивое описание того самого общества, в котором миллионы наших современников, в том числе множество писателей, ученых, художников — усмотрели не более и не менее как осуществление самых заветных чаяний лучших умов, увидели лучший из всех возможных миров. Что они скажут теперь, как они это переварят? Что скажут они перед этим судом, все эти авторы романтических отчетов о поездках в СССР (один из них назывался "Возвращение из будущего"), восторженных поэм и пламенных репортажей о "родине социализма"?

"Архипелаг ГУЛАГ" облечен в двойную форму исторического труда и каталога. История зарождения, развития и распространения раковой опухоли, учреждения, которое возникло в трудный момент борьбы за власть как тактическая мера, а кончилось тем, что стало социальной системой и втянуло в себя, как в камнедробилку, миллионы людей — одних в качестве жертв, а других — на ролях палачей, надзирателей и пособников, — и каталог: перечисление всех ступеней между зверством и святостью, каковые одновременно являются степенями шкалы бытия. Рассказывая о возникновении, успехах и метаморфозах тоталитарного рака, Солженицын пишет главу, быть может, самую страшную, во всеобщей истории коллективного Каина; описывая случаи, пережитые им самим или рассказанные теми, которые были для него очевидцами в библейском смысле слова, он рисует перед нами образ человека. История социальна; каталог индивидуален. История имеет свои границы: общественные системы возникают, развиваются, сходят со сцены; они преходящи. Каталог не имеет дела с историческими процессами. Его сфера — *conditio humana*, условия человеческого существования. Нет предела человеческому унижению, и взгляд Иова, которого ведут на живодерню, будет преследовать нас без конца. ●

ЯЗЫК КИНО ОБЪЕДИНЯЕТ ВСЕХ

Встреча с Инной Чуриковой

Инна Чурикова среди членов жюри Международной кинонедели

В начале октября этого года в Мангейме (ФРГ) проходила 23-я Международная неделя киноискусства. Советская кинематография не была представлена на этом фестивале, но на нем присутствовала небольшая делегация из СССР, в составе которой в Мангейм прибыла выдающаяся современная актриса И.М.Чурикова, избранная председателем жюри фестиваля.

Широкое признание принесли Чуриковой роли, сыгранные ею в ранних фильмах режиссера Глеба Панфилова "В огне брода нет" и "Начало". К ним можно добавить недавно снятую и показанную в Германии ленту "Васса" (по пьесе М.Горького "Васса Железнова"). Инна Чурикова снималась также в картине Панфилова "Тема", не допущенной к показу на советских экранах. Около двадцати лет Чурикова добивается возможности выступить в роли Жанны д'Арк. Новый проект советско-французского фильма о Жанне, по последним сведениям, отклонен советской стороной. Утверждают, однако, что это решение не окончательное, и есть надежда, что "Мосфильм" приступит к съемкам.

Мы публикуем интервью, которое Инна Чурикова дала специальному корреспонденту журнала "Страна и мир" Ю.Чикарлееву.

Инна Михайловна, хотелось бы услышать о ваших первых шагах в искусстве. Что привело вас в кино?

С детства моей мечтой было стать актрисой. Актрисой мечтала стать и моя мама, — между прочим, мечтала об этом, когда была беременна мной. Должно быть, она и передала мне эту мечту. Я училась в школе и одновременно занималась в драматической студии при Театре имени Станиславского. Два человека, два подвижника — Александр Борисович Аронов и Лев Яковлевич Елагин — стали моими первыми наставниками. Это они организовали студию для подростков. Так я вошла в театр. Мы делали этюды, изображали цирк, играли зверей. Меня увидела одна ассистентка студии "Мосфильм" и пригласила меня на "Мосфильм", я училась тогда в восьмом классе... Но сознательно я стала актрисой, когда познакомилась с режиссером Глебом Панфиловым на съемках фильма "В огне брода нет". Это был его дебют и мое рождение в кино. Этот фильм — день моего рождения как киноактрисы.

Какие ваши самые любимые роли?

Я люблю ту роль, которая меня ожидает и которой я сейчас страдаю — во всех смыслах. А те роли, которые от меня ушли, — они для меня родные, но живут отдельно. Я очень люблю Таню Теткину из фильма "В огне брода нет". Все мои роли — часть моей жизни, моя биография, молодость, зрелость. Почему я люблю Таню Теткину? Такая удача для актера редкость, — встретить роль, встретить такого человека, смысл существования которого — любовь ко всему живому и неживому. Она открывает в себе талант художника — природный смысл, предназначение. Время новое, молодое — идет 1918 год — позволило ей почувствовать себя, определило ее как художника. Она все свои впечатления отражает на бумаге. Очень тяжелую жизнь она рисует в манере примитивистов, — все у нее освещено любовью, светом.

Чем вас привлек образ Жанны д'Арк?

Многим! Я бредила этим человеком. Постараюсь выразиться в нескольких словах. Представьте себе состояние, когда человек не своей болью живет, а чувствует чужую боль как свою, сострадает ей. Жанна чувствовала боль милой Франции. И еще одно очень важно. Люди считали, что Жанна психически неуравновешена, что ее феноменальность — результат этой неуравновешенности. Для меня же она не психически неуравновешенный человек, а простая, обычная, здоровая деревенская девушка, которая знает, как рождаются дети. Она готова все сделать, чтобы спасти свою родную страну. Мне в ней дорого то, что она идет устремленно к своей цели, идет любой ценой. Цель фантастична, невероятна для нормального человека, если считать нормальными тех, кто не задумывается о том, как устроена жизнь, а просто живет как придется.

Что общего, по-вашему, между Жанной д'Арк и современной русской женщиной?

Общее то, что слух к чужой боли свойственен и русской женщине.

Думаете ли вы, что этот образ может заинтересовать наших современников?

Да. Потому что каждый человек должен верить в свои силы, верить в то, что и он способен совершить невозможное.

Можно ли сказать, что ответ на подобные вопросы дан в вашем фильме "Начало", где образ Жанны д'Арк и ее судьба сопоставляются с судьбой современной русской девушки из провинциального городка – судьбой, которая тоже оказалась необыкновенной?

Пожалуй, но не до конца. У Светлова есть строчка: "В каждом братстве больших могил похоронена наша Жанна". В жизни бывает часто, что человек не может открыть себя, понять, к чему и на что он способен. В фильме "Начало" у этой девушки, Прасковьи, все сложилось так, что она открыла в себе то, чем была наделена Жанна.

Какие роли мирового репертуара кажутся вам интересными?

Елизавета Английская в пьесе Брукнера. Пьеса Брукнера очень интересна. Елизавета – женщина, облеченная властью, она должна подавлять в себе свою сущность, свои слабости. Она политик, монарх, но чрезвычайно одинока и обречена на одиночество, при всех своих необычайных дарованиях. Эта пьеса и этот драматург меня очень интересуют. Конечно, мне близок еще один драматург и его женщины – Шекспир. Я репетирую "Гамлета", играю Гертруду. Любопытно, что в нашем театре эту пьесу ставил Андрей Тарковский. Тогда я играла Офелию. А сейчас "Гамлета" ставит Глеб Панфилов. Если говорить о кинорежиссерах, я очень люблю Бергмана (особенно его "Два кумира") и Висконти.

Как вы относитесь к кинематографическому творчеству Пазолини?

Он мне, безусловно, нравится. Это талантливая личность, но я видела немного его картин: "Аккатоне", "Царь Эдип". У нас до сих пор много говорят о фильме "Евангелие от Матфея".

Можете ли вы еще что-нибудь сказать о ваших впечатлениях, о западном кинематографе?

Сейчас очень интересное кино в ФРГ. Я назвала бы, в частности, режиссеров "Жестяного барабана" Маргарете фон Тротта и Шлендорфа, а также Райнера-Вернера Фасбиндера. Здесь, на фестивале, я познакомилась с очень интересным режиссером Максом Ловутским. Мне очень понравилась атмосфера на этом фестивале. Нельзя не оценить подвижничества его организатора, госпожи Фэй Войон. Она любит молодежь и сама душой молода. Этот фестиваль дает всем нам реальное чувство того, как живет молодежь разных стран. Видите ли, кино всех объединяет, все становится близким и понятным. ●

"Начало"

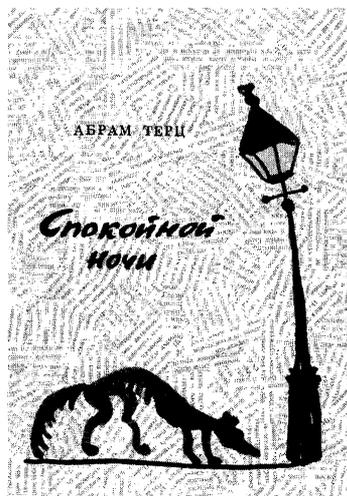

СПОКОЙНОЙ НОЧИ. С ДОБРЫМ УТРОМ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЧТЕНИЮ

И если, наконец, все, что случается в мире, все ваши впечатления покажутся вам важными лишь постольку, поскольку их можно использовать как материал для литературы, если все, включая ваше собственное существование, не будет иметь для вас никакой другой ценности, если вы будете готовы рискнуть всем, принести любые жертвы, встретить любое испытание, — тогда вперед: печатайтесь!

Флобер

Эту книгу берешь с наслаждением. Бумага, формат, двцветный черный и коричневый шрифт, рисунки — все это неслучайно, все сделано с любовью и вкусом. Даже опечатки, этот бич зарубежной словесности, встречаются не по три на страницу, а на тридцать — одна, так что приглядываешься к ним, нет ли и здесь своего эстетического резона. Книгу приятно держать в руках, удобно поставить на полку. Не книга, а полиграфическая поэма. Именины сердца. Пир литературы.

Но откроем, однако. Как ни хороша она на цвет и на ошупь, надо и почитать. Спокойно, вдумчиво. Куда торопиться? Не так уж много в наших краях литераторов, а достойных внимательного прочтения книг — и того меньше. Пять глав, по восемьдесят—сто страниц каждая. Этапы жизни человека по имени Андрей Синявский, ключевые пункты становления писателя Абрама Терца.

Автобиография, исповедь, наброски и зарисовки, любовное перебирание эпизодов и размышлений. Не всякий советский писатель осмелится повторить знаменитое: "Себе любимому". Но о себе любимом пишет с удовольствием каждый. О ком же еще? Да и при чем тут советский? Не зря Андрей Донатович который год обхаживает Василия Розанова. Не подражание — благословение мерещится за страницами мемуар-романа.

Глава первая: "Перевертыш". Как же, встре-

чали такое слово — на страницах газеты. Не зря потрудились редактор, стремясь поточней припечатать. Писатель, герой оценил, подхватил, не побрезговал.

Перевертыш. И сразу, с первой строки полный разворот.

"Обернувшись с услужливостью и никого, к удивлению, не видя и не найдя позади, кто бы так внятно и ласково звал меня по имени, я последовал развитию, вокруг себя, по спирали, на пятке, потерял равновесие и мягким, точным движением был препровожден в распахнутую легковую машину, рванувшуюся, как по команде, едва меня упихнули. Никто не увидел на улице, что произошло."

Арест. Вот уж подлинно в нашей стране от сумы и от тюрьмы не бережешься. Но — надо ли беречься? Умнейшая женщина Евгения Семеновна Гинзбург говаривала: "Каждый должен через это пройти. Недолго: год, два, три, но обязательно надо."

Каждый. А писатель и подавно. Ему нужен толчок, материал, кругозор, и вдруг такой реприманд. Не арест это вовсе, а встреча. Путевка в жизнь. Выезд в поле, знакомство с героями, сбор материала. Командировка творческая. Фольклорная экспедиция и вдобавок на казенный счет. Не арест это, а благословение. Наказание, которое стоит двух ленинских премий.

Как же так могло получиться? Секретная

служба, как зеницу ока берегущая тайны страны и прежде всего собственные тайны. Поймали писателя, посадили. И куда же? К себе, в свое заповедное чрево. Тайну из тайн, секрет из секретов ему подарили. Зачем? Да ведь это ж козла в огород. Грабителя в банк. Священника в церковь. Шуку – в реку. О чем только думали! Нет, никогда не понять этой усмешки богов, умеющих даже кагебешников сделать исполнителями своей причудливой воли.

Итак, читатель, ты уже знаешь, о чем первая глава. Остальные примерно о том же. Это повесть о том, как и из чего пишется книга. Проплывают будущие персонажи (следователь, прокурор, адвокат), зарисовываются места событий (камера, этап).

Со всем этим сталкивается безобидный советский интеллигент Андрей Синявский, но за его спиной, а может, в рукаве незримо прячется "заправский вор и оторвыш, кривляка и шут" Абрам Терц. "Давай, давай! не то я за себя не ручаюсь!.." Это для Терца разыгрывается представление, меняются картины (арест, допрос, суд), выбираются ракурсы и стилистические приемы. Это его работа: напльвы, повторы, фантастические ситуации, вставные новеллы, вкрапленные в общий ход повествования и даже выделенные шрифтом другого цвета.

В конце первой главы – апофеоз, высший орден, торжественно врученный безумным ведомством лукавому автору-перевертышу. Встреча писателя Синявского-Терца с народом. Последнее "прости" следователю у ворот лагеря.

За что мне такая удача, Виктор Александрович, как вы считаете? За добрый нрав? За прекрасные глаза, как вы любите выражаться? Да нет, единственно, за подлую репутацию несогласного с вами, перевернутого в салтомортале несколько раз и вставшего на ноги, на равных с ворами, писателя. За книги, по вашему обвинению самые ужасные, клеветнические, лживые, грязные, за преступные книги, которые здесь никто и не читал, кроме вас, и не прочтет, напечатанные там, где никто не бывал и не будет, непонятные никому, ненужные, но все это уже не существенно, не важно. Меня высаживают – раньше всех, одного, из битком-набитого поезда, на первой же маленькой лагерной остановке "Сосновка". – До свидания, Андрей Донатович! До свидания, Андрей Донатович! – скандировал вагон.

– До свидания, Андрей Донатович...

– Еще раз обернешься – выстрелю, – сказал беззлобно солдат.

– До свидания, Андрей Донатович...

А ведь им, наверное, Пахомов, из клеток, в духоте, вслепую, так слаженно, коллективно выговаривать мое непривычное имя-отчество было ни к чему. Да и ласковое, радостное "до свидания" не шло к обстановке, Виктор Александрович, не шло к этим прокаженным устам. Это вам не театр. Что скажете сейчас, в продолжение ваших допросов? Я-то одно помню: – Море приняло меня! Море приняло меня, Пахомов!..

Вторая глава, "Дом свиданий". Три дня в году дом и семья – бесприютному и одинокому. На тюремной земле стол, кровать.

Раз уж дали вам личное счастье, на столе – что душа пожелает. Окромля птичьего молока. Белый хлеб. Сало. Ешь не хочуй! Гужуйся! Консервы – гресковая печень. Сливочное масло. Сахар-рафинад. Повидло... Набивают курсак отощавшему постояльцу – за год назад, на год вперед.

Дом, семья и любовь.

– Маша! Машенька!.. Покажись – какая ты? Егор – здоров? Цел?!.. Ну слава Богу. Дай же тогда насмотреться на тебя. Выкупаться в лице, как в реке... Двина ли, Пинега, которую мы искали, и вот уселись, сбросив ношу, и смотрим медленно – стелется... Не знаю у мужчины, но женщину мы любим и выбираем за лицо. Жестоко. Не выбираем – впадаем в сеанс лица и катимся вниз водопадом, летим, разбиваясь о камни, едва увидим...

В лагере открывается, к чему это было задумано. Жена должна кормить. Жена должна писать письма и ловить твои между строк. Воспитывать сына, хранить очаг и вести хозяйство, как будто ничего не случилось. И все что заповедано, если ты не выживешь, место и дело твое, твою оборванную нить, вытянуть и проследить до конца, до собственной могилы... Понимаешь?

Дом, очаг, и любовь, и дело твое. С этих слов вторая глава скатывается в русло, проложенное первой. Снова перед нами творческая мастерская писателя: сюжетные линии, зарисовки, рассказы о литературном труде. Впрочем, ничего другого и не приходится ожидать. "Кто о чем, а шелудивый о бане". "У нас с ней производственный роман", – скромно признается Синявский. Жена добытчица, собирательница сведений, поставщица литературных сплетен, спешно "набивающая курсак отощавшему постояльцу"...

Сказал, написал, переправил, отправил, сказал.

Торопливо исписываются листки тетрадки, которой обмениваются заключенный и его жена, сидя рядом на кровати в Доме свиданий. Вслух нельзя, не мышь, но магнитофонная лента голубого майора Постникова шуршит под половицей.

"Живаюсь. Игра на тетради ведется уже в четыре руки... Мария стрижет письма, как травку, и бросает щепотками бумажные макароны в кастрюлю.. Арагон, Твардовский... Эренбург... Солженицын... Вигорелли... Кто такой Меникер?.. У: Голомштока... Передай Даниэлю... Дувакин... Белые письма струятся по Дому свиданий. Будто телетайп".

Уходят один за другим драгоценные ночные часы. Информация, анализ прошедшего. Как случилось. Следствие, жизнь до ареста. Процесс до начала процесса. Как узнали, как вышли, следили. Что казалось тогда. Прокручивается назад кинолента памяти. Производственный роман.

И лишь под утро последний взрыв отчаяния и разочарования в "словесности". Физическая близость, акт высшего сверхъестественного состояния взаимопроникновения и понимания. Растворение друг в друге, граничащее со смертью. *"Что-то похожее, во всяком случае, я наблюдал за собой и на себе в Доме свиданий, в лагере"*.

А дальше – спуск в прошлое, в глубину, к истокам, корням. Детство. За папу, за маму, за тетю, за Ружье, за Велосипед... *"За них бы я съел без зазрения двойную порцию"*. Третья глава – об отце. Понимаешь вдруг, что он – это ты. Повторяешь его в мелочах и деталях, в одышке, повороте тяжелой болванки-головы, в движениях, мыслях. Чем дальше, тем больше вживаешься, совмещаешься с ним. Беззащитный, беспомощный революционер-эсер. Он был эталоном, нравственным уровнем, противостоящим захлестывающей пошлости. Перед смертью, в больнице, спросил:

– Ну, как твой "Пикассо"??..

Он знал, что тираж арестован, по рассмотрении в ЦК. Книжку о Пикассо, что написали мы с Голомштоком, решили зарубить. А что ему Пикассо, живопись? Он не разбирался в искусстве. Только чуял, что это важно почему-то, и доверял. Отцу хотелось, чтоб мы жили, как он говорил, "высшим смыслом", – будь то чужой ему "Пикассо" или "социализм", "революция", так щедро с ним социализавшаяся.

Высший смысл! Как изменчивы эти понятия. Но как важно сознание, что существует нечто

"высшее". Как необходимо иметь образец, как бесконечно счастливы те, кому дана была эта нравственная опора. Отец подарил тебе лес. Как одиноко дерево, возникающее на пустом месте из семечка. Сколько сил отнимают первые шаги. Сколько несправившихся, хилых, жалких уродцев, растущих вкось, сколько душ со смещенными представлениями. Как хорошо иметь надежные корни.

Даже арест отца стал педагогическим уроком: как жить, как остаться верным себе. *"В общем, как я понимаю, он где-то меня страховал..."* Неожиданно мягкий приговор – пять лет ссылки, возвращение отца, которое вдруг оборачивается новой, жестокой и на этот раз окончательной разлукой.

Впервые в жизни я вижу, что отец боится. Боится, что я о чем-то ему проговорюсь и меня посадят. И даже мысли об этой возможности гонит от себя прочь. Мысли – контролируются...

Он подымает руку и делает пальцами знак, похожий на беззвучный щелчок. Включились! Внимание: включились!.. Где-то в Лефортово заработал генератор. Странно: мы с ним одни, по-прежнему одни в огромном пустом лесу, а незримые гости уже реют над нами...

В пустом огромном лесу сын остается один. Ему больше не с кем разделить переполняющие его мысли и впечатления. Единственный собеседник – лист бумаги. Творчество. Не для читателей, не поймут, *"на любом слове поймут и докажут, что все не так"*. А чтобы выразить сущее – вернее, чтобы дать ему выразиться.

Когда пишешь, нельзя думать. Нужно выключить себя. Когда пишешь – теряешься, плутаешь, но главное – забываешь себя и живешь, ни о чем не думая. И как это прекрасно! Тебя нет наконец, ты – умер. Один – лес. И мы уходим в лес. Уходим в текст.

В четвертой главе история объявляется собственной персоной. Как говорится, роковые минуты. Блажен? По правде сказать, не очень. 1953 год. Минуты твои. История посетила тебя, а ступив на ее транспортер, не прыгнешь, нет дороги обратно.

Кажется, можно уйти в прошлое, отсидеться в хранилищах Ленинской библиотеки, где автор погружается в события Смутного времени. Кровь убиенного царевича, вой толпы. Какое ему дело до того, что творится на Москве сегодня? Но нет. Никуда не спрячешься. В неурочное время закрывают читальные залы, забираешь в гардеробе набитый книгами порт-

фель и стоишь на проспекте. Посетил этот мир, так живи в нем, иди. *"Ты дитя той кромешной эпохи... эпохи зрелого позднего и цветущего сталинизма"*. Иди за толпой, что валит к Пушкинской. Старухи, дети, служащие, беременные женщины. Но не дошел, устал тащить тяжелый портфель. А на Трубной колыхалось, вздыхало, давило людей, разбивало витрины. Так что ж, дезертир? Нет, писатель. В этот момент история становится творчеством. Автор подсказывает ей варианты, пробует сюжеты, подыскивает аналогии. Но можно ли сочинить историю? Не было ли так задумано "с самого начала"?

История, я убежден, действует не сама по себе. Не по каким-то своим независимым законам и каналам. Но под присмотром – увь, не всегда доброжелательным. И сверху, с неба, и снизу, из-под сцены, отовсюду, со всех сторон, бьют прожектора, сходясь и перекрещиваясь в заживо светящейся, сгорающей точке: "се – человек!"

Последняя, пятая глава называется "Во чреве китовом". О друге-провокаторе и доносчике, о любви к прекрасной француженке, сокурснице, которая каким-то фантастическим образом в сталинские времена оказалась студенткой филологического факультета МГУ. Чужестранка, воплотившая черты той далекой страны, ее достоинство, культуру, нравственность и даже пейзаж.

Встреча, которой также суждено превратиться в потерю. Потому что ведомство не дремлет. Выследили, узнали и составили план: он наживка, должен жениться на ней, хотя бы фиктивно. А тогда и ее не трудно будет заставить "работать". И вот ты у них в руках, на поводке, ты выполняешь их приказания. Иди, и идешь по переулку. Езжай – в сопровождении двух мордатых агентов отправляешься в Чехословакию. Говори, – нет, язык не поворачивается произнести их слова, но и свои застревают в гортани. И нет выхода.

"Уйдем отсюда, Андрюшка!", как будто мы и вправду могли уйти. Только смерть вождя позволила нам выскочить из заколдованного круга. Но, стоя в том кругу, я уже принял решение, что, вопреки очевидности, уйду в писатели, а что и куда писать – подсказал сам этот круг.

Таков последний, специфически советский шаг в литературу. Пойманный всемогущим учреждением и даже выполняя его распоряжения, человек ухитряется увильнуть от них. Куда же? – в творчество. Он становится писа-

телем, отобразителем, если хотите – создателем обстоятельств, а его мучители, в руках у которых бьется видимость его души и телесной оболочки, – литературными персонажами.

И точка. На последней странице порхает жирный ангел с трубой, только крылышки непропорционально изящны, явно с плеча у Пегаса. С грустью закрываем мы книгу. Конечно, ее надо читать еще раз, не спеша. Мы лишь пробежались по ней легкомысленной трусцой, вытягивая из клубка повествования единственную ниточку – истоки творчества. Зато какое прекрасное пособие для диссертантов. Добродушный писатель сам все рассказал, сам поведал, откуда и что он берет. Книга подкупает своей бесхитростной простотой. Розановская искренность воспроизведена в совершенстве. И невольно вспоминается загадочная русская поговорка: "Простота хуже воровства". Почему хуже? Может, это о литературе, именно о ней? Хуже ли, вот вопрос? Кристальная ясность, рассказ о немалом поведавшем человеке, автобиография. И все-таки смутно на душе. Не совсем это так. Не все рассказал нам писатель. И дело не в том, что главный секрет – тайну ремесла – все же утаил. За этим неприхотливым сюжетом мнится еще одно сальто-мортале.

Прячется в глубине стилизованная личность, все тот же Терц, недаром он значится на обложке. Словно позвали нас ласково, развернули вокруг своей оси на каблучке, мягким точным движением пихнули в роман, и покатила машина. И это, по-видимому, тоже не вся еще правда. Из кармана у Синявского выглядывает Абрам Терц, а там, как отражения в параллельных зеркалах, видны вторые, третьи, десятые пары Донатович-Терц, Терц-Синявский. Нечто вроде того, что математики именуют рекурсией.

Откуда это впечатление? Где доказательства гипотезы? Нет доказательств. Лишь ощущение, эмоциональное и стилистическое впечатление, не переводимое в слова. Но закрываешь роман без особого доверия к автору, который, казалось, так заботливо обращается к вам с обложки: "Спокойной ночи", приятного сна. Знаем мы эти дружеские улыбки. На самом деле хочет, наверное, чтобы мы отвязались, шли спать, не мешали работать. А сам – наверх, в кабинет, скинет камзол, опрокинет стопку, ноги в тазик с холодной водой, мокрое полотенце на голову и – скрипит пером до третьих петухов. Доброе утро! ●

С. Максудов

Усомнившись в человеческом добре, я усомнился и в доброте. Я горюю о ее бессилии! Что пользы в ней, она не заразительна...

Как превратить ее в силу, не иссушив, не растеряв ее, как иссушила и растеряла ее церковь. Доброта сильна, пока бессильна! Едва человек хочет превратить ее в силу, она теряет себя, меркнет, тускнеет, исчезает.

Теперь я вижу подлинную силу зла...

Но чем шире, больше открывалась мне тьма фашизма, тем ясней видел я — человеческое неистребимо продолжает существовать в людях на краю кровавой глины, у входа в газовню.

Я закалил свою веру в аду. Моя вера вышла из огня кремационных печей, прошла через бетон газoven. Я увидел, что не человек бессилен в борьбе со злом, я увидел, что могучее зло бессильно в борьбе с человеком. В бессилии бессмысленной доброты тайна ее бессмертия. Она непобедима. Чем глупей, чем бессмысленней, чем беспомощней она, тем огромней она. Зло бессильно перед ней! Пророки, вероучители, реформаторы, лидеры, вожди бессильны перед ней. Она — слепая и немая любовь — смысл человека.

История людей не была битвой добра, стремящегося победить зло. История человека — это битва великого зла, стремящегося размолоть зернышко человечности. Но если и теперь человеческое не убито в человеке, то злу уже не одержать победы.

Василий Гроссман, "Жизнь и судьба" (1960 г.)

ИМПЕРАТОРСКИЙ РИМ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ